

Звездная кровь

ДУХИ

ДУХИ КИНО

Звездная кровь

DEAN R.

KOONTZ

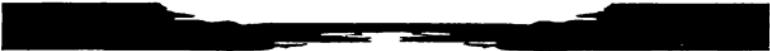
Starblood

A Novel

ДУН
КУНЦ

Звездная кровь

Роман

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ
2003

УДК 820(73)-31
ББК 84(7Coe)
К91

*Разработка серийного оформления
художника И.А. Озерова*

*Иллюстрация на обложке печатается
с разрешения художника
и литературного агента А. Корженевского*

Перевод на русский язык
© ЗАО «Издательство «Центрполиграф», 2003

Художественное оформление
© ЗАО «Издательство «Центрполиграф», 2003

ISBN 5-227-01212-1

Охраняется Законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

Пролог

Тимоти не был человеком. Во всяком случае, на все сто процентов.

Если для человеческого существа вы считаете обязательным наличие рук и ног, то Тимоти данным параметрам не соответствовал. Если полагаете, что у человека должна иметься пара глаз, то Тимоти вам также надлежало бы вычеркнуть из потомков Адама и Евы, потому что глаз у него был только один, да и то торчавший явно не там, где надо, — сдвинутый к левому уху и на целый дюйм ниже нормы, причем череп у него был огромным. Нельзя умолчать и о носе Тимоти ввиду его почти полного отсутствия, если не считать двух дырок, точнее дырочек, служивших ноздрями и расположенных более или менее в центре его костистого невыразимо злосчастного лица. Нельзя не упомянуть и его кожу: восково-желтую, какими бывают фрукты, изготовленные из папье-маше, и обезображенную крупными, разнокалиберными порами, казавшимися следами от булавочных уколов. Что уж

там было говорить про уши — плоские, прижатые к черепу и остроконечные, как у волка. При более пристальном рассмотрении вы бы несомненно обратили внимание и на кое-что другое: его волосы, структура которых не вызывала ассоциаций с волосами нормального представителя любой из известных на земном шаре рас; его соски, имевшие форму не бугорков, а, наоборот, углублений на теле, и его половые органы, вроде бы свидетельствовавшие о принадлежности к мужскому полу, но замкнутые в мошонку сразу же под пупком, а вовсе не между теми обрубками, которые сходили у него за ноги.

Лишь в одном отношении Тимоти можно было признать человеком — в том, что было связано с его мозгом, с его интеллектом. Но даже в этом плане он не вписывался в какие бы то ни было нормы, потому что его коэффициент интеллекта зашкаливал за двести пятьдесят, что приводило его в разряд несомненных гениев.

Разумеется, и зачат он был искусственным образом; не столько зачат, сколько выведен в военно-технической лаборатории, разрабатывавшей биологическое оружие, а именно — существ, обладающих психоделическими способностями, благодаря которым, возможно, удастся поставить на колени обнаглевших азиатов. Существует некий тип милитаризованного сознания, для которого человеческое тело представляет собой всего лишь инструмент, подчиняющийся приказу, и именно та-

кие милитаристы и работали в соответствующей лаборатории, производя опыты над человеческой плотью. И когда в результате их экспериментов на свет появлялся кто-нибудь вроде Тимоти, ни на что не годный уродец, они просто качали головами и, игнорируя любые проклятия со стороны общественности, продолжали свое безумное дело.

Тимоти поместили в особый приют для существ такого рода, где, как предполагалось, он в течение пяти лет должен был умереть. Однако на третьем году посвященные в подробности секретного проекта специалисты поняли, что Тимоти (подобные существа производили сериями по буквам алфавита, Тимоти был из серии «Т», отсюда и его имя) вовсе не лишенное и тени разума существо, каким он казался... и произошло это во время кормления. Сиделка ложку за ложкой запихивала еду в рот Тимоти, смахивая салфеткой крошки с подбородка и щек, когда у одного из других тамошних «питомцев» началась агония. Она бросилась на помощь к врачу, оставив Тимоти голодным.

А поскольку во второй половине того же дня для младшего медицинского персонала в приюте проводились учебные занятия, Тимоти так и предстояло остаться голодным. Однако он взбунтовался. После того как ему не удалось никого дозваться жалким скулением, Тимоти принялся ворочаться на матрасе. Не имея ни рук, ни ног, он никак не мог дотянуться до миски с пищей, которая стояла на

столике рядом с его «колыбелью», хотя видел он ее — своим единственным и не на месте расположенным глазом — превосходно, что лишь усугубляло его мучения. Моргая и прищуриваясь то так, то этак, он вынул ложку из миски, не дотрагиваясь ни до той, ни до другой, переправил ее к собственному рту, вылизал и послал в миску за новой порцией.

Как раз когда ложка совершала шестой рейс, вернулась сиделка. Увидев, что происходит, она упала в обморок.

Тем же вечером Тимоти перевели из общей палаты в отдельный бокс.

Не поднимая никакого шума.

Он и не подозревал, куда именно его переведут. Строго говоря, его это и не интересовало: ведь, в отличие от подавляющего большинства трехлетних детей, он был лишен возможности развивать мелкую моторику. А не получая надлежащей стимуляции, он не успел развить достаточных мыслительных навыков. Тимоти не понимал ничего, кроме базовых желаний собственного тела, то есть голода, жажды и потребности в дефекации и мочеиспускании. Поэтому ему было совершенно все равно, куда его переводят.

Но впредь оставаться в подобном неведении ему уже не позволили. Военные экспериментаторы стосковались хоть по какому бы то ни было успеху. Живых питомцев, кроме Тимоти, у них оставалось всего двое, и они решили форсировать его развитие. Каким-то об-

разом им удалось измерить коэффициент интеллекта Тимоти — и он оказался несколько выше среднего уровня. Это привело их в восторг, потому что перед началом эксперимента всеобщее мнение было таково, что придется иметь дело с дебилами, пусть и обладающими особыми психическими способностями. Компьютеры тут же разработали беспрецедентную образовательную программу для обучения необыкновенного существа, и к реализации этой программы приступили немедленно.

От Тимоти ожидали, что он заговорит через семь месяцев; вопреки всем расчетам это произошло через пять недель. Читать ему надлежало научиться за полтора года; но через три месяца он уже приступил к освоению программы средней школы.

Ничего удивительного не было в том, что и тесты на коэффициент интеллекта начали приносить другие результаты. Ведь при этом происходит оценка как врожденных способностей совершать логические операции, так и развившихся в результате накопления жизненного опыта и обучения. Когда Тимоти тестировали в первый раз, он ровным счетом ничего не знал. И результат — коэффициент несколько выше среднего уровня — был подкреплён исключительно врожденными качествами. Всеобщий восторг успехами Тимоти не прекращался до тех пор, пока его коэффициент не зашкалил за судьбоносные 250 пунктов. Прошло уже восемнадцать месяцев с тех пор, как он заставил ле-

тать ложку. Теперь он буквально пожирал книги, переходя от одного предмета к другому: две недели ушло на студенческие учебники по физике, месяц — на английскую литературу девятнадцатого столетия. Военных это не слишком тревожило, они вовсе не собирались превратить его в одностороннего специалиста. Им хотелось только, чтобы он получил образование и научился разговаривать. Через восемнадцать месяцев обе эти цели были достигнуты. И теперь у военных появились другие планы...

Они самым тщательным образом замерили его психотехнические способности. Им уже грезились, что Тимоти окажется способным уничтожить всю азиатскую армию одним-единственным психотехническим ударом. Однако вскоре выяснилось, что как раз в области психоделики возможности Тимоти были крайне ограничены. Самым тяжелым предметом, который ему удавалось поднять, так и осталась столовая ложка, наполненная апельсиновым соком, да и радиус его воздействия не превышал ста футов. Так что сверхоружия из него явно не вышло.

Генералы были разочарованы. После того как неудача с Тимоти стала очевидной, они приняли решение усыпить его и «разобрать на запчасти», чтобы выяснить, не удастся ли хоть как-нибудь воспользоваться его уникальными умственными способностями.

Но тут, к счастью для него, война закончилась.

Сверхоружие в конце концов удалось создать биохимикам. Примерно в то же время, когда специалисты окончательно разочаровались в психотехнических способностях Тимоти, биохимики создали вирус, который распространили по всему азиатскому континенту. И прежде чем генералы успели усыпить Тимоти, вирус уничтожил почти половину мужского населения Азии (вирус был разработан так, что воздействовал лишь на определенные комбинации хромосом, характерные только для представителей монголоидной расы), что и вынудило противника признать поражение.

После того как мир заключили, искусственно рожденных и «утробы», в которых их вынашивали, передали под контроль все тех же биохимиков, и весь проект был списан в архив.

Но ученые были по-прежнему очарованы способностями Тимоти. На протяжении трех недель он прошел новое многоступенчатое тестирование уже со стороны своих новых начальников. До его слуха доносились фразы типа такой: «Интересно, как должен выглядеть этот мозг?»

Одним словом, три недели прошли в диком напряжении.

В конце концов случилась утечка информации в СМИ и статьи о чудовищно уродливом мутанте, способном поднимать и перемещать столовые ложки, не притрагиваясь к ним, на три дня стали сенсацией. Комитет ветеранов, самый крупный из комитетов нового, ориенти-

рованного на жизнь в мирных условиях правительства, отреагировал на общественное внимание к мутанту и решил взять его судьбу в свои руки. Сенатор Килби объявил о том, что правительство намерено «реабилитировать» молодого человека, снабдив его искусственными руками и самоходным устройством для передвижения.

И вновь статьи о нем стали сенсацией на три дня. О нем — и о ловком сенаторе, который взял на себя личную ответственность за предстоящую реабилитацию...

Глава 1

Тимоти стоял в патио прямо над скалой и смотрел на стаю птиц, облюбовавшую ветви высоких пиний, которыми густо порос весь горный склон. Природа очаровывала его, потому что ей присущи два качества, в которых было отказано самому Тимоти, — многофункциональность и безупречное совершенство. Как большинство нормальных людей с любопытством посматривают на калек, так и Тимоти интересовала сама природа нормальности. Левой механической рукой он решил убрать ветви, мешающие ему как следует полюбоваться птицами. Шестипалое приспособление выдвинулось из устройства на уровне несуществующей кисти, на котором оно было смонтировано, выстрелило на сорок футов, достало до закрывавшей

панораму ветви и осторожно, чтобы не спугнуть птиц, отодвинуло ее. Но птицы оказались слишком чуткими: они тут же снялись с места и улетели.

Воспользовавшись своими ограниченными психоделическими возможностями, Тимоти нажал на один из двух сотен миниатюрных переключателей на модуле управления, вмонтированном в куполообразное гравитационное устройство, облежавшее его ноги-культи. Эти переключатели, приводимые в действие психоделикой, по его желанию могли маневрировать его механическими руками или давали ему возможность передвигаться самому. Теперь, когда птицы улетели, Тимоти отозвал назад свою «левую». Та послушно прилетела обратно и опустилась на положенное место.

Он поглядел на часы, надетые на механическую руку, и с удивлением обнаружил, что опаздывает на ежеутреннюю беседу с Тагастером. Он распорядился переключателями и, проплыв по двору, опустился на нечто плюшевое в гостиной собственного дома.

Дом служил для Тимоти утешением и убежищем, даруя ему комфорт в часы уныния и тоски, скрашивая одиночество, подсказывая то или иное занятие, когда жизнь казалась слишком пустой и бесцельной. Тимоти построил этот дом по собственному проекту на деньги, полученные за двухтомную автобиографию, и он, подобно фрегату на морском просторе, возвышался над руинами, оставшимися еще с

времен Войны за независимость, — а именно над тайным арсеналом сторонников британской короны. Гонорары, получаемые в «Стране развлечений», по праву считавшейся общенациональным лидером желтой прессы, практически закрыли для него денежный вопрос.

Проскользнув по мягкому ковру, Тимоти опустил в особое кресло в форме чаши из мебельного гарнитура, спроектированного в расчете на ограниченные психоделические возможности. Подняв «руку», он сдвинул с места алюминиевый шлем и водрузил его на костлявое чело. Второй механической рукой он нащупал тумблер и настроил связь с приемником в гостиной у Тагастера.

На какое-то время очертания предметов в комнате расплылись, а над головой закружились ослепительно белые и крошечные-черные хлопья. Изобретатели Системы Ментальной Связи утверждали, будто именно в эти мгновения смерть пытается прорваться в тело корреспондента, но одновременно включаются защитные экраны, которые не позволяют смерти заполучить новую жертву. И вот уже сознание Тимоти влилось лучом в Систему Ментальной Связи, наряду с тысячами других лучей, направленных на тысячи других приемников. Менее чем через секунду белые и черные хлопья начали мелькать медленнее, затем исчезли вовсе, и им на смену пришло многоцветье зримого мира. И первое, что увидел Тимоти после вступления в контакт,

было мертвое тело Тагастера, привалившееся к стене...

Тимоти нестерпимо захотелось отпрянуть от компьютерного мозга и всевидящих глаз-камер и поскорее вернуться обратно в коммуникационный хаос с тем, чтобы вновь выйти из него в нужной точке. Тагастер просто-напросто не мог умереть! А он действительно умер, для Тимоти это ни с чем не сравнимая потеря. В конце концов, в мире, в его мире, больше не было никого, с кем он, Тимоти, мог бы разговаривать с такой непринужденностью и на равных; никого, кто, в свою очередь, умел бы столь же глубоко понимать его. Кроме Тагастера, у него имелся лишь собственный дом, а с домом как-никак не побеседуешь. Но тут воля Тимоти, закалившаяся в многочисленных испытаниях в прошлом, поборола минутную слабость, не позволила поддаться панике и убежать от реальности. Он плотнее вжался в кресло и снова взгляделся в поразившую его картину.

Нет, Тагастер не был мертв. Хотя голова известного концертирующего гитариста была залита кровью, его тело подергивалось. Тимоти включил переговорное устройство, и механический голос разорвал тишину эфира:

— Ленни!

Тагастер едва заметно поднял голову, но для Тимоти этого оказалось достаточно, чтобы понять: в горло гитаристу вонзился дро-тик. Тагастер попытался что-то сказать, но из

горла у него вырвалось лишь булькающее шипение, словно в ведерке со льдом разбилась бутылка шампанского.

Тимоти почувствовал, как в душе у него зарождается беззвучный вопль. Миг спустя он понял, что этот вопль отнюдь не был беззвучным, напротив, он гремел в репродукторе. Это испугало Тимоти, и он отвернулся от тяжело раненного друга, пытаясь собраться с мыслями. Дротик? Но кому могло прийти в голову убивать Леонарда Тагастера? И почему этот человек не довел задуманное до конца?

Музыкант издавал нечленораздельные звуки, словно отчаянно пытался сообщить нечто очень важное. Его голова моталась из стороны в сторону, потом начались конвульсии — предвестники близкой смерти. Тимоти уже пожалел, что не спрятался в хаосе лучей. Широко раскрытые глаза Тагастера были полны слез. Он понимал, что умирает.

Тимоти не выдержал и нырнул в спасительное коммуникационное пространство-хаос, и перед ним вновь замелькали белые и черные хлопья, но тут же они опять стали многокрасочным миром, когда желание проститься с другом пересилило страх стать свидетелем его смерти. Тимоти самым позорным образом запаниковал и сам прекрасно понимал это. Ведь Тагастер пытался ему что-то сказать, пытался сказать ему что-то чрезвычайно важное. Но как же ему удастся, если в его горле торчит металлический стержень?

Вялой рукой Тагастер провел по стене, словно пытаясь написать на ней какие-то слова, и Тимоти разгадал его замысел. Он развернул приемник таким образом, чтобы камера охватывала большую часть помещения. Там имелся письменный стол, на котором лежало множество ручек и карандашей, — всего в каких-то двадцати футах от дальней стены. Но приемник не обладал способностью перемещать предметы, а сам Тагастер был не в состоянии передвигаться. Тимоти уже подумал о том, чтобы выйти из Системы Ментальной Связи, вернуться в собственное тело и вызвать полицию. Но Тагастер хотел что-то сообщить ему, это нельзя было оставлять без внимания.

Тимоти прищурил несуществующие глаза (глаза камеры нельзя было назвать глазами в строгом смысле слова, а его собственный глаз, разумеется, оставался дома, пристроившись где-то сбоку на его асимметричном лице) и поставил свою психическую энергию сосредоточиться в районе письменного стола. Сконцентрировавшись таким образом, он принялся играть с одним из карандашей. Тот покатился по столу и едва не свалился на пол. Тимоти, удвоив старания, оторвал его от поверхности стола и послал по комнате в ту сторону, где у стены умирал Тагастер. Тимоти показалось, будто он вспотел, чего в действительности произойти не могло.

Тагастер поймал карандаш и неуверенно подержал его в руке, словно не понимая, что

это такое. Он закашлялся, выхаркнул кровь, какое-то время смотрел на бурый плевок на полу. Когда Тимоти призвал его написать что-нибудь, Тагастер вяло уставился на экран камеры; казалось, он пребывал во власти неясных сомнений... или боли. Затем он написал на стене одно-единственное слово: «Маргель»... Буквы получились неровными, однако вполне разборчивыми. Затем Тагастер, вздохнув, выронил карандаш. Тот с глухим стуком ударился о паркет.

— Ленни!

Тимоти казалось, будто имя Маргель уже попадалось ему где-то, хотя где именно вспомнить он не мог. Так или иначе, теперь он чувствовал себя вправе покинуть Систему, вернуться в собственное тело и вызвать полицию. Но уже когда он выходил из Системы Ментальной Связи, до его слуха донесся вопль.

Это был женский вопль, истерический и душераздирающий, в течение нескольких секунд он сотрясал тишину дома Тагастера, а затем превратился в приглушенный клекот. Вопль донесся из спальни, и Тимоти, применив новое усилие, перенастроил приемник так, чтобы видеть и примыкающую к гостиной спальню.

Кричала и на самом деле женщина. Она пыталась выбраться из окна, но прозрачная ночная рубашка зацепилась за щеколду, заставив ее на какую-то долю секунды замешкаться, и это мгновение оказалось фатальным. В спину ей вонзились три дротика.

Кровь заструилась сквозь прозрачную материю и закапала на пол.

До сих пор действия Тимоти строились на предположении, что убийца уже покинул дом его друга. Теперь же он перевел камеру влево и увидел преступника.

Так называемая Гончая метнулась к дверям, держа на весу перед собой две механические руки с растопыренными пальцами, словно она намеревалась кого-то задушить. Колчан с дротиками был приторочен к «брюху» этой шарообразной машины. Вот, значит, каков он, убийца, — тридцать с небольшим фунтов компьютерной начинки в сферической оболочке, снабженных семью сенсорными системами.

Такие машины имеются только у полиции.

Но с какой стати полиции понадобилось избавляться от Тагастера?.. А если даже это действительно полиция, чего ради избирать столь необычное орудие убийства, которое без малейшего труда может изобличить и исполнителя, и заказчика?

Гончая исчезла за дверью спальни, и Тимоти внезапно вспомнил о том, что там, в гостиной, по-прежнему находится умирающий Тагастер. По-видимому, Гончая решила проверить результаты своих трудов. И Тимоти следом за нею переключился на главный приемник.

Тагастер лежал у стены в прежней позе, издавая булькающие звуки. И когда робот-убийца вернулся в гостиную, умирающий увидел его.

Тимоти нашел на столе бронзовую статуэтку — крестьянин с мулом (этот сувенир Тагастер привез из Мексики), — поднял ее в воздух и со всею силой, которую ему удалось собрать, обрушил на Гончую. Статуэтка ударилась о металлический панцирь механической гадины и, не причинив ей никакого вреда, упала на пол.

Гончая повернулась к Тагастеру, устройство для метания дротиков было заряжено.

Тимоти нашел на столе тяжелую пепельницу и попытался поднять ее в воздух, но сделать это ему не удалось. Он и сам знал, что его психоделическая сила имеет свои пределы. Но тут он вспомнил о том, что на столе среди рассыпанных карандашей лежит пистолет. Он направил на него поток энергии, однако не смог сдвинуть его с места. Он удвоил старания и в конце концов перевернул пистолет так, что его ствол смотрел прямо на Гончую. А уж нажать на «собачку» оказалось и вовсе простым делом. Пистолет выстрелил, но он был заряжен не боевыми патронами, а наркотическими капсулами, так что они не причинили роботу никакого вреда, разве что на миг отвлекли ее зрительные рецепторы.

Затем Гончая выстрелила в Тагастера. Четыре раза подряд. Прямо в грудь.

Тимоти почувствовал слабость и пустоту внутри себя, будто какой-то электронный вампир высосал из него всю энергию. Ему хотелось только одного: прекратить дальнейшие бес-

плодные попытки спасти друга, замкнуться в себе, вернуться домой, в свое пристанище, где у него оставались его книги, его кинофильмы, да и сам дом, в конце концов. Но он должен был испробовать все возможности, чтобы не позволить Гончей убежать. Он принялся лихорадочно рыскать оком камеры по гостиной Тагастера в поисках предмета, достаточно мелкого для того, чтобы его ограниченный дар оказался способен пустить его в ход. Он нашел несколько статуэток и других безделушек и бессмысленным градом обрушил их на бесчувственную машину.

Гончая озадаченно огляделась по сторонам, в свою очередь, выпустила залп дротиков в остававшиеся еще на местах сувениры, но так и не смогла обнаружить источник опасности. Затем пальнула пару раз в экран приемника, бросилась вон из комнаты, потом из дому и исчезла...

Глава 2

Тимоти все еще оставался в гостиной Тагастера и смотрел на теперь уже бездыханный труп друга. Тимоти испытывал такую душевную слабость, что не мог и подумать о том, чтобы отправиться куда-нибудь еще. Воспоминания замелькали у него в мозгу подобно ящерицам: одна цеплялась хвостом за другую, каждая запускала холодные коготки в его разум. Но боль-

нее всего жгла мысль о том, что отныне раз навсегда прервалось его общение с Тагастером и не будет больше долгих задушевных бесед с другом и последующих размышлений, этими беседами навеянных. Когда умирает друг, это похоже на угасание свечи — свет и тепло исчезают, оставляя лишь смутные воспоминания.

Наконец он оторвался от приемника в осиротевшем доме Тагастера и позволил сознанию погрузиться в хаос лучей в Системе Ментальной Связи и, промчавшись сквозь этот хаос, вернуться в собственное тело. Какое-то время он сидел неподвижно, восстанавливая растрченную энергию, и вдруг с опозданием осознал, что из его единственного глаза по уродливой пористой щеке катятся слезы. Правда, он оплакивал не столько Тагастера, сколько самого себя, ибо сильнее всего на свете Тимоти боялся одиночества. Его память резануло жуткое воспоминание о днях и ночах, проведенных в правительственном госпитале, где он лежал, неподвижный и никому не нужный. Жить, не имея возможности общаться, вступать в ментальный контакт с кем бы то ни было, — страшнее всего, страшнее даже самой смерти. На свете было совсем немного людей, сознание которых было столь же обострено и столь же сложно организовано, как его собственное; совсем немного тех, с кем он мог бы завести тесную дружбу. Да, так сложилось, что Тагастер оказался единственным, кого он мог по праву назвать другом... а теперь у него не оставалось и Тагастера.

Слезы текли нескончаемым потоком, и удержать их не было никакой возможности, так что в конце концов Тимоти снял шлем, отключился от Системы и задумался над сложившейся ситуацией. Если его главной слабостью был страх перед одиночеством, то самая сильная черта его характера состояла в способности справляться со всеми бедами опять-таки в одиночестве и во всем полагаться только на себя. И сила, и слабость Тимоти были двумя сторонами одной и той же медали. Он ждал, когда просохнут слезы у него на щеке, и анализировал события, случившиеся в последние полчаса.

При других обстоятельствах он, не задумываясь ни на мгновение, оповестил бы полицию. Но Тагастера убила Гончая — а это меняет дело. Если какая-то официальная инстанция (или любой из ее представителей) предприняла определенные действия с тем, чтобы лишить музыканта жизни, то было бы сущим безумием оповещать ее о том, что имеется свидетель совершенного убийства. Прежде всего надо разобраться с подоплекой расправы над другом, хотя на данный момент у него не было ни одной ниточки, кроме имени: Маргель.

Тимоти поднялся из чашеобразного кресла, пересек комнату, миновал коридор, стены которого были выкрашены в яркую краску, и очутился в своей излюбленной библиотеке. Пошарил механической рукой по стене, отодвинул ширму; перед ним появилась клавиша-

тура компьютера, связанного напрямую с компьютером «Страны развлечений». Набрал имя Маргель и нажал на клавишу с пометкой «Полная информация».

Через тридцать секунд из печатного устройства на пластиковый поднос выскользнул еще влажный лист с запрошенными данными. Тимоти обождал немного, давая буквам просохнуть, затем взял лист механической рукой, поднес его к глазу и начал читать.

Клаус Маргель. Связан с Братством — то есть с подпольной организацией, пустившей корни на территории, некогда заповедной для мафии предыдущих поколений, и в конце концов сумевшей подавить или уничтожить все старшие «Семейства», потому что именно Братство полностью контролировало поставки и распространение ПБТ. А ПБТ вытеснил практически все остальные наркотики и псевдонаркотические средства, к которым прибегает человек, желая отвлечься от тягот повседневной жизни. Поскольку нынешние либеральные законы легализовали азартные игры и проституцию, наркотики остались чуть ли не единственной сферой деятельности преступного мира. По слухам, Маргель был «крестным отцом» разветвленной преступной организации, хотя никаких прямых улик, а равно и доказательств вины не существовало.

Рост — шесть футов, вес — двести восемнадцать фунтов. Волосы темные, глаза — голу-

бые. Правую щеку пересекал трехдюймовый шрам, происхождение которого оставалось невыясненным. На правой руке отсутствовал большой палец, но где и когда Маргель его потерял, было неизвестно. Он имел репутацию бесстрашного человека, который не прочь подергать смерть за усы: ни про одно задание, которое он поручал исполнить своим подчиненным, нельзя было сказать, будто он и сам не делал такого раньше или, не моргнув глазом, не сделал бы и сейчас. В настоящее время у него была интрижка с Полли Лондон, восходящей «звездочкой» мира чувственных удовольствий, фотографии которой появлялись в светской хронике «Страны развлечений» едва ли не чаще любых других. На этом информация о Клаусе Маргеле исчерпывалась.

Эти сведения объяснили появление Гончей. Более того, в сюрреалистическом тумане совершенного преступления появился просвет. Преступный мир в силах заполучить в свое распоряжение все, что угодно. Ходили слухи, что половина чиновников города кормится из рук Братства. С помощью одного или нескольких коррумпированных чиновников Маргель и его люди могли раздобыть и Гончую. Так что, если бы Тимоти решился обратиться в полицию, он, скорее всего, оказался бы на крючке у какого-нибудь омерзительного «оборотня».

Он набрал номер личного видеофона главного редактора «Страны развлечений». Средства двухмерной связи использовались теперь

почти исключительно для деловых контактов, для более интимных переговоров люди привыкли пользоваться Системой Ментальной Связи, обеспечивающей эффект присутствия. А для таких людей, как Тимоти, подобное средство общения являлось гораздо большим, нежели просто удобным коммуникационным каналом... Пару мгновений спустя бледный экран заиграл всеми цветами радуги и на нем возникло лицо Джорджа Крили, главного редактора «Страны развлечений». Грустные глаза великана уставились на Тимоти.

— Доброе утро, — сказал он. — А в чем дело?

Говорил он спокойно, с чувством собственного достоинства, хотя в душе преклонялся перед Тимоти, который являлся его начальником как главный акционер. Да и сам Тимоти глубоко уважал Джорджа Крили за ум и профессионализм. Годы мытарств и лишений превратили его в тонко чувствующего, но сильного духом человека. Крили был чернокожим, и ему исполнилось всего одиннадцать лет, когда разразились Черные войны. Он жил в Чикаго, а как раз этот город тогда и провозгласил свою независимость. Мальчику, в отличие от многих тысяч его сверстников, удалось уцелеть в ходе завершающих сражений. Окончательно его характер сформировался в атмосфере недоверия и ненависти послевоенных лет.

— Джордж, мне нужна информация.

— Собрался написать статью?

— Пока просто любопытствую.

Тимоти надеялся, что собеседник не заметит его волнения.

— И о чем или о ком речь?

— О Клаусе Маргеле. Парне, который закрутил с Полли Лондон. Ну, этот тип без большого пальца на правой руке, у него еще на щеке шрам. И возможно, он является «крестным отцом» одного из самых влиятельных «семейств» во всем Братстве.

— Я свяжусь с людьми из Аналитической службы. Завтра с утра тебя устроит?

— Информация нужна мне через час.

— Мне понадобится озадачить человек пять из числа лучших аналитиков.

— Но ты успеешь?

— Успею, — ответил Крили. — Перезвоню через час.

Крили отключился первым. Его лицо расплылось на экране, а затем полностью исчезло.

Тимоти приготовил себе виски с содовой и принялся ждать. Тишина, стоявшая в доме, казалась неестественной. Но даже после того, как он вставил кассету с музыкальной записью в стереомагнитофон, в доме все равно было пусто, как в просторном холле, в котором недавно закончился съезд политической партии, — пусто и холодно. Тимоти искренне обрадовался, когда через час услышал гудение видеофона.

— Та еще птичка этот Маргель, — сказал Крили.

— Давай поподробней.

Тимоти не терпелось узнать, что же сумела накопать Аналитическая служба.

Крили поднес стопку документов к факсу и нажал на кнопку. Мгновение спустя листы, один за другим, начали соскальзывать на пластиковый поднос в библиотеке у Тимоти. Лишь усилием воли он удержался, чтобы не накинуться на них немедленно. Крили, это было по нему видно, и без того чрезвычайно заинтересовался происходящим. Тимоти вовсе не хотелось спугнуть кого-нибудь (а кого именно, он и сам еще не знал) до тех пор, пока сам не поймет, что, собственно говоря, происходит. И дело вовсе не в том, будто он не доверял Крили. Просто самому себе он доверял куда больше. Да и сам Крили на его месте повел бы себя точно так же.

Когда копии всех документов лежали на подносе, Тимоти поблагодарил Джорджа за оказанную услугу и попрощался с ним. Расположившись поудобнее в чашеобразном кресле и отключив его мобильное устройство, Тимоти взял листы механическими руками и принялся читать. В какой-то момент ему показалось, будто сами буквы складываются в имя Леонарда Тагастера. Он постарался стряхнуть это наваждение и погрузился в чтение.

Когда он ознакомился со всем, что газетным аналитикам удалось собрать по Клаусу Маргелю, у него не осталось сомнений, что

именно этот человек и является главой всего Братства. Список других вожаков преступного мира, ликвидированных, как предполагалось, по приказу Маргеля, производил внушительное впечатление. Изучая этот список, Тимоти живо представил себе историю восхождения изобретательного и безжалостного криминального гения к высотам власти. А ступеньками ему служили соперники, которых он безжалостно устранял — и так, пока не добрался до самого верха...

Тимоти снова похвалил себя за то, что предусмотрительно не связался с полицией. Клауса Маргеля арестовывали девять раз — и неизменно выпускали за «недоказанностью». Если бы полиция, не обладая неопровержимыми уликами, начала бы расследовать убийство Тагастера, Маргелю вновь удалось бы выйти сухим из воды. И тут уж он бы непременно занялся небезызвестным монстром по имени Тимоти...

Это дело нельзя передавать полиции, пока он не раздобудет достаточное количество серьезных улик, которые на сей раз не позволят Маргелю выпутаться или откупиться. Он, Тимоти, должен все сделать сам, используя все имеющиеся у него возможности, а иначе какой прок от его пресловутых двухсот пятидесяти с лишним пунктов коэффициента интеллекта?

Приняв решение, Тимоти перешел к действиям. Он подъехал к Системе Ментальной Связи, сел в кресло, надел шлем... Необходи-

мость вернуться в дом, где музыкант и его девушка лежали в лужах собственной крови, не доставляла ему ни малейшей радости. Потерять друга само по себе невыносимо тяжело, а уж распорядиться его телом так, как это предстояло Тимоти... да любого бы затошнило от одной мысли об этом.

Через мгновение он уже вынырнул из приемника, установленного в гостиной дома покойного Леонарда Тагастера. Тело все еще было здесь, неестественно изогнувшееся в предсмертных конвульсиях. Тимоти сразу же отвернулся, но почувствовал, что мертвое тело притягивает его к себе как магнитом. Он навел камеру на дверцы нужного ему шкафа. Оставалось надеяться на то, что необходимый ему предмет Тагастер никуда не переложил оттуда. С помощью психотехники Тимоти открыл дверцу. Янтарным и алым светом вспыхнули сигнальные лампы, заверещала система охраны. Тимоти отключил ее и заглянул в шкаф — туда, где хранилась точная копия музыканта, — точная, если не считать того, что оригинал был сейчас истыкан дротиками и залив кровью.

Тагастер решил обзавестись симулякрумом для того, чтобы хоть как-то обезопасить себя от назойливых поклонников. Симулякрум врезался в их бесстрашную толпу и прокладывал себе дорогу сквозь нее, грубо рыкая на беснующихся обожательниц, сам Тагастер выходил через черный ход только через час,

когда толпа успевала уже рассеяться. Сложный компьютерный мозг симулякрума был начинен кое-какими воспоминаниями Тагастера, равно как и его типичными психологическими реакциями, что и позволяло копии сойти за оригинал даже в разговоре со случайными знакомыми, хотя, разумеется, любого, кто был столь же близок к Тагастеру, как сам Тимоти, эта подделка не одурачила бы ни на секунду.

При помощи психотехники Тимоти проник под цветастую рубашу спортивного фасона, в которой щеголял манекен, и активизировал его. Глаза робота открылись, взгляд их был столь же ясен и проницателен, как и прославленный взор настоящего Тагастера.

— Привет, — сказал Тимоти. — Давай выходи.

И хотя он старался сохранять хладнокровие, голос его звучал хрипло.

Андроид вышел из шкафа и остановился перед приемником. На мгновение Тимоти утратил решимость; язык отказывался повиноваться ему, боялся приказывать симулякруму, чтобы не оскорбить память Тагастера. Но если он хотел добиться своего, ему надо было взять себя в руки.

— Узнаешь ли ты мой голос? — спросил он.

— Да.

— И понимаешь ли, что я один из тех, кому дано право отдавать тебе приказы?

— Да.

— Симулякрум, у окна в спальне находится молодая женщина. Она мертва. Пойди и перенеси ее тело в кладовую за кухней. И смотри не испачкай ковер кровью. А теперь ступай.

Робот тут же отправился в спальню тою же небрежной походкой вразвалочку, которая была присуща его владельцу. Через несколько секунд он вернулся, держа труп женщины в руках, как младенца. Кровотечение прекратилось, да и на ночной рубашке кровь уже успела просохнуть. Эта женщина была самой настоящей красавицей — но размышлять на эту тему сейчас было не ко времени. Симулякрум прошагал через гостиную и пропал из поля зрения.

Тимоти переключил приемник на кухню и проследил за тем, как робот занес тело женщины в кладовую. Сквозь приоткрытую дверь Тимоти видел только часть кладовой, так как нежилые помещения не были оборудованы отдельными приемниками.

— Вынимай все из холодильника, — приказал Тимоти.

Симулякрум вывалил на пол колбасные палки, бруски говяжьей вырезки и пакеты с овощами.

— А теперь положи туда тело.

Симулякрум повиновался. Тимоти заставил себя не думать о том, как должно выглядеть окровавленное женское тело в заиндевевшей морозильной камере...

Он приказал роботу поднять с пола тело Тагастера и распорядиться им аналогичным об-

разом. Если для выполнения задуманного плана потребуется определенное время, то необходимо позаботиться о том, чтобы тела хорошо сохранились для предстоящего вскрытия. Конечно, это было чудовищно, но неизбежно. Да, разумеется. А если подумать, то ему доводилось выдвигать вещи и похуже...

Когда оба тела оказались в морозильной камере, а съестные припасы — в баке для отходов, Тимоти приказал симулякруму прибраться в доме. Для этого необходимо было стереть кровь с ковра и с пола, смыть со стены надпись, оставленную музыкантом, и так далее. Когда робот управился с уборкой, в доме ничто не напоминало о недавно совершенном в нем двойном убийстве.

— Присядь и подожди меня, — приказал Тимоти.

Симулякрум направился к дивану.

Тимоти вернулся по Системе Ментальной Связи к себе домой. В библиотеке он засел за пишущую машинку и механическими руками отбарабанил передовицу для вечернего выпуска «Страны развлечений». Полли Лондон навверняка просматривает газету, чтобы узнать, пишут там о ней или нет, и чем черт не шутит, может, прочитав статью, она покажет ее Маргелю, если, конечно, сам Маргель не состоит в подписчиках «Страны развлечений».

Закончив статью, Тимоти позвонил Крили. Лицо главного редактора появилось на экране,

черные глаза смотрели на Тимоти с плохо скрываемым любопытством.

— Досье оказалось достаточным? — спросил Крили.

— Более чем. Отличная работа, Джордж. Послушай, мне нужно статью в вечерний выпуск. Выкинь материал с первой полосы, безразлично какой, и вставь эту статью, а заголовок пусть наберут двухдюймовыми литерами...

— Передавай статью, — сказал Крили.

Через несколько секунд статья лежала у Крили на столе. Тот взял ее в руки и пробежал глазами.

— Ну, и какой же будет заголовок? — вооружившись карандашом, спросил он.

Тимоти на мгновение задумался:

— ИЗВЕСТНЫЙ ГИТАРИСТ — ЖЕРТВА ПОКУШЕНИЯ НА УБИЙСТВО.

— Не та у него репутация, чтобы кого-нибудь из охотников за сенсациями заинтересовала такая история. К тому же покушение оказалось неудачным. Значит, у тебя есть особые причины настаивать именно на такой публикации?

— Вот именно, — многозначительно произнес Тимоти.

Крили немного помолчал, но, поняв, что никаких дополнительных разъяснений не получит, кивнул и прервал связь.

Тимоти вернулся в Систему Ментальной Связи и вновь перенесся в дом Тагастера. Симулякрум, как ему и было велено, дожидался возвращения Тимоти; он сидел сложив руки на

коленях. Вот он — самый элементарный способ отличить реального человека от его электронного подобия. Настоящий Леонард Тагастер был человеком, буквально искрящимся энергией, он ни на минуту не позволял себе расслабиться, постоянно был занят дюжиной различных дел. Никогда и ни за что не сидел бы он с такой кротостью и отрешенностью. Тимоти на мгновение задумался над следующим шагом, который следовало предпринять.

— Позвони в Гарвардское детективное бюро и найми кого-нибудь из лучших тамошних сыщиков. Скажи, что произошло покушение на твою жизнь и что ты хочешь выяснить, кто за всем этим стоит. Назначь ему встречу на завтра, на четыре часа дня, а между делом упомяни, что собираешься сам собрать всю возможную информацию.

Симулякрум выполнил все, что приказал ему Тимоти. Затем, прервав связь с детективным бюро, повернулся к передатчику.

— Что-нибудь еще? — спросил он.

— Не сейчас. Так что можешь пока отдохнуть.

Симулякрум вернулся в кресло. Тимоти с помощью психотехники выключил кнопку под цветастой рубашкой спортивного фасона. Тело андроида обмякло в кресле, глаза закрылись, и через мгновение со стороны можно было подумать, будто он крепко спит.

В половине пятого вечерний выпуск «Страны развлечений» доложит миру о неудавшемся

покушении на жизнь Тагастера и о том, что гитарист привлек Гарвардское детективное бюро к расследованию этого дела. Если Маргель прочтет статью, он тут же позвонит в сыскное агентство, возможно, даже выдаст себя за друга или поклонника, пожелавшего взять на себя все расходы, и поинтересуется самочувствием музыканта. В фирме или примут его предложение, или же ответят, что необходимо сперва заручиться согласием мистера Тагастера. В любом случае Маргель решит, что гитарист остался в живых. Тогда он сам решит разобраться, почему столь универсальная машина для убийства — полицейская Гончая — потерпела неудачу. Именно на это и рассчитывал Тимоти. Пока же оставалось только ждать...

Тимоти заранее ко всему приготовился. Собственную кинокамеру он расположил рядом с креслом Системы Ментальной Связи, чтобы включить ее, как только в доме у Леонарда Тагастера произойдет что-нибудь примечательное. И если только Маргель попробует сунуть туда нос...

В десять минут десятого сработала сигнализация в доме у Тагастера...

Тимоти сразу же активировал симулякрума. Глаза его, по-прежнему безмятежные, открылись. Он встал и подошел к видеофону столь же естественно, как это сделал бы настоящий Тагастер, очнувшийся после недо-

лкого сна. Симулякрум подключился к связи, чтобы ответить на вызов. Большой экран засиял, хотя на нем и не возникло никакого изображения, — сплошная белизна, и только. Самого симулякрума было видно и слышно. Так что Клаус Маргель — потому что кому другому могло бы прийти в голову выйти на связь, оставаясь невидимым? — лицеизрел во весь экран лицо человека, которого он распорядился уничтожить и в смерти которого был уверен...

— Кто это? — спросил симулякрум.

Ответа не последовало.

— Кто это?

Экран погас. На другом конце, так и не сказав ни слова, прервали связь.

Симулякрум вернулся в кресло и посмотрел на экран Системы Ментальной Связи.

— Я все сделал правильно?

— Да. Все правильно.

— Тогда объясните мне суть происходящего. Чтобы я все делал правильно, мне необходимо знать все обстоятельства дела.

Симулякруму была совершенно безразлична смерть его хозяина, сам факт которой он, естественно, уже уяснил, поскольку занимался транспортировкой его тела. Андроиду недоступны эмоции. Интересовало его лишь одно — делать все, как надо. Тимоти не взялся бы утверждать, повезло или не повезло машине из-за того, что у нее полностью отсутствуют человеческие качества.

Какое-то время они оба просидели молча. Когда стемнело, включили в обоих домах мягкий свет. В десять часов Тимоти вспомнил, что за весь день у него не было во рту ни крошки. Он почувствовал, что проголодался. Но он не решался выйти из Системы и отлучиться даже на пару минут. Ведь Маргель мог появиться в любой момент. И действительно, в четверть двенадцатого послышался шум, который мог произвести только дерзкий взломщик...

Глава 3

Послышался треск разлетающейся в щепки древесины — незваные гости ломились через дверь черного хода. Симулякрум встал и отправился на кухню. Тимоти перевел туда Систему. Дверь и впрямь выламывали, раз за разом ударяя в нее снаружи чем-то тяжелым. И вот она поддалась, последние запоры слетели и рухнули на пол. Следом за ними туда же упала и сама дверь. Взломщик стоял на пороге. И это был не человек, а Гончая...

Сначала Тимоти растерялся, не сообразив, с какой стати Маргелю понадобилось посылать сюда того же самого робота, который однажды уже не справился с порученной ему задачей. Но тут же понял, что снаружи, выслав Гончую на разведку, остались люди. Что ж, неплохо придумано. Мысленно он даже улыбнулся, подумав о том, что Гончая вновь потер-

пит неудачу: симулякруму ее смертоносное оружие не могло причинить никакого вреда.

Гончая обнаружила механического Тагастера, насторожилась и заскулила почти как настоящая собака. Ворвавшись на кухню, она выпустила в симулякрума с полдюжины дротиков. Стальные жала вонзились в псевдочеловеческое тело, но таившаяся в остриях отравы не могла поразить электронные внутренности андроида. Гончая, метнувшись влево, выпустила в симулякрума новую порцию дротиков. И опять они не убили его и не лишили двигательных способностей.

Симулякрум тем временем сделал шаг по направлению к Гончей.

Выбросив вперед механическую руку, Гончая сдавила металлические пальцы на горле у лже-Тагастера. Вторая механическая рука вцепилась ему в лицо. Нос симулякрума оказался свернут на сторону. «Тагастер» перехватил механические руки Гончей и оторвал их от своего горла. Развернувшись, симулякрум оттолкнул машину-убийцу. Гончая отлетела на несколько футов и ударилась о стену. По полу покатались металлические детали. Из дырок на бронированном теле наружу вылезли оборванные провода. Руки Гончей бессильно повисли: приводной механизм еще функционировал, но приказов мозга-компьютера они уже не слушались.

Тимоти приказал симулякруму уничтожить машину.

Тот сделал еще один шаг вперед и ухватился за сферическую оболочку. Гончая рванулась было в сторону, норовя удрать, но ей было не под силу бороться с захватом могучих рук симулякрума. Она снова принялась метать дротики в грудь противнику, но лже-Тагастер зажал Гончую в угол и принялся методично колошматить ее об стену, пока у машины не сломалось двигательное устройство. Он сорвал сферическую оболочку, влез в компьютерную начинку и начал хладнокровно уничтожать ее, разбрасывая обломки. Вскоре весь пол возле раковины оказался усеян ими почти полностью.

— Вышвырни ее вон, — приказал Тимоти.

Симулякрум вынес Гончую (вернее, то, что от нее осталось) из дома во двор и перебросил металлическую гадину через ограду. Обломки робота-убийцы приземлились на тротуар. Судя по грохоту, падение довершило его разрушение: гайки, болты и прочие детали покатались по асфальту. Симулякрум вернулся в дом и подошел к видеофону. Теперь необходимо было подождать еще немного.

Проходили минуты за минутами, незаметно пробежали полчаса, и Тимоти уже начал беспокоиться, не спугнули ли они своими действиями притаившихся снаружи людей. И когда он уже был близок к тому, чтобы поделиться своими опасениями с симулякрумом, с заднего двора донеслись звуки, которые означали, что к дому кто-то приближается.

Тимоти нырнул в коммуникационный эфир Системы, вернулся к себе домой, включил кинокамеру и направил ее на экран Системы Ментальной Связи. Когда он вернулся в дом Тагастера, волнуясь, не упустил ли он чего-нибудь, бойцы Братства еще не прибыли.

Они появились ровно через две секунды, предварительно швырнув перед собой гранаты со слезоточивым газом. Кухня наполнилась ядовитым сине-зеленым дымом, который вскоре распространился по всему дому. Через несколько секунд три темные фигуры в кислородных масках с духовыми ружьями наперевес вошли на кухню подобно мальчишкам, которым вздумалось поиграть в войну. Тимоти навел на них глаз камеры и с радостью заметил, что одним из взломщиков оказался сам Маргель. Камеры светили им в лица, но они не обращали на это никакого внимания. Увидев симулякрум, в свою очередь нацепившего кислородную маску, они решили, что перед ними настоящий Тагастер, и сразу же открыли огонь.

Дротики вонзились в грудь андроида, не произведя никакого эффекта. Неуязвимый, он двинулся навстречу бандитам.

Один из троицы включил карманный фонарь и направил луч на хозяина дома. Увидев, сколько дротиков вонзилось ему в грудь, они наконец сообразили, что перед ними симулякрум. Опустив ружья, они подошли к лже-Тагастеру, заломили ему руки и выключили его.

— Общайте дом, — распорядился Маргель.

Голос его, как с удивлением обнаружил Тимоти, оказался визгливым. Однако в нем звучала какая-то непреклонная жестокость, заставляющая людей беспрекословно повиноваться.

Обыскав весь дом, бандиты вновь встретились на кухне. Тимоти следил за ними по приемнику. Никто не нашел ничего, что подтолкнуло бы к решению загадки, и Маргель уже собрался осмотреть участок, когда один из бойцов заметил наконец слабый свет лампочки, установленной на устройстве Системы Ментальной Связи. Мерцание лампочки означало, что устройство включено. Указав Маргелю на лампочку, он приблизился к приемнику. Духовое ружье он перехватил за ствол, собираясь расплющить экран прикладом.

— Нет, — рывкнул Маргель, отшвырнув в сторону не в меру инициативного молодчика, и шагнул прямо к камере, так что Тимоти сумел как следует рассмотреть его искаженное от ярости лицо со шрамом. Тимоти сразу же понял, что Клаус Маргель сделан из того же материала, что Джордж Крили, да и он сам. Маргель излучал ту же спокойную уверенность в себе и собственных силах. Но сквозь все это проглядывало нечто большее. Поднимаясь к своей вершине через кровь и страдания, Маргель превратил нехитрые навыки манипулировать людьми в своего рода искусство — способность доминировать и требовать беспрекословного подчинения. Эта спо-

собность была сродни безумию, владеющему тиранами и диктаторами.

— Мы тебя выследим, — сказал Маргель, глядя в камеру, и Тимоти понял, что так оно и будет. Братству не составит труда найти подходя к какому-нибудь техническому работнику Системы Ментальной Связи, который согласится за умеренное вознаграждение нарушить негласные правила и закон. — Мы тебя выследим и придем за тобой.

Маргель ухмыльнулся. Ухмылка у него оказалась неожиданно гомосексуальной; губы были слишком полными и чувственными для этого сурового, изуродованного шрамом лица. Он взмахнул прикладом и собственноручно расколотил стеклянный экран...

Полчаса спустя, как раз когда Тимоти заканчивал проявлять только что снятый фильм, в дверь позвонили. На пороге стоял сержант Модильяни из городской полиции. Вернувшись из дома Тагастера, Тимоти позвонил в участок. Сначала там сомневались, стоит ли удовлетворять такой странный запрос, потому что Тимоти отказался объяснить причину вызова. Но как только они поняли, с кем имеют дело, наряд был незамедлительно выслан, вопреки установленным правилам.

Модильяни оказался довольно молодым, худощавым человеком с тоненькими усиками. Его несколько суетливые движения придавали

ему сходство с непоседливой птицей. Сержант представился кратко и сухо, говорил он фальцетом, и в его голосе звучало раздражение. Тимоти со всей вежливостью, на которую был способен, пригласил его в гостиную.

Когда они оба уселись, сухопарый сержант произнес:

- Это крайне необычный вызов.
- Речь идет о крайне необычном деле.
- Вот и расскажите.

Он вел себя так, словно Тимоти был не добropорядочным гражданином, собирающимся поведать о правонарушении, а закоренелым преступником. Так или иначе, после того как Тимоти закончил свой рассказ, на протяжении которого сержант не выказал ни малейших признаков удивления, Модильяни заметил:

— Действительно, весьма необычно. И вы утверждаете, что все засняли на кинокамеру?

— Да.

Модильяни еще сильнее насупился. Он глядел сейчас на Тимоти взглядом кобры, приготовившейся к смертоносному прыжку.

— Вы вторглись в чужую частную жизнь, вы это осознаете?

— Что?!

На лице полицейского не дрогнул ни один мускул. Казалось, будто он высечен из камня.

— Использование средств коммуникации для съемок других людей без их ведома представляет собой вмешательство в чужую частную жизнь.

— Но я ведь раздобывал улики, — запротестовал Тимоти, уже догадываясь, что его протест окажется совершенно бесполезным.

— А это — дело полиции, — пояснил Модильяни.

— Да, конечно, я понимаю, — ответил Тимоти, отчаянно пытаюсь не дать своему гневу вырваться наружу. Чтобы сохранить самообладание, он даже поднялся с кресла. — Но мне известно, что Клауса Маргеля арестовывали девять раз, но так и не смогли предъявить ему никакого обвинения.

Модильяни впился в него взглядом — каменное изваяние дало внезапную трещину.

— На что это вы намекаете?

Да, он действительно походил на птицу, на хищную птицу, может быть, даже на стервятника.

Тимоти постарался несколько разрядить обстановку.

— Ни на что. Поверьте мне, абсолютно ни на что. Но не угодно ли вам посмотреть отснятый материал. Именно ради этого я вас сюда и пригласил.

Модильяни кивнул в знак согласия, и Тимоти предложил ему проследовать в библиотеку, где заранее приготовил и экран, и проектор. Погас свет. Проектор застрекотал, и на экране появились ожившие образы параноидального бреда. Облака стелющегося по полу дыма, три затемненные фигуры в масках. Камера наехала на главаря налетчиков, и на эк-

ране появилось лицо Клауса Маргеля. Тимоти вздрогнул, увидев жестокое, изуродованное шрамом и вместе с тем не лишенное своеобразного обаяния лицо «крестного отца» организованной преступности.

Но лицом все дело и ограничилось. По мере того как на экране появлялся отснятый Тимоти материал, он с ужасом осознал, что в момент съемок настолько увлекся задачей получше запечатлеть лицо Маргеля, что совершенно упустил из виду заснять то, чем занимались остальные. Камера старалась брать крупные планы, тогда как вся схватка с лже-Тагастером происходила где-то на заднем плане. А угрожающее выражение лица Маргеля на последних метрах пленки потеряло едва ли не весь эффект из-за того, что не было слышно слов «крестного отца» и тона, которым они были произнесены. Без них зловещая ухмылка выглядела едва ли не дружелюбной улыбкой.

Пленка закончилась.

— Не густо, — сказал Модильяни. И, не дожидаясь, пока Тимоти возразит, пояснил свою мысль: — Это только лица. А мистера Маргеля можно заснять где угодно.

— Но слезоточивый газ...

— Кроме того, я не увидел, чтобы он кого-нибудь убивал. И я по-прежнему считаю, что мы имеем дело с несанкционированным вторжением в чужую частную жизнь, а вовсе не с убийством.

Тимоти сознавал всю шаткость контраргументов, которые мог бы предъявить, однако чувствовал себя обязанным продолжить спор. В конце концов ему удалось убедить Модильяни позвонить Тагастеру на дом. По его понятию, или связь окажется прерванной, или в разговор вступят Клаус Маргель со товарищи. Но, к ужасу и изумлению Тимоти, на экране возникло улыбающееся лицо Леонарда Тагастера.

— Слушаю, — произнес он.

Модильяни искоса посмотрел на Тимоти. «Шутка зашла слишком далеко», — говорил его рассерженный взгляд.

— Это симулякрум, — прошипел Тимоти.

Модильяни вступил в разговор с лже-Тагастером и объяснил ему в красочных деталях сложившуюся ситуацию. Механический Тагастер от души рассмеялся, услышав о том, что он, по мнению собственного друга, мертв, и позволил детективу, воспользовавшись Системой Ментальной Связи, обыскать весь дом. Лже-Тагастер выразил уверенность в том, что ничего интересного обнаружить не удастся.

Через пять минут Модильяни был в доме Тагастера. На тщательный осмотр всех помещений ему потребовалось еще четверть часа.

— Ничего, — сказал он Тимоти, возвращая ему гостевой шлем нормальной формы, которым тот давно уже догадался обзавестись, чтобы не заставлять гостей втискиваться в шлем, специально спроектированный для вящего удобства его собственного уродливого черепа.

— А приемник на кухне...

— В безупречном состоянии. Не понимаю, что, собственно, вы хотите доказать...

— По-видимому, на них работает техник из Системы Ментальной Связи. Прошло уже полтора часа, он запросто успел все починить.

— Ну, а как насчет самого Тагастера?

— Да никакой это не Тагастер, черт бы вас побрал! Это его симулякрум!

— Симулякрумы никогда не выступают против своих хозяев. И симулякрум Леонарда Тагастера не стал бы покрывать убийц своего владельца. Если, конечно, исключить возможность того, что убийца входит в число персон, голосу которых андроид должен повиноваться. Но вы же сказали мне, что такое право было лишь у самого Тагастера, у его импресарио и у вас.

— Однако они могли перепрограммировать машину, — сказал Тимоти.

— Для этого им понадобился бы специалист очень высокого класса, — с притворным изумлением по поводу возможности раздобыть такого мастера отозвался Модильяни.

— Вам не хуже, чем мне, известно, что для них нет ничего невозможного. А времени им хватило даже на то, чтобы исправить ему нос.

Мнимая бестолковость сыщика раздражала Тимоти, в конце концов его терпение иссякло. Уродливое лицо побагровело, а механические руки неврастенически задергались. И тут Модильяни дал ему понять, по чьим правилам ведется игра.

— Сэр, мне хотелось бы вас предостеречь. Мистер Клаус Маргель вовсе не тот зловещий человек, которым он вам кажется. Он владелец нескольких гаражей и ресторанов. И, если не ошибаюсь, одной гостиницы. Он добропорядочный бизнесмен, который ни за что бы не впутался в подобную историю...

Тимоти не дал ему договорить до конца:

— Вам прекрасно известно, кем именно является этот чертов Клаус Маргель!

— Наша беседа записывается на магнитофон, и вам необходимо это учесть, если вы собираетесь предъявить какие бы то ни было обвинения, которые могут побудить к ответным действиям...

Он расстегнул пиджак и показал торчащий из кармана магнитофон.

Теперь стало понятно, почему Модильяни прикидывался наивным дурачком. Парня просто-напросто купили. Когда ему стало известно, что под подозрение подпадает Клаус Маргель, он сразу же вспомнил, кому именно выгодно служить. Понятно, что интересам государства, а не истине. Тимоти понял, что его вспышки ярости послужат коррумпированному полицейскому лишним доказательством того, что несчастный уродец спятил, — и Модильяни использует это, когда наступит час компрометировать Тимоти в качестве свидетеля обвинения. И любые присяжные, выслушав запись этого разговора и увидев перед собой нелепое существо, выдвигающее вздор-

ные обвинения, вне всякого сомнения, назовут Маргеля невиновным.

Никогда в жизни Тимоти не чувствовал себя столь одиноким и несчастным.

— Я заберу пленку и пойду, — сказал Модильяни, когда они вернулись в библиотеку.

Тимоти хотел было ему помешать, но опоздал. Когда он добрался до стола, детектив уже вынул катушку с пленкой из проектора и, крепко зажав ее под мышкой, отправился к выходу.

— Я вам не разрешаю, — рявкнул Тимоти.

— Вы вторглись в частную жизнь этого человека. Нам надо показать ваш материал мистеру Тагастеру и спросить у него, не захочется ли ему выдвинуть против вас обвинение. В ближайшее время мы с вами свяжемся.

И с этими словами он ушел.

Тимоти застыл у окна, провожая детектива взглядом. Он не сомневался в том, что пленка будет уничтожена по дороге из его дома в полицейский участок. Записью только что состоявшегося разговора Модильяни распорядится, как ему заблагорассудится, но в любом случае не передаст ее по инстанции. И после этого бравый полицейский получит от Братства солидный куш за хорошо проведенную работу, пусть проведена она была и вовсе не в интересах общества.

Тимоти вернулся в дом Тагастера и, не обращая внимания на симулякрум, который, оторвавшись от книги, радостно его привет-

ствовал, самым тщательным образом обыскал все помещения на предмет следов утреннего двойного убийства или хотя бы недавнего прихода в дом гангстеров. Но ничего не нашел и вернулся к себе.

Страх и отчаяние овладели им. Теперь у него не осталось ни времени, ни сил на то, чтобы оплакивать погибшего музыканта. Но в то же время в его душе зародилась и стала крепнуть холодная ненависть ко всем этим людям — и неумолимое желание добраться до них и совершить справедливый суд. Как ни странно, мысль об убийстве не вызвала у него отвращения, хотя он всю жизнь ненавидел насилие. Он — как это в конце концов случается едва ли не с каждым — достиг той поры в своей жизни, когда могущественные силы бесповоротно и безжалостно зажали его в угол и начали трепать и мять с такой яростью, что ему оставалось либо сдаться и погибнуть, либо восстать и попытаться победить. Для одних такой внешней силой становится правительство, король, диктатор или президент. Для многих других — какая-нибудь крупная корпорация, бездушная бюрократическая машина. Для Тимоти такой силой оказались люди, поставившие себя вне закона и над законом, — с благословения коррумпированных чиновников, поставленных этот закон охранять.

Ярость. Порой бывает полезно разозлиться как следует. Теперь, дожидаясь визита со стороны Клауса Маргеля, он думал лишь об одном — как бы не перестать злиться.

Глава 4

Тимоти застыл у окна, тревожно вглядываясь в ночь. Время утекало, как вода, капающая из клепсидры.

У него за спиной, за стопкой книг, был установлен пистолет из его коллекции оружия, дуло которого смотрело на дверь на уровне человеческой груди. Когда настанет время, Тимоти с помощью психотехники сможет спустить курок. В механических руках он держал еще пару пистолетов. Звонить в полицию с просьбой о помощи не имело смысла. Все его звонки переведут на Модильяни, а это значит — в пустоту. Защищая себя от людей, которые с такой же легкостью прикончили Тагастера, он мог рассчитывать только на свои собственные силы.

Тимоти услышал их, когда они проникли на задний двор. Впрочем, они и не думали таиться. Напротив, шумели вовсю, чтобы дать ему понять, будто им сам черт не страшен. Шаги по дорожке. Затем взрыв хохота...

Дверь скрипнула под напором извне, слегка поддалась, сорвалась с петель. И вот Гончая, правда уже другая, ворвалась в дом, взметнув в воздух ворох щепок и опилок. Вот этого Тимоти никак не ожидал. В борьбе с механической гадиной все его пистолеты совершенно бесполезны. Он отступил в сторону столовой, выронив пистолеты и отозвав за собой механические руки. Он рассчитывал на схватку с людьми, а вовсе не с машиной. Ну,

и что же теперь? Гончую он расслышал и идентифицировал, когда та еще находилась на кухне, но к тому времени, как он добрался до гостиной, она уже вкатилась в столовую. Она гналась за ним, она его нагоняла.

«Только без паники, — сказал он себе. — Без паники — только ненависть. Тебя сейчас может спасти только ненависть».

Гончая ощутила присутствие Тимоти, разыскала его визуальными камерами и радарам, определила, является он достойной жертвой или нет. На принятие решения ей достаточно какой-то доли секунды...

Он лихорадочно задумался над маршрутом возможного бегства и с горечью осознал, что его просторный дом вовсе не был предназначен для ведения военных действий. Вокруг дома конечно же засада, так что бегство сквозь дверь бессмысленно. И вдруг Тимоти вспомнил о катакомбах времен Войны за освобождение, поверх которых и было построено его нынешнее жилище. Стоит очутиться в этих катакомбах, а оттуда есть выходы практически в любое место на горном склоне.

Гончая выстрелила тремя дротиками.

Тимоти, врубив передвижное устройство, устремился в холл, открыл дверь, ведущую в катакомбы, и начал осторожно спускаться по ступеням лестницы. Он пересек помещение кинозала и, очутившись в тире, захлопнул за собой тяжелую дверь, уцелевшую еще со времен Войны за независимость. Дверь, предназ-

наченная для порохового погреба, была обшита свинцом. Даже Гончей понадобится какое-то время, чтобы с ней управиться.

Он заскользил вдоль левой стены туннеля, над массивными сводами которого покоилась легкая и сравнительно хрупкая конструкция его дома. Он хотел поскорее убраться как можно дальше от собственного жилища.

Миновав четыре или пять рукотворных гrotтов, он попал в систему пещер, созданную самой природой. Дойдя до самого конца анфилады, он обеими механическими руками вырвал одну из полукруглых пластиковых панелей, которыми был отгорожен вход в боковое ответвление системы подземных сооружений.

У него за спиной, поднимая чудовищный грохот, Гончая взламывала обшитую свинцом дверь.

Протиснуться между балками, поддерживавшими перекрытие пещеры, Тимоти был не в состоянии. Поэтому, оперируя устройством для передвижения, он лег на бок и устремился головой вперед, в зияющий крошечной тьмой провал. Очутившись в подземелье, он вновь привел тело в вертикальное положение и постарался вернуть оторванную панель на место так, чтобы внешне не осталось бы никаких следов взлома. На какую-то пару минут это задержит бесовскую машину, обмануть Гончую он не надеялся.

Углубляясь в боковой проход, Тимоти слышал, как затрещала дверь тира. Затем она с

грохотом провалилась в подвал, капитулировав перед неистовым напором Гончей, идущей по свежему следу жертвы.

Тимоти медленно двигался вперед, давая единственному глазу возможность привыкнуть к практически полному отсутствию света. Довольно скоро он начал различать силуэты рухнувших балок и поваленных набок столов, прогнивших и поломанных стульев, контуры ящиков, в которых некогда хранились боеприпасы, но сейчас они были отодвинуты от стен и наполнены ветошью и прочим хламом.

У него за спиной Гончая вырывала из стены панель, которую ему удалось вернуть на место, отзвук этих стараний фантастическим эхом разносился по всем закоулкам подземелья. Свет из комнаты, в которой в давние времена находился тир, просачивался теперь и сюда. Гончая стремительно наверстывала упущенное.

Тимоти на предельной скорости двигался вперед. Он ударился плечом о завалившуюся балку, однако не сбавил темпа, ненависть и страх заставляли его забыть о боли. Гончая неумолимо приближалась.

Достигнув узкого прохода в очередную пещеру, Тимоти обнаружил, что против него взбунтовалась сама природа. Когда-то здесь произошел обвал, и теперь камни и обломки балок, свалившиеся со свода, создавали для беглеца непреодолимое препятствие. А расчищать завал времени не было — «дыхание» Гончей чувствовалось уже где-то совсем рядом.

Он обернулся и посмотрел на механического палача. В слабом свете сенсоры Гончей поблескивали в футах тридцати от того места, где находился сейчас Тимоти. Последовал залп тремя дротиками...

Тимоти отпрянул в сторону, заранее разгадав замысел механической гадины. Дротики вонзились в стену там, где секунду назад была его голова, и затрепетали хвостовым оперением. Тимоти выслал механические руки к балке, поддерживающей прогнувшийся потолок на пути у Гончей, и попробовал ее оторвать. Балка и впрямь рухнула прямо на оказавшуюся под ней гадину. Однако единственным результатом этого стала кратковременная отсрочка неминуемого. Гончая увернулась от прямого удара, устояла на ногах и продолжила преследование. Она выпалила в Тимоти еще тремя дротиками.

Но и они прошли мимо. Это удивило Тимоти — ведь он даже пытался уклониться, а Гончие вроде бы никогда не промахиваются.

Гончая произвела еще один залп — и вновь все три дротика пролетели мимо цели.

И вдруг Тимоти понял, что бессознательно сбивает их с курса при помощи психотехники! Впрочем, во второй раз это произошло несколько более осознанно, чем в первый. И вот он застыл спиной к полуобрушившемуся своду в ожидании новой атаки. Залп не заставил себя ждать — но дротики пролетели слева и справа от Тимоти. На протяжении

еще нескольких минут он отразил таким образом как минимум две дюжины залпов. Наконец Гончая прекратила пальбу и принялась раскачиваться из стороны в сторону, наставив на Тимоти камеры и радары. Минуту спустя две механические руки метнулись вперед, норовя схватить его за горло...

Ожидая чего-то подобного, Тимоти немедленно активизировал собственные механические руки. На расстоянии четырех футов от его лица две пары механических рук схлестнулись в схватке.

Обе стороны были намерены биться до последнего. Силовые платы, на которых были смонтированы механические руки и человека, и машины, задымили и заискрили практически одновременно. Не выдержав начала адской борьбы, четыре металлических руки, так и не разжав захвата, рухнули наземь, как будто представляли собой единое существо, — фантастическую птицу, которой внезапно переломали крылья.

Теперь ни у палача, ни у жертвы не осталось рук. Ни у палача, ни у жертвы...

Тимоти понял, что в этой смертельной дуэли произошел перелом в его пользу. Поскольку он научился отражать летящие на него дротики, их силы сравнялись. Устремившись навстречу Гончей, он вспомнил еще об одной своей способности. В минуты стресса и предельного напряжения не стоило удивляться появлению новых способностей. Ненависть была главным

источником, из которого он черпал энергию для сопротивления и борьбы, и припасть к этому источнику ему еще придется. А проверенное недавно умение перемещать по воздуху небольшие предметы, слившись с ненавистью, может оказаться решающим в предстоящем поединке с Клаусом Маргелем.

Гончая прекратила попытки уничтожить его и повернула назад. Она неуклюже натыкалась на перекладины и столбы, поддерживающие перекрытия сводов, и выглядело это так, словно весь ее разум заключался в механических руках и, лишившись их, она утратила способность мыслить. Тимоти пошел за ней следом, поднялся по лестнице, прокрался в холл и прислушался. До его слуха доносились шум шагов и голоса. Они на кухне.

Он был готов к встрече с этими людьми. Уверенность в собственных силах, удвоенная ненавистью, струилась у него по жилам. Он проник в гостиную в тот момент, когда с другой стороны туда же через кухню и столовую вошли стрелки. Оружие у них было зачехлено.

— Конец вашей Гончей, — сказал Тимоти, и эти слова отвлекли внимание бандитов от какого-то темного уголка, который они собирались обследовать.

Гангстер, находившийся слева от Маргеля, резко развернулся и выстрелил несколькими дротиками. Тимоти отклонил в сторону все, за исключением одного, который он при помощи своих ментальных сил развернул в воздухе и

послал в самого стрелка. Дротик вонзился в грудь налетчику, яд, которым было пропитано острое, мгновенно проник ему в кровь. Гангстер закашлялся, согнулся пополам и тяжело рухнул на пол.

— Если сдадитесь, я не стану вас убивать, — сказал Тимоти.

Маргель и второй его спутник укрылись за диваном. Они вовсе не собирались сдаваться после одного-единственного удачного выстрела. В темноте им не было видно, что Тимоти остался без рук.

— Ты спятил, — произнес Маргель, его голос, похожий на скрежет металла по стеклу, прозвучал резко и пронзительно.

Он замолчал, предоставив Тимоти возможность заговорить самому и тем самым выдать свое местонахождение.

— Почему ты убил Тагастера? — спросил Тимоти, даже не думая прятаться.

— С какой стати я должен тебе докладывать? — насмешливо спросил Маргель.

В его голосе послышался смешок. И, судя по всему, гангстеры еще не выяснили, где находится в данный момент их жертва.

— Ты собираешься убить меня. А я собираюсь убить тебя. И, чем бы дело ни кончилось, что будет, если ты расскажешь о причинах убийства Тагастера?

— Он сидел на ПБТ, — проскрежетал Маргель.

— Разве этого достаточно, чтобы убивать?

Сам факт, что причина гибели друга оказалась настолько ничтожной, сделал эту смерть еще более бессмысленной. Ненависть к убийце вспыхнула с новой силой.

Маргель хмыкнул, словно решив самую малость расслабиться, хотя конечно же на самом деле это было не так. Люди вроде него не расслабляются никогда.

— Это оказалось для него слишком дорогим удовольствием. И тогда он решил кое-что про нас разузнать. В Бюро по борьбе с наркотиками до сих пор не знают, как синтезируется этот препарат, даром что им удалось захватить кое-какие образчики. Тагастеру хотелось собрать для них кое-какую информацию, чтобы они наконец смогли разгадать секрет синтеза, а в награду он смог бы бесплатно получать ПБТ из запасов, которые им удалось бы конфисковать. Но один из его осведомителей пришел к нам и все рассказал. Мы обыскали его дом и обнаружили досье, которое он завел на нас. Насобирали он немного, но вполне достаточно для того, чтобы упрятать за решетку нескольких хороших людей. А кто-нибудь из них и впрямь мог бы открыть тайну синтеза тем, кому не следует ее знать.

— Но это не должно было испугать тебя. Ведь в полиции служат твои люди.

— В городской полиции — да. Но не в Бюро по борьбе с наркотиками. А там работники, как на подбор, неподкупные. Лучше и не пытаться.

— Выходит, поэтому ты его и убил.

Маргель все еще пытался определить точнее, где находится Тимоти, прицелиться и бить наверняка. А до тех пор охотно поддерживал разговор.

— Его убила Гончая. И ты повел себя чертовски умно. Заставил нас всех затрепыхаться. Но обращение в городскую полицию было с твоей стороны сущим идиотизмом. Найти тебя после этого не составило никакого труда.

Теперь Тимоти знал достаточно. Выходит, в жизни его друга имелись заповедные уголки, в которые он не был допущен. Его, конечно, немного расстроило, что Тагастер не доверял ему целиком и полностью, но теперь все это — прошлогодний снег. Тагастер мертв. Он направился к дивану, за которым прятались гангстеры, не предпринимая ни малейшей попытки замаскироваться самому.

— Ага, вот и он! — крикнул Маргель.

Оба гангстера одновременно поднялись во весь рост и выстрелили в его нелепое тело почти в упор.

Тимоти отвел от себя все дротики.

Он зашел за диван. Гангстеры, отпрянув, снова открыли огонь. Тимоти развернул дротики в воздухе, поразив Маргеля в грудь, а его телохранителя — в горло. Оба умерли в страшных конвульсиях.

Покинув комнату, где произошла схватка, Тимоти позвонил Крили, которого ему при-

шлось поднять с постели. Тимоти попросил прислать к нему двух репортеров и двух фотографов, чтобы данная история могла получить всестороннее освещение. Крили, верный себе, не стал задавать никаких вопросов, лишь осведомился, не нужно ли подъехать и ему самому. И слегка улыбнулся, когда Тимоти ответил, что было бы неплохо.

Тимоти опустил в кресло и стал дожидаться газетчиков. Усталость накатила на него как волна. Когда-то он дал себе клятву, что никогда в жизни никого не убьет. Таким образом ему хотелось принести искупительную жертву богам — если и впрямь существуют боги — за то, что он появился на свет в результате эксперимента в военно-технической лаборатории. А сейчас он нарушил этот обет, чтобы отомстить за смерть своего единственного друга. Ему понадобится время на то, чтобы осознать случившееся, а главное — он собирался проанализировать и понять интегральное значение собственного «я» и способность безгранично любить другого человека и восхищаться им.

Заплакать он не смог. Хотя именно слезы — универсальное средство освобождения от скопившегося напряжения и ненависти. Тагастер погиб, его душа и разум безвозвратно исчезли, а мир все равно не рухнул. И теперь Тимоти предстояло избавиться от ненависти, поселившейся в его душе. Тимоти решил, что, после того как газетчики и полиция оставят его в по-

кое, он как следует напьется. И пропьянствует пару-тройку дней. А потом все будет опять в порядке. Он не сомневался в том, что именно так все и закончится...

Глава 5

Темный автомобиль без каких бы то ни было хромированных деталей катился вверх по склону горы в слабом лунном свете, пробивавшемся сквозь до странности плотное для душной летней ночи облако. Фары и габаритные огни были выключены. Машина казалась всего лишь тенью среди теней, двигатель ее работал бесшумно, в результате чего создавалось ощущение нереальности, словно в ночном сумраке крадется призрак — призрак, и ничто иное.

Вдоль дороги, пролегшей через лес, зверьки прятались в норы и в дупла деревьев, почуввав приближение этой почти невидимой машины. Но погруженный во тьму и покой ночи остальной мир не ведал о ней ни сном ни духом.

Дальше за лесом на скале возвышался дом, похожий на гигантскую птицу, опустившуюся на каменную ладонь. Несмотря на ультрасовременный дизайн, дом этот казался частью пейзажа и не нарушал его естественной гармонии. Водителю машины понадобилось несколько минут, чтобы рассмотреть его очертания. Одна-

ко восхищение, вызванное изысканной архитектурой здания, не изменило его намерения. Он прибыл сюда затем, чтобы стереть этот дом с лица земли.

Оказавшись на одном уровне с домом, водитель странного автомобиля сбавил скорость и, только убедившись в том, что в доме нет никого, кроме его единственного обитателя и владельца, продолжил подъем по склону. А достигнув вершины, он оказался на небольшой площадке, откуда открывался прекрасный вид и на само здание, и на прилегающий к ней участок. Там он остановился, открыл дверцу и вынул багаж, который сюда доставил.

Этот багаж представлял собой цилиндр длиной в три фута, а диаметром в двадцать дюймов с двумя капсулами по обоим концам. Цилиндр был гладким, его анодированная поверхность поблескивала в лунном свете. Был он довольно тяжел, что, впрочем, не означало, что он будет падать быстрее, чем дождевая капля, — ускорение свободного падения одинаково в обоих случаях. Опустившись на один уровень с домом, цилиндр изменил направление движения с вертикального на горизонтальное и через одно из высоких окон, выходивших в патио, влетел в дом. Происходило это бесшумно, но хотя внешний вид этого цилиндра не выдавал его предназначения, было в нем нечто зловеще-смертельное.

Бесшумный автомобиль снялся с места, покати́л вниз по горному склону, затерялся сре-

ди темных, причудливой формы деревьев и наконец растаял во мраке. Лишь отъехав на целую милю, водитель включил наконец фары и помчался на полной скорости и беспрепятственно вернулся в гараж, из которого и началась его поездка.

И на протяжении всего этого времени Модуль Селективного Уничтожения, который он запустил, «уронив» его с горного склона, прогрызался сквозь стеклянную дверь патио. Из гладкого бока цилиндра выдвинулась механическая рука, снабженная алмазным резцом. Стеклянная пудра бесшумно осыпалась на булыжник двора. Когда работа резца была близка к завершению и в стеклянной двери образовался почти безупречный круг, из цилиндра выдвинулась вторая рука с присоской вместо кисти, которая прикрепилась к круглому фрагменту. Вынув этот фрагмент, рука столь же бесшумно опустила его на булыжники.

Модуль влетел в затененную гостиную. В дом к Тимоти снова пожаловали неожиданные гости отнюдь не с дружескими намерениями — и на этот раз на куда более высоком техническом и интеллектуальном уровне, чем Клаус Маргель ровно две недели назад...

Хотя сквозь тяжелые плюшевые занавески на окнах и просачивался лунный свет, в доме было куда темнее, чем за его пределами. МСУ включил визуальные сканеры — две точки в передней капсуле и две в задней, каждая размером с серебряный доллар.

Обе механические руки были втянуты в глубь цилиндра, вновь ставшего таким же гладким, как прежде. Все вспомогательные устройства, до применения которых дело еще не дошло, выдвигались и исчезали в недрах цилиндра столь же бесследно. Столь сложное и многофункциональное оборудование размещалось в теле цилиндра благодаря предельной микроминиатюризации, что же касается двигателя и автономных батарей, то их в МСУ не было. Он черпал оперативную энергию из источника, расположенного на расстоянии в несколько миль. Это было изощренное и весьма дорогостоящее орудие уничтожения. Его создатели из лаборатории психотехнического оружия заламывали за свою продукцию несусветные цены, тем не менее дело их процветало и от заказчиков просто не было отбою. Потому что товар был хорош, а главное — стопроцентно надежен. У лаборатории психотехнического оружия не было ни штаб-квартиры, ни персонала, ни картотеки, во всяком случае, на этот счет не имелось никаких данных. И хотя охоту на психотехников вели целые армии детективов от полиции Соединенных Штатов и спецслужб ООН, все их усилия не принесли ровным счетом никаких результатов. Даже постоянные клиенты, интересующиеся психотехническим оружием, не имели понятия о том, где расположена контора изготовителей. За исключением покупателей МСУ, но они-то как раз держали язык за зубами, чтобы не рис-

ковать утратой самого драгоценного оружия преступного мира. Потому что МСУ гарантировал полную безнаказанность организаторов убийства. А для людей, находящихся под неусыпным надзором властей, возможность безнаказанно убивать представлялась воистину бесценной.

Активизировались сверхчувствительные рецепторы МСУ. Тепловые датчики привлекли внимание машины к холлу в правой половине дома, откуда открывалась дорога в спальню. Данные тепловых датчиков были подтверждены и частично скорректированы измерителем биологической ауры, и МСУ поплыл в сторону холла.

Модуль включил «уши»: легкое дыхание, шум воздуха, проходящего сквозь ноздри.

Модуль вновь обратился за помощью к тепловым датчикам: жар человеческого тела исходил из дальнего конца коридора.

Модуль рванулся вперед...

В конце коридора он завис неподвижно, поднявшись на уровень, соответствующий высоте дверной ручки. Тонкий металлический усик выпростался из гладкого тела цилиндра и исчез в автоматическом механизме замка. Дверь бесшумно отворилась. МСУ убрал усик, помедлил, затем устремился в темноту спальни.

Модуль обнаружил нелепое тело мутанта на специально сконструированной кровати у дальней стены. Выдвинул духовое ружье из

передней капсулы и буквально пригвоздил тело к постели пятьюдесятью отравленными дротиками. При попадании дротиков мутант не издал никаких звуков; оно и не удивительно, на этот раз был применен яд мгновенного действия.

Выдвинув усик, МСУ включил в спальне верхний свет, затем убрал усик в корпус цилиндра. Мутант вовсе не был убит. В него не попал ни один дротик. Часть их впилась в стену у него над головой, другие усыпали пол перед кроватью. Зависнув под потолком, МСУ произвел еще один залп.

И снова дротики пролетели мимо цели.

Тимоти вскочил с кровати и выслал механические руки в сторону МСУ. Он прекрасно понимал, что у универсального убийцы наверняка имеется несколько программ уничтожения и что если он не сумеет опередить его намерения, то никакая психотехника не помешает ему превратиться в труп. МСУ метнулся обратно в коридор, однако механическая рука успела закрыть и запереть выдвигающуюся дверь. У Тимоти мелькнула мысль, не лучше ли дать машине-убийце возможность удрасть. Но тут же понял, что в этом случае ему опять будет нечего предъявить полиции, да и добраться до организатора убийства он тогда не сумеет. И придется ему жить, в страхе дожидаясь следующего покушения. Так человек, машина которого сломалась на железнодорожном переезде, прямо на путях, с ужасом на-

блюдает за неумолимо приближающимся к нему локомотивом...

Из корпуса МСУ выдвинулся рожок огнемета, выхаркнувший в сторону Тимоти порцию усовершенствованного напалма. Но смертоносный заряд не причинил Тимоти никакого вреда, потому что он успел изменить химическую структуру элемента. Мгновение спустя обе механические руки Тимоти ухватили цилиндр с двух сторон за капсулы, заставив его тем самым застыть на месте. Тимоти поразили остановленный цилиндр волной психической энергии, выключая и уничтожая приводные механизмы его электронной начинки. Все они были сориентированы на применение психотехники, правда в более слабых дозах. Наконец погасли желтые огоньки визуальных сенсоров, и все устройство из изрыгающего пламя, смертельно опасного противника превратилось в безжизненную и безобидную железяку.

Соблюдая предельную осторожность, Тимоти убрал механические руки с капсул. Цилиндр никак не отреагировал на предоставленную ему свободу. Поскольку его гравитационные платы все еще вырабатывали энергию, он не упал, продолжая неподвижно висеть в воздухе. Подхватив цилиндр, Тимоти проследовал с ним по коридору и через гостиную в библиотеку. Сев за компьютер, он набрал на клавиатуре: «ЗАПРОС. ИСТОЧНИК УСТРОЙСТВА. ОПИСАНИЕ ДАЛЕЕ». И, передав описание, в

котором постарался не упустить ни одной детали, он принялся дожидаться полного отчета.

Тимоти задумался о причинах покушения и пришел к выводу, что нити его ведут к Братству: наверняка его расправа над Клаусом Маргелем привела в бешенство соратников «крестного отца». Хотя не исключено, что здесь имеет место не коллективное воздаяние, а личная месть со стороны кого-нибудь из друзей покойного. Но в любом случае применение столь изощренного орудия убийства должно было быть санкционировано, да и профинансировано совокупной мощью мафии; у одного и даже у двадцати мафиози просто не хватило бы на это денег. От дальнейших размышлений его отвлекли листы с информацией, начавшие поступать на пластиковый поднос.

Он схватил лист и поневоле поразился скудости информации, затрагивающей столь изощренное орудие уничтожения.

ИСТОЧНИК: ЛАБОРАТОРИЯ ПСИХОТЕХНИЧЕСКОГО ОРУЖИЯ... АДРЕС НЕИЗВЕСТЕН... СПОСОБЫ ВСТУПИТЬ В КОНТАКТ ОТСУТСТВУЮТ, САМА ВСТУПАЕТ В КОНТАКТ С ПЕРСПЕКТИВНЫМИ ЗАКАЗЧИКАМИ... ШТАБ-КВАРТИРЫ НЕТ... КАРТОТЕКИ НЕТ... КЛИЕНТУРЫ НЕТ... ОРУЖИЕ НЕ УДАЕТСЯ ПРОСЛЕДИТЬ ДО ПРОИЗВОДИТЕЛЯ... ОРУЖИЕ НЕ УДАЕТСЯ ПРОСЛЕДИТЬ ДО МЕСТА ПРОИЗВОДСТВА... ДЕТАЛИ ОРУЖИЯ НЕ УДАЕТСЯ ПРОСЛЕДИТЬ ДО МЕСТА ПРОИЗВОДСТВА.

Все это крайне любопытно, только никуда не ведет. Ведь кому-то удалось вступить в контакт с лабораторией психотехнического оружия и договориться о поставке кибернетического убийцы. Но кому? И если это все-таки Братство — то чего ради? Пока он не найдет ответы на все эти вопросы, обращаться в полицию бессмысленно, если он однажды решит туда обратиться. А чтобы получить эти самые ответы, необходимо разузнать побольше о самом устройстве. Он связался с Джорджем Крили по домашнему номеру. Когда, после долгой паузы, заспанное лицо Джорджа появилось на экране, вид у него был такой, словно его сперва извлекли из какого-то первобытного болота, а потом еще и провялили денек на вязком берегу, наблюдая, выживет этот ублюдок или нет.

— Напомни мне, пожалуйста, чтобы я впредь никогда не звонил тебе по ночам, — сказал Тимоти. — От одного взгляда на твою физиономию у меня пропала малейшая охота завтракать.

Крили ухмыльнулся. Узнав, кто ему звонит в столь неурочный час, сделал над собой неминуемое усилие, чтобы стать более или менее похожим на человека.

— В чем дело? — спросил он, пытаясь сдерживать зевоту и потерпев неудачу.

— Ты когда-нибудь слышал про компанию, которая называлась бы «Лаборатория психотехнического оружия»?

— Дело дрянь.

Крили состроил гримасу, чтобы проиллюстрировать сказанное, хотя мог бы и не стараться.

— А что такое?

— У нас про них статья в завтрашнем номере. Имя Валленгрин тебе знакомо?

— Смутно.

— Герберт Валленгрин, двадцатисемилетний наследник семейного состояния Валленгринов, заработанного на производстве синтетических материалов. Его отец скончался восемь месяцев назад, а завещание должно было вступить в силу еще через четыре. Речь идет о сумме в семьсот миллионов. Герберт Валленгрин был убит одним из этих автоматических убийц — тот напал на эромобиле. Но поскольку гравитационные платы были надежно защищены, робот-убийца вломился в салон через оконное стекло, вонзился в грудь Валленгрина и самоуничтожился. По подозрению в заказе на убийство арестовали жену Валленгрина, но ей известно обо всем этом не больше, чем полиции. Даже если она и на самом деле является заказчицей убийства, чего они, разумеется, никогда не смогут доказать. И теперь она унаследует все семьсот миллионов до последнего цента. А тут неожиданно стало известно, что у этой дамочки есть любовник и что Валленгрин собирался с ней развестись, так как условиями брачного договора супружеская неверность не предусматривалась, и, таким образом, оставить ее без гроша. — Крили сделал паузу. — Этот материал идет на второй полосе.

— А у нас есть специалисты, способные разобрать одно из подобных устройств?

Крили пристально всмотрелся в лицо Тимоти на экране.

— У тебя что, есть такая штука?

— Допустим, я проявляю чисто академический интерес. Так ты можешь найти первоклассного электронщика, который сумеет справиться с этой задачей?

— Ламберстоун, — ответил Крили. — Пару раз мы обращались к нему за помощью, когда надо было обезвредить электронную бомбу, и получили благодаря ему поистине взрывной материал, ха-ха-ха!

— А можно связаться с ним прямо сейчас?

Крили помедлил с ответом.

— Попробую. Хотя, разумеется, не могу гарантировать, что он согласится приехать. Хотя, конечно, с учетом суммы, которую мы ему предложим, да еще когда ему станет известно, что ему доведется поработать с МСУ, он, скорее всего, в пляс пустится от восторга.

— МСУ? — переспросил Тимоти.

Эту аббревиатуру он слышал впервые.

— Модуль Селективного Уничтожения, — пояснил Крили. — Выходит, ты эту штуку еще не купил?

— Выходит, что так, Джордж.

— Но ради всего святого, ведь не направили же ее на тебя? — спросил Крили, и черты его темного лица посуровели.

— Именно, что направили.

— Скверно, — помрачнел Крили. — Боже мой, как это скверно!

Попрошавшись, они прервали связь практически в одно и то же мгновение.

Уолтер Ламберстоун оказался крупным, крепко сложенным человеком с походкой вразвалочку и красным, отекавшим за долгие годы тяжелого пьянства лицом. Он вылез из авиамобиля, казавшегося чересчур маленьким для его мощного тела, достал с заднего сиденья ящик с инструментами и приветствовал Тимоти несколько неожиданным образом:

— Значит, сюда эта штука и шарахнула?

Никакими другими словопрениями он себя не озаботил, а сразу же приступил к делу. Тимоти подумал, что мир еще не погиб окончательно, пока по земле разгуливают люди вроде этого Ламберстоуна.

Тимоти провел его в библиотеку. Увидев модуль, Ламберстоун удивился его размерам.

— Один из самых крупных, какие я видел! Представляю, какой должна быть начинка!

Рассказ Тимоти он выслушал, раскладывая свои инструменты. В ящике оказалось несколько десятков всяческих приспособлений, о назначении которых догадаться было невозможно.

— К сожалению, я попрошу вас удалиться, — разложив все инструменты на белом фетре, сказал Ламберстоун. — Это чертовски трудная ра-

бота, а я терпеть не могу, когда меня отвлекают. Прошу прощения.

Тимоти кивнул, закрыл за собою дверь, оставив Ламберстоуна наедине с модулем, и проследовал в гостиную. Там он смешал себе не слишком крепкий коктейль и приготовился ждать.

Допив бокал до половины, он осознал, что рассеявшаяся было ненависть снова вернулась. Это была не столько ненависть к Братству как таковому, сколько к повадкам, жизненным правилам и воззрениям его представителей. Почему бы людям просто-напросто не оставить друг друга в покое? Почему для них так важно сражаться и убивать, да и вообще, чуть что сразу же прибегать к насилию?

Когда Тимоти управился с коктейлем, а ненависть снова заполнила все его существо, к дому подъехал еще один авиамобиль и остановился за стеной патио рядом с машиной Ламберстоуна. На мгновение Тимоти замер, решив, что это Братство прислало своих парней полюбоваться результатами работы МСУ. Но тут из машины на освещенную часть двора вышел Крили, и Тимоти позволил себе расслабиться.

— Мне все равно уже не уснуть, — пояснил главный редактор встретившему его у дверей Тимоти. — Да и как уснешь, когда здесь черт-те что происходит. Вот я и примчался. Ну, и где же наш сапер?

Тимоти кивнул в сторону библиотеки, но предупредил, что Ламберстоун категорически

предпочитает работать в одиночестве. Вкратце он пересказал Крили события еще не закончившейся ночи. Когда он заканчивал свой рассказ, Ламберстоун показался в дверях библиотеки и окликнул их обоих. Над «вскрытием» Модуля он провозился битых два часа.

В библиотеке пол был усеян всевозможными деталями. Ламберстоун разложил их рядами; каждый ряд представлял собой в разобранном виде одну из систем оружия.

— Ну и что тут интересного? — спросил Тимоти.

— Вот устройство для метания дротиков, — ответил Ламберстоун, указывая на один из рядов. — Мне пришлось попотеть, чтобы не дотронуться ни до одного из отравленных наконечников. Они вымазаны какой-то сине-зеленой дрянью — и наверняка эта штука будет поядовителей джина с тоником. Вот, — продолжил он, указывая на предметы во втором ряду, — огнемет, стреляющий напалмом. Не хотел бы я оказаться у него на мушке. Правда, он рассчитан только на пару выстрелов, но обычно этого оказывается достаточно.

— А это? — спросил Тимоти.

— Лазер. Запаса энергии хватает примерно на пять залпов по три секунды каждый.

— А это?

— Устройство реактивного типа. Стреляет двадцать вторым калибром, начиненным взрывчаткой. Четырнадцать мини-ракет в одном бабране. Вращается с такой скоростью, что это

практически равносильно системе залпового огня.

Хотя встретиться с Ламберстоуном в рукопашном бою наверняка было небезопасно для здоровья, разговор о хитроумных орудиях убийства вызывал в нем явное отвращение.

— А здесь, — продолжал он с профессиональным энтузиазмом, — гранатомет. Смотрите, вот и гранаты. Каждая не больше виноградины, но в любой из них достаточно газа, ядовитого или нет, уж не знаю, чтобы за несколько секунд он распространился по всему помещению.

— Значит, пять систем вооружения, и все против одного меня, — сказал Тимоти. — Какая честь!

— Шесть, — уточнил Ламберстоун, поднимая какой-то контейнер, из которого наружу торчали проводки. — Черный порошок, спрессованный под высоким давлением. Приводится в действие простым электрическим импульсом. Если бы вы не успели вырубить МСУ, он наверняка прибег бы и к этому — самому последнему — аргументу и взорвал бы весь дом. — Ламберстоун помолчал, давая собеседникам возможность осознать услышанное. Потом сказал: — Ну и кто, по-вашему, не испугался таких хлопот и таких расходов, чтобы вывести вас из игры?

Склонив свою крупную голову набок, он сделался похожим на печального сенбернара.

— Не знаю, — ответил Тимоти. — Предположительно — Братство. Но не могу придумать какой-нибудь мало-мальски правдоподобный мотив.

— О мотиве скажу я, — вмешался Крили. — Я собирался сказать тебе об этом завтра, только не по системе связи. Да я и сам узнал это лишь сегодня. За покушением стоит Братство — ручаюсь головой. А мотивом является месть. Убив Клауса Маргеля, ты создал вакансию на самом верху мафиозной иерархии. И теперь эта вакансия занята. Его родным братом, Йоном.

— Понятно, — проговорил Тимоти, поглядывая на разобранный модуль. — Понятно, что ты имеешь в виду.

Глава 6

В холле фешенебельного здания Тимоти нашел табличку с ее именем. Впрочем, это трудно было назвать табличкой. «ПОЛЛИ ЛОНДОН» было выложено крупными золотыми буквами по черному бархату. Он нажал на кнопку внутренней связи и отступил на шаг, чтобы предстать на экране перед тем, кто ответит на вызов, в полный рост, а не кончиком несуществующего носа. По экрану побежали черные и зеленоватые пятна, переливаясь в прихотливом калейдоскопе, призванном ублажить взор посетителя. И почти сразу же раздался мелодичный голос, принадлежавший компьютерному автоответчи-

ку, — Полли Лондон была достаточно богата, чтобы иметь возможность заменить живую прислугу кибернетическими заморочками. И этот голос спросил:

— Кто вы? Пожалуйста, назовитесь.

— Тимоти, — ответил он. — Из «Страны развлечений», — добавил он с некоторым опозданием. — Мне назначено на два.

Возникла пауза, во время которой компьютер проверял правдивость этого утверждения. По экрану замелькали алые и желтые полосы.

— Не прикаснетесь ли вы кончиками пальцев к полю идентификации на экране, чтобы мы могли сверить ваши отпечатки с файлом в общегородском компьютере?

— У меня нет рук, — ответил Тимоти. Неосведомленность компьютера его позабавила. — Не можете ли вы сверить с центральным компьютером описание моей внешности?

— На редкость необычная процедура, — возразил компьютер.

— Но у меня нет рук.

На экране воцарилась молочная белизна: это компьютер пустил в ход визуальный сканер, чтобы идентифицировать Тимоти. Через минуту яркие краски восстановились.

— Можете пройти.

— Благодарю вас.

Слева от того места, где находился Тимоти, фрагмент стены, расписанный серебристо-голубыми абстрактными рисунками, отъехал в сторону, за ним обнаружился вход в

лифт. В кабине Тимоти не потребовалось нажимать на кнопку: подъем на нужный этаж обеспечивал секретарь-компьютер. Очень может быть, что, кроме самой Полли Лондон и управляющего домом, никто не знал, на каком этаже она живет. Когда можешь себе позволить компьютерного секретаря и дворецкого, а посторонним сообщаем лишь, что живешь в Западной башне, твое жилище начинает соответствовать поговорке «Мой дом — моя крепость».

Когда Тимоти вышел из лифта, то очутился в длинном коридоре, устланном ковром, который, не исключено, был изготовлен из натурального меха. Стены в коридоре были обшиты тисом; через каждые сорок футов располагались двери, ведущие в жилые помещения. Они различались по форме, величине и цвету. Дверь Полли Лондон представляла собой нечто в нордическом стиле: тяжелая, старинная, деревянная махина, причем на создание этого ощущения «старинности», похоже, ушло больше времени, чем на изготовление самой двери. Она была украшена резьбой, изображающей лица, шлемы, доспехи, мечи и челны скандинавских викингов. В середине двери выделялась ручка в форме массивного железного кольца. Отпирающее устройство, снабженное пластиной для идентификации отпечатков пальцев, было замаскировано под рельефное изображение боевой ладьи. Ручки как таковой, разумеется, не было: если дверь

не реагирует на ваши пальцевые отпечатки, значит, вам сюда нельзя.

Дверь, весящая двести, а то и все триста фунтов, бесшумно откатилась назад.

— Прошу, — гостеприимно пригласил компьютер. — Направо.

Тимоти очутился в еще одном длинном коридоре, повернул направо, прошел под аркой и оказался в комнате, обставленной мягкой мебелью. Стены в ней оказались обшиты кедровыми панелями с вкраплением настоящих скальных пород, создававших причудливую игру света. Слева у стены из натурального камня был смонтирован маленький водопад, влага которого ниспадала в каменную чашу, стоящую на пьедестале. К нему вели несколько грубо отесанных ступеней. В чаше, дно которой представляло собой разноцветную каменную мозаику, плавали живые цветы; все это было подсвечено так, что мозаика казалась россыпью драгоценностей. Ковер здесь был еще более толстым и пушистым, чем в коридоре. Кресла и диваны — гигантских размеров — выглядели чрезвычайно удобными и напоминали исполинские грибы, лениво выросшие из пола. Здесь же были каменные столики и шкафчики. За одним из каменных столиков, в бежевом кресле, сидела самая красивая женщина, которую Тимоти встречал в своей жизни...

Она была довольно высокого роста, по крайней мере две трети которого составляли соблазнительные ноги безупречной формы. Ее

фигура являла собой истинное совершенство: тонкая талия, пышная грудь и так далее. Ангелоподобному лицу красавицы не доставало разве что ангельского безразличия ко всему земному. Чуть вздернутый носик. Широко расставленные глаза сказочного изумрудного цвета, как волна у кромки прибоя. Пышные белокурые волосы обрамляли ее лицо, длинные локоны свободно ниспадали на грудь и рассыпались по точеным плечам.

Тимоти видел сотни фотографий этой женщины, но ни одна не передавала и сотой доли ее красоты. Ей были присущи девическая грация и прелесть в сочетании с чувственностью зрелой матроны — и самые первоклассные фотографии были не в состоянии это уловить. Тимоти поневоле порадовался тому, что его ущербные гениталии хотя бы внешне свидетельствуют и об ущербности чисто мужского интереса. Женщины никогда не возбуждали его физически — к счастью, потому, что плотским желаниям он все равно не смог бы дать естественного выхода. И все же, хотя желание как таковое отсутствовало, случалось иногда — крайне редко, но все же случалось, — что на него накатывало некое чувство, названия которому он не мог подыскать ни в одном известном ему языке. И сейчас это чувство вновь посетило его. А ведь такое бывало с ним лишь в присутствии чрезвычайно привлекательных во всех отношениях и вызывающе чувственных женщин. И одной из сторон этого чувства

было ощущение неудовлетворенности. Его кожа похолодела, а в горле у него запершило почти до судорог.

Жестом Полли Лондон пригласила его присесть в кресло рядом с собой.

— Вы оказали мне огромную честь, — сказала она. — Обычно меня интервьюируют ваши подчиненные.

Она была очаровательна, она была настолько хорошо воспитана, что ничем, ни малейшим движением роскошных бровей, не показала, как неловко себя чувствует в присутствии уроды, к которому конечно же нельзя не испытывать отвращения.

Усевшись в грибовидное кресло и отключив двигательное устройство, Тимоти заверил ее в том, что эта встреча делает честь не ей, а ему самому. Полли улыбнулась в ответ и показала, как пользоваться миниатюрным баром, вмонтированным в консоль кресла. Мгновение спустя Тимоти держал в механической руке коктейль. Водка с апельсиновым соком пришлась ему как нельзя кстати.

— Я заинтригована и, пожалуй, даже больше, чем просто заинтригована, — сказала она, чуть подавшись в его сторону. Голос ее звучал как небесная музыка. — Просто не могу себе представить, что это за совершенно особая статья, подготовка которой потребовала вашего личного участия.

— Я вам солгал, — без обиняков ответил Тимоти.

Он понимал, что ему надо говорить четко и быстро, чтобы как можно быстрее приступить к делу и закончить с ним, потому что эта женщина с каждым мгновением нравилась ему все больше и больше. Комбинация детской непосредственности с божественной чувственностью была просто неотразима. Любого мужчину ей достаточно было только поманить длинным, безупречно ухоженным пальцем, и он без сожаления пошел бы и в огонь, и в воду, и на край света.

— Солгали? — недоверчиво переспросила она, словно впервые в жизни столкнувшись с тем, что люди, оказывается, способны на ложь. А может быть, так оно и было на самом деле. Лгать этой женщине было бы так же подло, как, скажем, объяснять младшему братику, что никакого Санта-Клауса на самом деле нет.

— Я прибыл не для того, чтобы готовить статью, — пояснил Тимоти. — Это было только предлогом попасть сюда.

Полли Лондон нахмурилась, все еще недоумевая, чего ради жалкому мутанту вздумалось являться к ней в дом по выдуманной причине.

— Я не хочу причинить вам вреда. Но прошу вас помочь мне.

Она хотела было встать, но Тимоти бросил на нее умоляющий взгляд, и она осталась в кресле. Вид у нее был сейчас несколько раздраженный или, точнее, по-детски обиженный, но он понимал, что обижаться всерьез, а тем более сердиться эта женщина не спо-

собна. И дело не в том, что она была инфантильна, — нет, просто ей так и не довелось узнать, как страшен и мерзок бывает мир, следовательно, ей не понадобилось обрастать толстой кожей и, в свою очередь, обзаводиться страшными или мерзкими качествами.

— Я у себя дома, — произнесла она. — Уж не пытаетесь ли вы указывать мне, как я должна вести себя в собственном доме?

— Прошу прощения, — сказал Тимоти. — Но если вы подниметесь, мне, в свою очередь, придется включить двигательное устройство и проследить за тем, чтобы вы не позвали никого на помощь. Это было бы глупо с вашей стороны, потому что, как я уже сказал, я не хочу причинить вам вреда. Если же вам и удастся что-нибудь в этом роде, то просто скажу полиции, что прибыл сюда взять интервью, и покажу мои заметки. А вашу попытку устроить скандал объясню тем, что вы стремитесь стать виновницей и героиней подлинной сенсации.

— Заметки? Но вы же...

— Я заготовил их заранее. Как раз в предвидении примерно такой ситуации.

Она внезапно улыбнулась. Тучи рассеялись.

— Золотая голова, верно?

— Мне хочется думать, что дело обстоит именно так.

— Ну и какой же услуги вы от меня хотите?

Полли Лондон откинулась на спинку кресла, сделала глоток из бокала. От минутного недовольства не осталось и следа.

Он мысленно пожелал, чтобы ей никогда не встретился человек, рассудок которого, острый и холодный как бритва, сумеет устоять перед ее чарами. Потому что такому извергу не составило бы труда за несколько часов разрушить хрупкий мир, в котором она обитает, превратив и этот мир, и ее самое в безжизненные руины. Как, должно быть, замечательно — родиться и с самого рождения обитать в мире, в котором не существует зла! Но вместе с тем это и опасно — столкнувшись со злом, ты окажешься беззащитным перед ним.

— У вас ведь был роман с покойным Клаусом Маргелем, не так ли? — спросил он напрямик.

Тимоти показалось, будто ее изумрудные глаза подернулись пеленой, словно она старалась сдержать нечаянные слезы. А когда она заговорила, голос ее едва заметно дрожал. Это поразило Тимоти, видевшего Маргеля таким, каков он был на самом деле, — человеком, лишенным представлений о морали и чувства раскаяния, хладнокровно и безжалостно убивавшим всех, кто стоял у него на пути. Теперь Тимоти решил, что были у этого человека, очевидно, и какие-то другие качества, и это открытие удивило его. Он порадовался, что в газетах не сообщалось о том, как именно погиб Клаус Маргель, а расправу над ним выдали за дело рук полиции.

— Это так, — сказала она. — Мы с ним долго встречались. Он относился ко мне как

джентльмен. Ухаживал за мной, словно маленький мальчик. Я отказываюсь верить всем тем ужасам, которые написаны про него в газетах.

— Но все это правда, — осторожно произнес Тимоти, опасаясь снова вызвать выражение недовольства на ангелоподобном лице Полли.

— Это вы так думаете!

Сердиться на нее было невозможно. Оставалось только удивляться слепоте и наивному желанию отгородиться от реальности. Справившись со своими чувствами, Тимоти сказал:

— Его брат пытается меня убить.

И вновь ему пришлось удивиться: ее реакция на эти слова оказалась далеко не столь наивной, как на его высказывания о Клаусе.

— Я не люблю Йона, — проговорила она, глядя на вино в бокале. — С Клаусом всегда было весело. Он любил жизнь и умел ею наслаждаться. А Йона я даже никогда не видела с улыбкой на устах. Мне кажется, ему хотелось разлучить меня с Клаусом. И я его немного побаивалась.

— Я хочу убрать Йона Маргеля прежде, чем он уберет меня, — сказал Тимоти.

Полли резко побледнела и нервным движением поднесла к губам бокал.

Он сообразил, как именно она восприняла его слова, и поспешил с уточнением:

— Я вовсе не собираюсь его убивать. Мне хочется всего лишь передать Йона Маргеля в руки

правосудия. Если его приговорят к смертной казни, значит, так тому и быть. А может быть, ему дадут пожизненное заключение. Но мне нужна хоть какая-то зацепка, чтобы предъявить ему обвинение, иначе мне не будет ни минуты покоя.

Полли достала из консоли кресла бутылку, подлила себе в бокал и задумалась.

— Но я не понимаю, чего вы хотите от меня, — сказала она.

Руки у нее сейчас дрожали.

— У вас должны быть знакомые в мафии.

— Нет, — сказала она твердо и, скорее всего, искренне.

Ее ответ на мгновение сбил Тимоти с толку, но тут он вспомнил о том, в каком неведении пребывала красавица относительно подлинной жизни Клауса Маргеля.

— Но вы ведь знакомы с его близкими друзьями?

— Да, но они не из мафии!

— Позвольте уж мне самому решать, из мафии они или нет. Я прошу вас вспомнить друзей Клауса Маргеля. Не было ли среди них людей, которые недолюбливали бы его брата?

— Да практически все!

— Вот и прекрасно. Подумайте о них и вспомните того, кто ненавидит Йона Маргеля сильнее, чем все остальные. Кого-нибудь, кому бы тот угрожал. Или шантажировал. Или кому не нравилось работать под его началом.

— Да ведь меня все это совершенно не касается! — В голосе Полли Лондон теперь слышался подлинный гнев. — Я вообще не понимаю, с какой стати сижу с вами и слушаю бред о том, что Клаус и его друзья — гангстеры!

— Потому что они на самом деле гангстеры, — возразил Тимоти. — И если вы не окажете мне эту незначительную и нетрудную для вас услугу, я употреблю все возможности «Страны развлечений», чтобы дискредитировать вас и погубить вашу карьеру.

— Вы этого не сделаете!

Она вскинула голову и с изумлением посмотрела на него. Актрисой она была превосходной и прекрасно об этом знала.

— Сделаю, даже если ради этого мне придется пойти на ложь, — сказал Тимоти. — Мы сфабрикуем и опубликуем клеветнические материалы. Конечно, вы подадите на нас в суд за клевету. Но к тому времени вам уже ничто не поможет. И даже если нас оштрафуют в вашу пользу на миллион-другой, «Страна развлечений» переживет такую потерю — не без труда, согласен, но переживет. Меня это не разорит. А вам, как мне представляется, играть в кино и на сцене нравится куда больше, чем зарабатывать деньги сутяжничеством. Вы актриса. Шантаж при помощи объемных видеоматериалов принесет вам неизмеримый в денежном эквиваленте ущерб. — Тимоти видел, что она поверила в серьезность его намерений, однако все еще не может смириться с тем, что

столкнулась с таким негодяем и с таким негодяйством, и вообще с тем, что в мире существует подобное негодяйство. Ему все-таки удалось пробить броню ее наивности, хотя это и не доставило ему особого удовольствия. — Для меня это вопрос жизни и смерти, — добавил он как бы в объяснение и оправдание собственной жестокости.

— Кажется, я знаю, кто вам нужен, — сказала она.

— Как и когда я смогу с ним связаться?

Тимоти не нравилось странное спокойствие, которое ее охватило. Лучше бы она гневалась, кричала, угрожала. Он чувствовал себя подлецом, но такова жизнь.

— Просто так взять и позвонить ему я не могу. Тем более, если Йон и впрямь такой страшный человек, как о нем рассказывают.

— Завтра, — решил за нее Тимоти. — Придумайте какой-нибудь предлог для встречи с ним. Но ждать я не могу. Если вы не поможете, меня убьют. — Он выложил на кофейный столик визитную карточку со своим номером. — Позвоните, как только все устроите.

— Завтра, — уныло пробормотала она.

Тимоти стало не по себе. На смену тоске и чувству неудовлетворенности примешалось ощущение собственной грубости, бессердечности и бесчувственности. Но, черт побери, у него не было выбора, никак иначе до этой девки не достучаться, а искать другой путь к кому-нибудь из членов Братства не было вре-

мени. Только человек из недр самой организации может, взвесив все «за» и «против», снабдить Тимоти информацией, чтобы он отправил Йона Маргеля за решетку.

— Скажите ему, что я готов заплатить. Размер вознаграждения не имеет значения. Конечно, в рамках разумного.

Он отправился в обратный путь, растянувшийся, как ему показалось, на многие тысячи миль...

Ровно через двадцать четыре часа, в конце первой половины дня в среду, Полли Лондон позвонила ему. Ее лицо на экране видеофона было нестерпимо прекрасно, почти так же прекрасно, как и оригинал. Она старалась не встречаться взглядом с его единственным глазом, она уставилась в какую-то точку в пространство и лишь порой, потупившись, смотрела на свои оставшиеся невидимыми для него руки, которые, как он предположил, переплелись пальцами, чтобы унять дрожь. Говорила она тихо, едва слышно, как маленькая, насмерть перепуганная девочка. Это удивило его. Он понял бы, если б она была на него обижена. Но откуда взялся испуг? Чего ей бояться?

— Через час, — сказала Полли. — И снова у меня.

— К сожалению, это не годится, — ответил Тимоти, отчаянно желая, чтобы она посмотре-

ла прямо на него, и он смог бы еще разок насладиться изумрудным сиянием ее глаз. — Слишком велика опасность угодить в ловушку. Нам надо встретиться где-нибудь в общественном месте.

Она вроде бы смутилась. Потом, смахнув длинную прядь золотистых волос с лица, сказала:

— В Увеселительном парке. — Прозвучало это, да и все дальнейшее так, словно рядом с нею сидел, оставаясь вне поля зрения камеры, инструктор, который диктовал ей одно указание за другим. — Прямо за... прямо за фонтаном. Там, откуда бросают монетки, загадывая желания. Через час.

— Я приду, — сказал Тимоти.

Она разъединилась, но Тимоти еще несколько мгновений сидел неподвижно, вглядываясь в экран, где только что видел пышные белокурые волосы, тронутую загаром кожу и изумрудное сияние в глазах...

Прибыв в Увеселительный парк, Тимоти старался не обращать внимания на любопытные взгляды зевак. Давным-давно он привык к тому, что представляет собой как бы самодвижущийся паноптикум, привык абстрагироваться от всеобщего внимания и чувствовать себя непринужденно в общественных местах. Тагастер однажды сказал ему, что невежественные и безвкусные люди вечно пялятся на того, кто

отличается от них, не важно, в какую сторону, лучшую или худшую, даже если это отличие касается исключительно покроя одежды.

По середине живописного пруда бил фонтан. Вокруг толпилась празднующая публика. Многие бросали монеты в голубоватую воду, другие окунали в нее руки. И тут Тимоти увидел Полли Лондон. На ней был строгий брючный костюм и украшенная цветами соломенная шляпа с широкими полями. Колдовские глаза прикрывали большие круглые солнечные очки. Из-под шляпы выбивались прядки черных волос (Тимоти понял, что она в парике), но все эти ухищрения и уловки не могли скрыть ее красоту. Строго говоря, Полли Лондон выглядела еще более ослепительной и обольстительной, чем накануне.

— Он за фонтаном, — сказала она. — На той стороне не таклюдно.

— Пойдем, — сказал он.

Диаметр пруда составлял примерно двести футов, и чтобы попасть на другую сторону, надо было преодолеть довольно приличное расстояние. Им удалось вырваться из самой гущи толпы, протолкаться между прогуливающимися туристами и оказаться на противоположной от входа в парк стороне пруда. Там на фоне довольно густых зарослей стояла скамья, отделенная от фонтана и защищенная от его струй фрагментом скалы. На ней сидела, обнявшись и любуясь фонтаном, какая-то парочка, а рядом худощавый, низкорослый мужчина

в темном костюме. Когда Тимоти и Полли приблизились, он привстал, подождал, пока девушка не уселась, и лишь после этого сам опустился на скамью. Тимоти садиться не стал, он как бы завис над ними обоими, наклонившись так близко, что говорить можно было практически шепотом.

Полли представила мужчин друг другу. Коротышка назвался мистером Кили. Тимоти показалось, что это имя вымышлено. Больно уж нервничал худошавый миниатюрный мужчина, беспрестанно оглядываясь по сторонам, словно боялся внезапного нападения.

— Не думаю, чтобы сюда забрели ваши друзья, — сказал Тимоти, желая его подбодрить. — Едва ли они развлекаются в Увеселительном парке.

Кили кивнул, потом посмотрел на Полли. Тимоти показалось, будто красавица подмигнула коротышке, и ему стал чрезвычайно интересен смысл этого молчаливого обмена мнениями.

— Тимоти, — начала Полли, вновь привлекая его внимание к своему замечательно красивому лицу. — Мистеру Кили хотелось бы сперва обсудить вопрос о деньгах. Он...

И тут она запнулась, потом всплеснула руками, и внезапно изменившееся выражение ее лица заставило Тимоти моментально насторожиться.

Он резко развернулся к Кили, в тот же миг вонзившему шприц ему в бедро, прямо над се-

ребряным зажимом, на котором крепилось устройство для передвижения.Пусти он в ход наркотротик, у Тимоти, возможно, еще осталось бы время на отражение этой атаки. Но сейчас телепатические способности не могли выручить Тимоти.

Кили нажал на автоматический спуск шприца; в бедро Тимоти потекла какая-то ледяная жидкость.

Он хотел закричать, но лишь успел подумать, не опоздает ли даже с этим криком...

Глава 7

Его тело отказывалось исправно функционировать. Под действием наркотика оно задрожало и задергалось. Тимоти стало и жарко, и холодно одновременно. Ему даже показалось, будто он чувствует, как кровь просачивается сквозь туго натянутые стенки вен и артерий; кровь стала ледяной, чуть ли не замороженной, а тело, которому она давала жизнь, напротив, высохло и раскалилось, как будто его сунули в печь. По лицу Тимоти пробежала судорога, в эти мгновения оно казалось еще чудовищней, чем обычно. Будь у него даже руки и ноги, как у нормального человека, сейчас они бы оказались бессильны ему помочь.

Он попытался задать вопрос, что с ним делают.

Но ему не удалось произнести ни слова, словно невидимые пальцы сдавили горло, заставив его замолчать...

Кили вскочил с места, схватил Тимоти и стал оттащить его от фонтана. Тимоти отчаянно пытался заставить работать свои механические руки, чтобы атаковать ими коротышку, но искусственные «кисти» перестали его слушаться и лишь беспомощно плыли по воздуху. Тогда Тимоти попробовал переключить свой гравитационный двигатель на вертикальный ход, чтобы выйти на максимальную высоту — восемьдесят футов — и избавиться тем самым от своего мучителя. Но устройство для передвижения никак не отреагировало на посланный ему сигнал...

И только тут Тимоти понял, что отравы, которую ему вкололи, блокировала его психотехнические способности...

Таким беспомощным он не чувствовал себя с тех пор, как его забрали из приюта и передали в руки жадным до новых систем вооружения генералам. Ему нестерпимо захотелось сделать хоть что-нибудь: закричать, ударить, только бы сбить энергию ужаса, вырабатывающую сумасшедшие дозы адреналина в его дрожащем бесформенном теле.

Кили уже развернул его на сто восемьдесят градусов и теперь подталкивал в сторону густых зарослей. Молодая парочка поднялась со скамьи, с недоумением наблюдая за происходящим.

Тимоти уже перестал сопротивляться, не надеясь больше на свое устройство для передвижения и механические руки. Необходимо было преодолеть воздействие наркотика хотя бы на несколько секунд и, собрав последние силы, позвать на помощь.

Молодые люди подошли ближе, подхватили его с двух сторон, и на мгновение Тимоти готов был возликовать.

Но тут Кили, отпустив свою жертву, устремился в заросли, бросив парочке на прощание:

— Давайте-ка поживее, пока сюда не забрел кто-нибудь с той стороны.

Милые юноша с девушкой тут же поволокли Тимоти по извилистой тропке в лесную чащу. Скоро все трое очутились так далеко от фонтана, что никто посторонний не мог вмешаться в происходившее.

Тропа привела их к небольшой лужайке, на краю которой стоял темного цвета аэромобиль. Кили открыл дверцу, юноша с девушкой втиснули Тимоти в салон и уселись по обе стороны от него. Теперь он не смог бы даже пошевелиться, да и случайному прохожему вряд ли удалось бы разглядеть через окошко гримасу испуга на не совсем обычном лице пассажира.

Кили и Полли Лондон сели спереди, причем коротышка оказался за рулем. Мгновение спустя они уже неслись над грязной тропой; в окнах по обе стороны от машины мелькали кроны деревьев. С откровенной неохотой Полли обернулась и посмотрела на Тимоти, лицо

у нее было строгое и усталое, как после бессонной ночи.

— Не бойтесь, — сказала она.

Тимоти с удовольствием прикрикнул бы на нее, если б мог.

— Не бойтесь. Нет, в самом деле. Это всего лишь ПБТ, особого вреда от него не будет. Они не собираются убивать вас. Могут возникнуть скверные ощущения, потому что вы получили очень сильную дозу, но этим дело и ограничится. Вы мне верите?

Он ничего не ответил. Полли, конечно, не знала о том, что ПБТ парализовал ту секцию его мозга, которая отвечает за телепатические способности, а без них он всего лишь беспомощный и никому не нужный уродец. Она и представить себе не могла, какой ужас сейчас испытывал Тимоти: без телепатических способностей он был, в сущности, мертвецом.

Кили вырулил машину на шоссе, получил у дорожной полиции разрешение на верхнюю полосу, и машина тут же взмыла в безоблачное небо.

Как только они набрали высоту, галлюцинации, которыми знаменит ПБТ, обрушились на Тимоти с неслыханной силой, вырвав его из реального мира. Он очутился в незнакомой стране сюрреалистических фантазий, наполненной особыми запахами, цветами, вкусами и шорохами...

Поначалу в его видении появились женщины, само присутствие которых сделало нарко-

тический сон завораживающе увлекательным. Лежа на зеленой плетеной циновке, прохладной на ощупь, он плыл по течению реки, воды которой были на самом деле вином. Во сне у него были руки и ноги, как у нормального человека, было лицо — не уродливое и деформированное — вполне привлекательное. Он чувствовал себя полноценным человеком, и мир вокруг казался ему прекрасным. Течение уносило его все дальше и дальше, пригоршнями обеих рук он зачерпывал сладкое вино. И тут с неба, усеянного мелкими облаками, стали спускаться женщины. Сперва это были всего лишь листья — осенние листья, увлекаемые легким ветерком, и ничего более... Но вот с каждым из этих листьев начинали происходить удивительные превращения...

Первой на плоту у Тимоти появилась пышная длинноногая блондинка, поразительно похожая на Полли Лондон. Она закружилась у него над головой и, казалось, была легче воздуха! — а затем опустилась на циновку.

Тимоти прикоснулся к ней — его руки заскользили по ее теплой и нежной коже, наслаждаясь удивительной гармонией обнаженного тела.

Он поцеловал ее и впервые в жизни испытал счастье прикосновения к губам прекрасной женщины...

Он вошел в нее, а вино, струясь по реке, разбивалось о скалистые берега...

К нему подплывали и подлетали и другие женщины, каждая из которых, явившись сначала в образе листа, превращалась затем в восхитительную красавицу, искавшую его ласк. Весь мир превратился в единую женскую плоть, и все страхи оказались забыты. Каждая частичка этого благословенного мира — от травинки, из множества которых была сплетена циновка, до самого воздуха — приобрела вдруг аромат чувственности.

Однако женщинам предстояло новое превращение...

Их руки превратились в крылья, а крылья взметнулись в воздух, образовав над плотом-циновкой нечто вроде шатра, куда не проникал теперь солнечный свет. На смену пиршественному изобилию тел пришла сила атлетов; на смену красоте — уродство, навещающее ужас. Их лица вытянулись, превратившись в волчьи оскалы, глаза глубоко запали, скулы выдвинулись вперед. Рты хищно раскрылись, обнажив острые как бритвы желтые зубы.

Тимоти закричал и попытался подняться, они тут же обрушились на него, стремясь разорвать свою жертву в клочья...

Вся ночь прошла в страшных кошмарах. Лишь изредка наступали периоды глубокого безмятежного сна, когда телу удавалось избавиться от мучительных судорог, не оставляв-

ших его и в минуты бодрствования, а разум обретал прежнюю ясность.

Какие-то темные твари гнали его по бесконечным коридорам; чудовища с горящими глазами и отвратительными ухмылками; их жуткие вопли разносились по всем закоулкам каменных лабиринтов. Часть этих тварей оказалась крылатой, тогда как другие ползли по стенам подобно паукам; их глаза наливались желтым светом, а покрытые шерстью конечности трепетали в предвкушении того момента, когда они доберутся наконец до Тимоти. В одном из этих кошмаров, когда Тимоти спасался бегством от лишнего определенных очертаний существа, которое стонало по-человечески, однако менее всего походило на человека, одна из ног самого Тимоти внезапно начала растворяться в воздухе. Прошло несколько мгновений — и вот уже он ковылял на одной ноге, — но тут исчезла и она, а Тимоти очутился на полу. Он попробовал ползти и тут же обнаружил, что руки тоже исчезли. Оказавшись беспомощным и неподвижным, впитывая запах загаженного пола, он прислушался к смешкам и жутковатым выкрикам тварей, которые, уже никуда не торопясь, подбирались к нему все ближе и ближе...

Он проснулся от собственного крика, горло его горело, страшный холод разлился по жилам...

Один и тот же кошмар преследовал его без конца, и, очнувшись, Тимоти погружался в новую наркотическую реальность, полную ужа-

сов и наваждений. И все же это была передышка: возвращение главного кошмара оказывалось еще более невыносимым.

Но вот перед самым рассветом все наконец закончилось. Тимоти чувствовал себя совершенно опустошенным и вымотанным, к тому же у него кружилась голова и его тошнило. Теперь, когда нормальные чувства хотя бы частично восстановились, он обнаружил, что парит в воздухе над кроватью, а его механические руки покачиваются прямо перед ним. Он мысленно дотянулся до пульта своей гравитационной машины, выключил ее и рухнул на мягкий матрас, на котором сразу же забылся глубоким и здоровым сном; только сон и мог помочь ему после таких испытаний. Заснул он так быстро, что даже не успел сообразить, что его телепатические способности восстановились.

Примерно через пять часов его разбудило прикосновение чего-то грубого и холодного. На мгновение ему стало страшно открыть глаза — это могла быть одна из привидевшихся ему тварей; что, если она уже приняхивается к нему, облизывается и хищно скалит зубы, ухмыляясь к тому же бесовской ухмылкой? Но его продолжали трясти — все сильнее и настойчивее, пока наконец Тимоти не решил, что в любом случае для него будет лучше открыть единственный глаз и посмотреть, с кем, собственно говоря, он имеет дело. Он с трудом согнал с себя дремоту.

— Доброе утро, спящая красавица, — сказал грубый голос.

Посмотрев вверх, Тимоти увидел лицо с тяжелым подбородком, испещренное шрамами во множестве стычек, которые ни в коем случае нельзя было бы назвать дружескими потасовками. Маленькие глазки незнакомца были прищурены и смотрели более чем недобро. Нет, этот человек не был порождением наркотического бреда, но мог оказаться куда опаснее любой из гнавшихся во сне за Тимоти тварей.

— Правильное определение, ничего не скажешь!

Эту фразу произнес другой голос — голос образованного, самоуверенного и отлично владеющего собой человека; голос, говорящий о своем носителе куда больше, чем могли бы сказать слова.

Тимоти посмотрел направо, через плечо разбудившему его грубияну, и увидел высокого, хорошо сложенного мужчину лет тридцати пяти — с гладко зачесанными за уши черными волосами, широкими скулами и твердым подбородком. Он был одет в темный, отличного покроя костюм. Короче говоря, это был не очередной «солдат», а кто-то из боссов.

— Ему нравится делать людям больно, — пояснил этот джентльмен. — Его зовут Бейкер. Книг он не читает, фильмов не смотрит, в отличие от нас с вами. Но на свой бесхитростный лад любит поразвлечься.

— Вы меня уже достаточно напугали, — сказал Тимоти, и это было сущей правдой. — Так что, может быть, хватит.

— Отлично, — улыбнулся джентльмен.

Бейкер с ухмылкой перекидывал духовое ружье из одной руки в другую. Тимоти поневоле подумал о том, родился ли этот человек умственно недоразвитым и с выраженной тягой к насилию, или же Братство взяло к себе на службу нормального человека и постепенно превратило его в такое животное. Бывает ведь и такое. Военные провели достаточно опытов по операциям на мозге, в результате которых все интересы подопытного начали сводиться к повиновению приказам, стандартному поведению в стандартных ситуациях и, разумеется, к убийству. А Братство наверняка смогло получить доступ к подобной технике: денег на то, чтобы подкупить хирургов и техников, задействованных в проекте, у гангстеров было более чем достаточно.

— Что вам от меня нужно? — спросил у джентльмена Тимоти.

— Избавиться от вас. Вы совершили ошибку, обратившись к мисс Лондон. Она совершенно не способна ни на какую интригу. Конечно, Кили ненавидит меня, но боится он меня еще сильнее. Могли найтись и другие люди — и вот те с удовольствием продали бы меня. Так что придется о вас как следует позаботиться, чтобы в следующий раз вы не вышли бы на кого-нибудь из таких людей.

Сначала Тимоти страшно обрадовался тому, что его вроде бы не собираются убивать. Но тут же он понял, что жизнь ему сохранят только в том случае, если Йону Маргелю удалось придумать для него что-нибудь пострашнее, чем сама смерть.

— Так вы не собираетесь убивать меня? — спросил он, искренне надеясь на то, что ему откроют дьявольскую альтернативу, в любом случае это будет менее мучительно, чем неведение и бесплодные гадания.

— Таково было первоначальное намерение. Но вы, судя по всему, обладаете способностью обезвреживать самую изощренную технику убийства. Кроме того, если бы мы убили вас здесь, это повлекло бы за собой ненужные осложнения. Поэтому у нас остается одна-единственная возможность — превратить вас в наркомана, посадив на ПБТ.

Мгновенно Тимоти включил гравитационное поле и послал механическую руку на джентльмена. Бейкер нанес Тимоти страшный удар кулаком в грудь. Тимоти отбросило на край кровати и голова его стукнулась о подоконник окна, расположенного высоко в стене над изголовьем кровати. Механическая рука, не долетев несколько футов до «крестного отца», зависла в воздухе: Тимоти перестал контролировать ее, все силы понадобились ему на то, чтобы не потерять сознание.

— Глупо с вашей стороны, — заметил «крестный отец». — Никто не собирается давать вам

смертельную дозу. Кое-кого мы приучаем ко всевозрастающим дозам, в результате чего их тела начинают гнить заживо. Это медленная и мучительная смерть. Но и это вам не грозит.

Тимоти завис над кроватью, пытаясь собраться с мыслями и найти какой-нибудь путь к спасению. Наркотическая зависимость от ПБТ означала бы утрату телепатических способностей и возвращение к растительному существованию его детских лет. К горлу подступили слезы...

— Впрочем, речь идет и не о малой дозе вроде той, на которой сидел ваш дружок Тагастер. Нет, что-нибудь среднее. Чтобы вы не смогли обратиться в полицию и предложить информацию в обмен на легализацию статуса наркомана. Время от времени мы будем исчезать и давать вам возможность пройти через ломку — только ради того, чтобы вы почувствовали, кто в доме хозяин.

Тимоти взмыл под потолок, на ходу успев перевернуться на бок. Он метнул серебряный шар своей гравитационной установки в сторону двери, которая была беззаботно открыта. Но хотя Бейкер выглядел бестолочью и размазней, он оказался сейчас самым проворным: очутившись у двери за секунду до Тимоти, он захлопнул и запер ее, выдернув затем из замка старомодный ключ.

Собрав все свои силы, Тимоти обрушил на Бейкера серебряный шар, отбросив его к стене и разmozжив ему голову. Мертвый или потеряв-

ший сознание Бейкер опустился на пол. Ключ вывалился у него из рук и звякнул о каменный пол. Не теряя времени, Тимоти подхватил его механической рукой, и тут же из-за спины раздался спокойный голос джентльмена:

— Немедленно прекратите, или я вас убью.

Проигнорировав эти слова, Тимоти вставил ключ в дверь и попытался отпереть ее.

— Вы же и сами знаете, что на то, чтобы отвести нож, вашей психотехнической силы не хватит.

Повернувшись к «крестному отцу», Тимоти увидел, что тот сжимает в руке метательный нож с золотой насечкой. Судя по всему, он умел с ним обращаться.

— Бросьте мне ключ, — приказал «крестный отец».

И так как Тимоти замешкался, отвел руку для броска.

Тимоти извлек ключ из замочной скважины и перебросил его «крестному отцу». Ключ упал на пол, но джентльмен и не подумал нагнуться за ним. Тимоти рассердился на себя за наивную надежду на то, что такой элементарный трюк сможет сработать. Он только насторожил противника, ожидавшего теперь нового подвоха.

— Прошу вас вернуться в постель.

Тимоти повиновался. Большого выбора у него не было. Зависимость от наркотика могла и впрямь оказаться страшнее смерти, но если он умрет сейчас, это делу не поможет. Возможно, в дальнейшем у него появится

шанс для бегства — и вдруг та, новая попытка окажется удачной. По приказу «крестного отца» он выключил гравитационное поле и опустился на матрас: теперь он попал в ловушку силы земного притяжения.

— Я не исключаю, — продолжал джентльмен, — что вы попытаетесь вступить в контакт с полицией и после того, как превратитесь в наркомана со средней степенью зависимости. Хотя с вашей стороны это будет опять-таки глупостью. Само ваше стремление уничтожить Братство станет для вас губительным. Допустим, полиция начнет снабжать вас наркотиками из конфискованных партий, но этот источник достаточно быстро иссякнет. А только нам известно, откуда поступает товар. Вы меня понимаете? Никто другой не в состоянии синтезировать ПБТ — никто другой даже близко не подойдет к решению этой задачи. Мы единственные. И вот вы обнаруживаете, что вам хочется чего-то, недоступного в принципе, и это ваше желание со временем приобретет непреодолимый характер. Как я полагаю, вы уже уловили суть проблемы.

Тимоти промолчал.

У дальней стены зашевелился, а потом, шатаясь, поднялся на ноги Бейкер. Из носу у него текла кровь, но в остальном он, похоже, ничуть не пострадал. Едва поднявшись на ноги, он бросился к Тимоти.

— Бейкер, — предостерегающе окликнул джентльмен.

Гангстер остановился, мрачно уставившись на Тимоти. Но по его реакции на приказ хозяина Тимоти понял, что этот человек подвергался лоботомии. И впервые обрадовался тому, что военные провели столь подлые и безжалостные эксперименты...

Джентльмен меж тем подошел к кровати и, присев на край, извлек из внутреннего кармана шприц и ампулу с жидкостью янтарного цвета, наполнил шприц, нашел вену на бедре у Тимоти.

— Это скоро подействует, — заметил он, поднимаясь с края кровати.

Тимоти почувствовал, что, как и в прошлый раз, его оставляют телепатические способности. Но нынешняя доза была не столь сильной — дара речи он не утратил.

— Я не позволю вам обойтись так со мною, — сказал он.

Ему хотелось орать, хотелось кричать о бесчеловечности подобного обращения с калекой, превращающей его в калеку вдвойне. Но он подумал о том, что об утрате телепатических способностей ему лучше противнику не сообщать. Если Бейкер или кто-нибудь из них сообщат, что мутант стал совершенно беспомощен, они, разумеется, самым безжалостным образом разделаются с ним.

— У вас нет выбора, — сказал джентльмен. — Мы будем навещать вас дважды в день. Я лично распоряжусь об этом. Я бы назвал это сладкой местью, но предпринята она исключительно

но ради тех членов организации, которые дружили с Клаусом и опечалены его смертью.

— Местью? — переспросил Тимоти.

В его мозгу уже заструилась винная река, уже поплыла травяная циновка, уже закружились осенние листья...

— А чем же еще? — вопросом на вопрос ответил джентльмен.

Он больше не ухмылялся.

А река пенилась вином, вином, вином...

— Не понимаю, — сделав над собой усилие, пробормотал Тимоти.

Он пытался оставаться в рамках реальности, но вместо этого на него уже накатывало пьяное хаотическое безумие.

— Разумеется, вы все понимаете, — возразил джентльмен. — Меня зовут Йон Маргель.

И Тимоти провалился в наркотическое неистовство...

Глава 8

Кошмары перестали преследовать Тимоти: дозы, даваемые ему теперь, были меньше той, которую он получил в Увеселительном парке. Вместо этого его одолевали сильные галлюцинации чувственного характера: блаженные образы и картины, выныривать из которых в реальный мир становилось для него все неприятней и неприятней. А это происходило всякий раз, когда воздействие наркотика

ослабевало. Не находясь под воздействием наркотика, он понимал, что наслаждение, испытываемое им при погружении в мир фантазий, означает одно: он мало-помалу утрачивает связь с реальностью. Галлюцинации превращались для него как бы в полноценный жизненный опыт, и это бесконечно пугало его. Он сознавал, почему наркотические видения так дороги ему: только с их помощью он мог погружаться в мир телесной любви, в огромный мир, о существовании которого он до этих пор лишь смутно подозревал и о знакомстве с которым даже не помышлял. Но так нельзя, это еще не повод капитулировать — так убеждал он себя в минуты ясного сознания. Его жизнь проходила в бесчисленных схватках с самим собой: неужели он, взявший верх над самыми сложными техническими новинками, капитулирует перед каким-то химическим веществом. Нет, для него это позор.

И все же он сдавался. Мало-помалу, но... — и предавался уладам.

И тепеь уже часто, выйдя из состояния наркотического опьянения, он тревожно ворочался на постели и понимал, что с нетерпением ждет новой дозы.

И тут ему становилось страшно.

На третье утро Маргель и Бейкер, намереваясь вколоть ему очередную дозу, отклонились от привычного ритуала. Тимоти даже не удивился, когда понял, что Бейкер собирается

избить его. Ничто из дьявольских придумок Йона Маргеля не могло удивить его теперь. Тимоти прекрасно понимал, что Йон — садист и трус. А комбинация трусости и садизма воистину убийственна. Клаус Маргель, отдавая приказы своим подчиненным, никогда не переходил определенных границ. Он был смелым человеком, способным на многое. Он никогда бы не заставил сделать то, что не смог исполнить сам. Но Йон Маргель, трус по своей природе, мог приказать Бейкеру вытворить что угодно. Собственной физической силой или своей манерой поведения он был не в состоянии нагнать страх на членов организации, но компенсировал эту слабость, внушая окружающим, что его подлость не знает границ и садизм помогает ему извлечь удовольствие из самого невозможного, будь то вещи или обстоятельства.

— Бейкер поделился со мною любопытными соображениями, — обратился Маргель к Тимоти. — Конечно, наркотическая зависимость, в которой вы увязаете, в конце концов принесет вам страшные неприятности, но пока суд да дело, вы не испытываете страданий, а, напротив, наслаждаетесь. Разве же это наказание за убийство моего брата Клауса? Бейкер, разумеется, выразился попроще, но мысль его я уловил на все сто процентов.

Бейкер рассмеялся злобным смехом.

— Вот Бейкеру и пришлось в голову заставить вас чуть-чуть помучиться, чтобы вам было с

чем сравнить испытываемые вами восторги. Для контраста, и мне кажется, правота на его стороне. Кроме того, ему нужна маленькая разрядка.

Тимоти взмыл в воздух на антигравитационной подушке. Он пришел в ужас, однако этот ужас оказался уравновешен ненавистью, которая вновь начала вскипать в его душе.

— Вот-вот! — радостно воскликнул Маргель. — Давайте-ка малость полетаем. Тем интересней будет посмотреть, сумеет ли Бейкер справиться со своей задачей, когда перед ним возникли некоторые сложности.

Псевдонеандерталец отреагировал на эти слова с поразительной скоростью: он схватил Тимоти за шею и сдавил ему горло, тот сразу же начал задыхаться и самым жалким образом разинул рот.

— Только открытой рукой, Бейкер, — распорядился Мергель. — Внутри он может оказаться таким же слабым, как снаружи, а труп нам пока ни к чему.

Бейкер согласно кивнул и тут же принялся молотить по голове Тимоти своими мясистыми мощными лапами. После нескольких ударов у Тимоти зазвенело в ушах, и единственный глаз перестал что-либо видеть.

И все-таки он ухитрился извернуться всем телом и метнуть в Бейкера серебряный шар. Тот угодил великану в бок, заставив его развернуться на месте. При этом Бейкер стукнулся головой о панель стены и на мгновение чуть

было не потерял сознание. Но жажда отмщения заставила гангстера преодолеть боль, он собрался с силами, сделал шаг по направлению к Тимоти и нанес кулаком страшный удар, от которого мутант с трудом увернулся всего на несколько дюймов.

Тимоти вновь перевернулся на бок, набрал скорость и обрушился на великана. На этот раз ему удалось отшвырнуть Бейкера в сторону. Тимоти пронесся по воздуху мимо него, с грохотом ударился об стену, повредив при этом один из металлических зажимов своей системы передвижения. Когда он развернулся на сто восемьдесят градусов, Бейкер вновь набросился на него, молотя ребрами ладоней вслепую по груди, по плечам и по лицу. Маргель, стоя у двери, только посмеивался...

Тимоти был в какой-то мере рад тому, что побои, включенные на этот раз в предписанную ему процедуру, он получал до укола, а не после него. В противном случае, утратив психотехнические возможности, он остался бы наедине со своими мучителями совершенно беспомощным. А сейчас он велел механическим рукам осыпать спину Бейкера градом ощутимых ударов, хотя разъяренный великан вроде бы не замечал этого. Да и как ему было их заметить? Его нервные реакции, включая и болевые, наверняка сведены к минимуму, так что боль он испытывает только в том случае, когда для другого человека она оказалась бы невыносимой. Он был обработан таким обра-

зом, чтобы вести сражение до конца, пока не поступит приказ отступить — или умереть. Вот и сейчас он продолжал избивать Тимоти, обрушивая на него удары в четком до безумства ритме, от чего и сам больше походил на робота, чем на человека. Его мясистые руки опускались на щеки мутанта, несчастное лицо которого уже было залито кровью.

Бейкер захихикал — неожиданно тонким голосом и почти истерически. Лицо его стало багрово-красным, жилы вздулись, пот залил лоб и покатился по поросшим щетиной щекам. Он ухмылялся по-волчьи — если волки способны ухмыляться, загнав в угол будущую добычу. Действовал он свирепо и безжалостно, и Тимоти почти не сомневался в том, что изверг собирается убить его.

А Йон Маргель по-прежнему с интересом наблюдал за происходящим. В глазах у него сверкали искры безумия, которое, судя по всему, передавалось и Бейкеру. Конечно, дикий варвар таился в душе у Маргеля. Варвар, но под личиной человека образованного и воспитанного. И стоило личине чуть-чуть сдвинуться, как выступала его истинная сущность: он оставался все тем же свирепым варваром.

Понимая, что еще несколько ударов — и сознание ускользнет, Тимоти обрушил на голову Бейкера стальные пальцы механических рук. Человеческая плоть, пусть и принадлежащая столь яростному и звероподобному существу, мгновенно начала разрываться на лоскуты под

ударами металлических крючьев. В кровавое месиво превратилась левая щека Бейкера, кровь забила фонтаном оттуда, где только что красовалось правое ухо, багровая бездна разверзлась там, откуда металлические пальцы вырвали ноздри. И, вопреки всему этому, Бейкер атаковал мутанта с прежней яростью. По приказу Маргеля, автоматически принятому к исполнению, он бил Тимоти открытой ладонью, но сейчас его руки непроизвольно сжались в кулаки, потому что получеловек-полуробот дрался теперь с крайне опасным противником. Тимоти надеялся на то, что Маргель прикажет Бейкеру прервать бой, но тот вроде бы ничего не имел против продолжения поединка, превратившегося в смертельный. Ноздри Маргеля раздувались, глаза горели безумным пламенем. Он плотнее прижался к двери — в какой-то мере и напуганный, и очарованный разворачивающейся у него на глазах схваткой.

А Тимоти понимал, что потеряет сознание уже через пару секунд. Боль от ударов, пришедших по груди и животу, была такова, словно его обстреливали из катапульты каменными глыбами.

Бейкер теперь что-то напевал — какую-то непристойную песенку, ритм которой казался ему едва ли не храмовым пением...

Сейчас Тимоти уже сожалел о том, что ему не сделали инъекцию перед боями, — тогда бы он не чувствовал нынешней боли. И эта мысль позволила ему преодолеть подступив-

шее уже было беспамятство. Черт побери, прошло так мало времени, а эти мерзавцы уже чуть было не добились своего! Стоило ему по-настоящему захотеть наркотик, и его воля оказалась бы сломлена, а это могло бы означать лишь одно: они победили. Испытав ненависть и презрение к самому себе, Тимоти приказал механическим рукам вцепиться Бейкеру в горло, стиснуть и сдавить его так, чтобы великан задохнулся бы от нехватки крови, поступающей в мозг. Стальные пальцы сошлись на горле у Бейкера, развив огромное, хотя и не максимальное давление.

Бейкер продолжал наносить удары, однако и до него начало медленно доходить, что они становятся менее сильными и что он сам испытывает боль — причем боль весьма мучительную. Он уронил руки, отшатнулся от Тимоти, вцепился в металлические руки, стиснувшие ему горло. Со всей силой попробовал отвести их; на лице у него вместо недавнего тупого удовлетворения можно было теперь прочесть страх и отчаяние. Но человеческим рукам было не справиться со стальными пальцами. Он опустил на колени и, теряя сознание, повалился лицом вперед.

Тимоти надавил ему на шею еще сильнее, а затем расслабил хватку, иначе он убил бы Бейкера. Не поднимая единственного глаза, он послал механические руки к дверям, где стоял Маргель, надеясь застать «крестного отца» врасплох.

— Неплохой заход, — прокомментировал Маргель, неизвестно как очутившийся у него за спиной, возле кровати. — А сейчас давай-ка ложись на место и получай от меня то, что причитается.

Обескураженный Тимоти повернулся и увидел, что «крестный отец» держит наготове все тот же метательный нож, которым он уже грозил мутанту двумя днями ранее. Мгновенная надежда, вспыхнувшая было в душе у Тимоти, тут же угасла, на смену ей пришло глубокое отчаяние. Еще раз развернувшись, он переправился на постель, велев обоим механическим рукам парить в воздухе по обе стороны от него. Мысленно прикинул возможность задушить Маргеля механическими руками, пока тот будет делать ему инъекцию ПБТ, но тут же заметил, что «крестный отец» уже наполнил шприц наркотиком и мог сейчас сделать укол одной рукой, не выпуская из другой смертоносного ножа. Тимоти опустился на постель, отключил, как ему было велено, гравитационное поле и получил инъекцию со всем достоинством, на которое еще оставался способен.

Достоинство, в конце концов, это было последнее, что у него оставалось. Однако и достоинство скоро его покинет; так что воспользоваться им следовало, пока оно еще сохранялось в наличии.

— Вот так-то лучше, — сказал Маргель, извлекая из вены шприц.

Ледяная жидкость заструилась у Тимоти по жилам.

— А теперь лови свой кайф.

Маргель прошел в ванную, вернулся оттуда со стаканом воды, перевернул Бейкера на спину носком башмака и выплеснул воду ему на лицо. Бейкер подал признаки жизни: открыл глаза, сразу же попытался закрыть их, потому что милосердная тьма несколько смягчала чудовищную боль в поврежденном горле.

— Вставай, башибузук, — явно наслаждаясь ситуацией, сказал Маргель. — Вставай, нас ждут великие дела.

Бейкер безропотно поднялся, посмотрел напоследок на Тимоти, а затем поплелся за Маргелем на выход. «Крестный отец» отпер дверь, вышел и выпустил Бейкера, а затем вновь запер ее самым тщательным образом.

Тимоти остался наедине с самим собой и со своими галлюцинациями.

На какое-то время. Потому что потом появился Другой...

Картины, навеваемые наркотиком, все еще носили необычайно приятный характер. Да и впрямь пиршество чувств, богатство зрительных, обонятельных, осязательных, слуховых и вкусовых ощущений становилось все большим с каждым новым приемом наркотика, придавая происходящему в мире видений больше достоверности и глубины, чем это представляется возможным в реальном мире. Но в общую картину видения, с которой Тимоти успел уже за

недавнее время свыкнуться, вплелся теперь и некий новый рисунок. На протяжении обоих психоделических сеансов вчерашнего дня, ставшего для Тимоти вторым днем пребывания в заточении, Другой уже появлялся — но тогда он казался тенью, призраком, единственной нерепальной фигурой в реальном и сверхреальном мире грез. Другой выглядел двойником того Тимоти, который являлся ему в наркотических видениях, — красивым полноценным мужчиной. Другой был как бы зеркальным изображением Идеального Тимоти, он был вторым Идеальным Тимоти, и единственное его назначение сводилось вроде бы к тому, чтобы стоять на страже. В нем не было ничего зловещего, ничего, способного внушить хотя бы легчайшее недоверие. Строго говоря, его присутствие даже успокаивало первого Тимоти, делало галлюцинацию еще более упоительной.

Оба раза Идеальный Тимоти предпринимал попытку заговорить со своим куда более прозрачным двойником. И оба раза эта попытка ни к чему не приводила. Призрак просто-напросто исчезал, он растворялся в воздухе несуществующего и никогда не существовавшего мира. А теперь, в свой третий приход, он подошел ближе, чем раньше, и оказался куда менее эфемерным. Он стоял на речном берегу, провожая взглядом Тимоти, плывущего на плоту. Плот превратился теперь в крейсерскую яхту. Тимоти стоял около рубки, окруженный, как всегда, обнаженными красавицами. А по-

сколько крейсерская яхта плыла по течению, второй Идеальный Тимоти следовал за ней, паря над берегом, но не прикасаясь к нему ногами.

Идеальный Тимоти стоял на палубе в сопровождении худенькой, но весьма обольстительной женщины, опираясь на поручни, точнее даже вцепившись в них. Он окликнул своего двойника, парящего вдоль берега, и спросил у него, что тому нужно.

Второй Идеальный Тимоти не ответил.

Идеальный Тимоти вновь задал своему двойнику тот же самый вопрос. И едва он закончил фразу, как призрак оторвался от берега и заскользил по водам в сторону яхты подобно воскресшему мертвецу, простирая руки навстречу первому куда более телесному Идеальному Тимоти. Скольжение призрака по водам должно было напугать Идеального Тимоти, но этого почему-то не произошло. Идеальному Тимоти почему-то хотелось обняться с этим сверхъестественным существом, кажущимся столь нереальным в вещественном до мельчайших деталей мире его галлюцинаций.

Призрак скользил по водам уже где-то рядом.

Идеальный Тимоти перегнулся через борт.

И призрак обрушился на него и проник в него...

...И он проснулся все в том же похожем на склеп помещении одного из тайных домов мафии, проснулся в постели. Перед ним сво-

бодно парила в воздухе настольная лампа — большая и тяжелая металлическая штуковина. И вот на поверхности металла начали появляться мелкие трещины. Лопнула электролампочка. На тысячу мелких кусков разлетелся стеклянный абажур. А затем бронза, из которой была отлита ножка лампы, начала сворачиваться, как горящая бумага, начала отслаиваться и осыпаться горками и слоями чего-то напоминающего пепел на пол. Тимоти следил за этим до тех пор, пока от лампы не осталось и следа...

...Затем он почувствовал, что вновь погружается в иллюзорный мир ПБТ. И вновь он плыл по реке, окруженный обнаженными красавицами. Мир был приятен, приветлив и проникнут чувственностью. И нигде не было видно призрака, который он уже по привычке называл Другим. Призрак вошел в него — и прошел сквозь него. И как всегда, исчез. В памяти остался лишь один краткий миг, когда тела первого и второго Идеальных Тимоти как бы слились воедино. И тут же подлинному Тимоти привиделось, будто он проснулся и при помощи психотехники развеял в пыль тяжелую бронзовую лампу. Чего не могло случиться, потому что его психотехники на это бы не хватило. Строго говоря, ее не хватило бы даже на то, чтобы такую штуковину поднять. Забыв и думать о таких глупостях, Тимоти вернулся к своим красавицам, уже изнывающим в нетерпении...

...Но когда через несколько часов он проснулся вновь, когда в его организме не осталось никаких следов ПБТ, он увидел на полу истолченную в пыль бронзу. А увидев, понял, что вся эта история с уничтожением лампы вовсе не приснилась ему...

Глава 9

Ночь, разумеется, он провел без сна.

Тысячу раз он облетел из угла в угол крошечную подвальную комнату, в которой был заперт, размышляя над происходящим с такой сосредоточенностью, что ему было наплевать на то, что он кружит практически на одном месте. Размышления эти потребовали от него такой концентрации сил, что на какие-то мгновения он забывал и о чудовищной боли, напоминающей о побоях Бейкера, о разбитом и многократно рассеченном лице, о распавшейся чуть ли не надвое нижней губе. Слишком уж занимал его сейчас Другой — этот призрачный образ из навеванных ПБТ галлюцинаций, — появление этого образа и его значение. Он пришел к выводу, по которому Другой представляет собой всего лишь вторую половину его собственного «я», причем, возможно, ту, которая никогда не проступала на поверхность и уж тем более не доминировала в реальном мире, но вырывалась из глубин мозга, когда на него воздействовал наркотик.

А с того момента, когда Идеальный Тимоти и его Другой слились воедино и стали интегральной личностью, психотехнические способности, присущие Тимоти, многократно усилились, перестав быть подобием циркового репертуара. Тимоти с нетерпением дожидался утра — дожидался того часа, когда Йон Маргель с послушным Бейкером придет сделать ему очередную инъекцию. О, как ему сейчас этого хотелось! Но вовсе не из-за иллюзий, которые сулила ему новая доза, вовсе не из-за блаженных галлюцинаций, воздействующих на него так сильно, что время, свободное от наркотического опьянения, он проводит в ослабленном, апатическом состоянии. Он стремился отправиться на поиски своего Другого, стремился найти призрачного двойника Идеального Тимоти, стремился найти какой-нибудь способ окончательно — и навсегда — слиться с ним.

До сих пор и Йон Маргель, и сам Тимоти упускали из виду одно обстоятельство. А это обстоятельство следовало бы продумать заранее, прежде чем сажать Тимоти на иглу. Конечно, его тело было в каком-то смысле человеческим, но в каком-то другом смысле его нельзя было назвать человеческим. Его мозг был устроен по-особому, иначе он бы не обладал никакими — пусть и лимитированными — телепатическими способностями. И заранее следовало предусмотреть, что наркотик, возможно, подействует на него не совсем так

или совсем не так, как он подействовал на десятки тысяч наркоманов, посаженных на иглу кормящимся преступными делами Братством. Да, не совсем так или даже совсем не так. Тимоти начало казаться, что никакого привыкания, никакой зависимости у него все равно не разовьется. И что, напротив, наркотик поможет высвободить психическую энергию его мозга, развить его телепатические способности до логического предела или, по меньшей мере, резко увеличить их. И если ему удастся вывести их на постоянной основе хотя бы на тот уровень, которого они достигли вчера вечером, когда он стер в порошок бронзовую лампу, то Тимоти без труда удастся вырваться из темницы, более того, ему впредь не нужно будет бояться никакого оружия, будь это метательный нож или отравленный наркодротик.

Он надеялся, что на этот раз его мучители обойдутся без побоев. Надеялся, что ему дадут улечься, застыть, сыграть роль уже побежденного наркотиком адепта, которому ничего не нужно, кроме новой дозы, и который готов на все, лишь бы заполучить ее.

Последние ночные часы показались ему целой вечностью.

Тьма, глубокая и однородная, зависла словно бы навсегда. Так, впрочем, бывает со всяким, кто с нетерпением дожидается рассвета.

Но вот сквозь зарешеченное окно пробились первые лучи. Там, за окном, можно было

увидеть горную грядку и, в отдалении, несколько пиков. Зыбкий оранжевый свет сменился кроваво-красным, и вот наконец солнце запустило в комнату длинные желтые персты.

Когда они наконец пришли (а произошло это часа через два после того, как рассвело), то оказалось, что Маргель привел с собой Полли. Она была явно чем-то расстроена и на правой щеке у нее был синяк, что, правда, не мешало ей выглядеть по-прежнему ослепительно. Она опустилась на колени — прямо на каменный пол — и тяжело задышала, разинув рот, как вытщенная на берег рыба.

— К вам сокамерница, — сказал Маргель.

Было ясно, что и он сам, и Бейкер удовлетворили, потрудившись над Полли, садистские инстинкты и что Маргель поизгалялся над чувственностью актрисы, принесшей ей славу в рассчитанных на полное сенсорное восприятие фильмах.

— Из-за чего? — неожиданно жалким голосом спросил Тимоти.

Ее инфантильная неспособность разглядеть в мире зло успела в свое время разозлить его, но ему совершенно не хотелось становиться свидетелем того, как ей преподают урок на тему о том, что жизнь — отвратительная штука.

— Она у нас само сострадание, — пояснил Маргель. — Страшно растрепыхалась из-за тебя. Ей тебя, видите ли, жаль. Так растрепыхалась и разжалобилась, что доверять ей стало невозможно.

— А что вы собираетесь с нею делать? — спросил Тимоти, послав к Полли одну из механических рук, чтобы та помогла ей подняться на ноги.

— Посадим на иглу, — ответил Маргель. — Наркомания средней тяжести, вроде как у тебя. И тогда она не просто забудет и думать о том, чтобы отправиться в полицию! Тогда она окажется аппетитной бабенкой, согласной на что угодно и к тому же всегда под рукой, понял?

— Вы сошли с ума, — сказал Тимоти.

— Нет-нет, — возразил Маргель. — Я абсолютно здоров психически. Я никогда не употреблял наркотики, да и впредь не собираюсь. Это вы с нею, дружок, скоро превратитесь в парочку наркоманов.

Маргель приказал положить Полли на вторую кровать, находившуюся в комнате, где он собственноручно решил сделать ей первый в жизни укол ПБТ. Когда она категорически отказалась сдвинуться с места — скорее из недоумения, вызванного его бесцеремонностью, чем из смелости, — он, вздохнув, приказал Бейкеру приняться за дело. Она лягнула великана и принялась молотить его маленькими и слабыми кулачками. Она принялась кусать его за пальцы, заставив Бейкера злобно взвизгнуть. В конце концов он грубо сдвинул ей шею и, когда она обмякла, перенес ее на кровать. К тому времени, когда она пришла в себя, а случилось это через несколько

секунд, Йон Маргель уже всаживал шприц в ее изящную загорелую руку.

Тимоти зажмурился, когда содержимое ампулы перетекло в кровь Полли.

Полли изогнулась дугой, когда первый контакт с ПБТ привел в исполнение не столько ее мечты, сколько страхи. Тимоти порадовался хотя бы тому, что ей не вкололи такую сильную дозу, как ему самому в первый раз, и тому, что ей, соответственно, не пришлось страдать. Вид у нее был жалкий, она ворочалась на матрасе, мучительно пытаясь сохранить собственное «я» и, вопреки собственной воле, с каждым мгновением все глубже втягиваясь в фантастическую реальность видений. Но вот взгляд ее остекленел, тело обмякло и застыло в неподвижности на матрасе, разум и душа улетели в царство галлюцинаций.

Пока Маргель готовил инъекцию Тимоти, мутант подумывал о том, не оказать ли сопротивление. Однако его ждал Другой...

— Рад, что вы образумились, — заметил Маргель.

— Ублюдок!

— Какая пошлость, — возразил Маргель. — От человека, столь эрудированного, как вы, я ожидал какого-нибудь более изощренного проклятия.

Тимоти промолчал, наблюдая за тем, как игла вонзается в его уже отчасти исколотое бедро. Он почувствовал, что наркотик «забирает» его стремительней, чем обычно. Это обеспоко-

ило бы его, не спеши он так на встречу с Другим. А сейчас возникновение зависимости стало второстепенной проблемой по сравнению с тем, каких результатов ему, возможно, удастся достигнуть с помощью ПБТ.

— Сладких грез!

Маргель повернулся и пошел на выход. Бейкер, выходя из помещения следом за ним, бросил Тимоти на прощание грозный взгляд, означавший, что с возмездием за вчерашнее гангстер мешкать не собирается.

Дверь закрылась.

Ключ провернулся в замке.

Дверь снаружи закрыли и на цепочку.

И вот наступила тишина.

И начались галлюцинации...

На этот раз Тимоти лежал на лугу, поросшем высокими и пышными цветами. Но вот у этих цветов появились руки и ноги и они превратились в красавиц... Превратились в красавиц, одновременно оставшись цветами. Цветы были алыми и желтыми, оранжевыми и кремовыми, изумрудно-зелеными и лазурно-голубыми. Лепестки цветов, сохраняя окраску, превратились в волосы, женщины встали рядом, хрупкие, застенчиво улыбающиеся, порожденные самой природой. Но один из цветков, претерпев превращение, стал Другим. Идеальный Тимоти восстал со своего цветочного ложа и подошел к призрачному двойнику. Ближе... еще ближе... плоть Другого казалась теперь далеко не столь эфемерной, как преж-

де. Они прикоснулись друг к другу... и слились... И Другой вошел в него. И...

...Он вновь проснулся, и голова его заработала с поразительной четкостью.

Он осознавал, что не все мысли, роящиеся у него в голове, являются его собственными. Он почувствовал, что его разум расширяется, вбирая в себя духовную ауру Полли, переживая ее галлюцинации так, словно они являются его собственными. Ей снился ужасный сон: в ее неопишимо прекрасное лицо плеснули серной кислотой.

Тимоти расширил пределы своего восприятия еще на один уровень.

Он окунулся в сумятицу мыслей человека, которого сразу же идентифицировал как Йона Маргеля. Эти мысли замелькали вокруг него подобно многоцветным неоновым рекламам, наливаясь то желтым, то огненно-красным, то лиловым сиянием, разбрасывая во все стороны серебряные искры и дрожащие, а точнее, пульсирующие комья грязи...

Еще один уровень...

Теперь Тимоти погрузился в сознание к Бейкеру. Здесь преобладала обширная безмятежная белизна. Лишь на самом краю ровного, как лист бумаги, плато вспыхивали кроваво-красными огоньками мысли чудовищной и омерзительной дикости. Но безмятежная белизна преобладала и над ними.

Он позволил сознанию возвратиться в то помещение, в котором обитал телесно, позво-

лил ему возвратиться в свое собственное тело. И это произошло как раз вовремя для того, чтобы услышать, как кричит Полли...

Она ворочалась на постели и мучительно цеплялась за скомканные простыни, пока один из привидевшихся ей во сне фантомов гнался за ней по бесконечным коридорам. Тимоти захотелось как-нибудь помочь ей, и его буквально взбесила мысль о том, что, научись он получше распоряжаться своей постоянно возрастающей психической энергией, он сумел бы войти в ее сознание и разогнать темные видения, не дающие ей покоя.

И тут он подумал о двери и о том, что ею можно заняться немедленно. Он направил психическую энергию на замок, он велел ему отпереться...

...И Другой вышел из него, погрузив его в мир наркотических галлюцинаций и вновь придав ему вид Идеального Тимоти. Значит, и на этот раз слияние воедино оказалось несовершенным. В муках Тимоти подумал о том, сколько же времени потребуется на то, чтобы воссоединение двух половин его «я» стало необратимым. Бессознательно он запрещал себе думать о том, что этого, возможно, не произойдет никогда. А пока суд да дело, он позволил себе погрузиться в негу галлюцинаций...

Но они утратили многое из своей достоверности, многоцветья и осязаемости и сейчас едва ли намного превосходили впечатления, какие можно получить при просмотре рассчи-

танного на полное сенсорное восприятие кинофильма. Время от времени Тимоти на несколько секунд возвращался в подлинную реальность и слышал крики и стенания Полли, которую по-прежнему терзали ее демоны. Глядя на нее и думая о том, что эти люди пытаются сделать с ней, да, собственно говоря, уже сделали, безжалостно взломав скорлупу неведения, в которой она до сих пор обитала, — думая об этом, Тимоти задавался вопросом, окажется ли он способен убить их. Убить не так, как он убил Клауса Маргеля и двух его приспешников той ночью, со времени которой миновала уже, казалось, целая вечность... на этот раз ему хотелось самую малость помучить свои жертвы, а уж потом расправиться с ними окончательно... и это означало, что его ненависть стала еще сильнее...

Глава 10

Тимоти очнулся раньше, чем Полли, и с содроганием слушал ее крики ужаса и призывы о помощи. Сама же она, очнувшись, оказалась настолько измождена, что тут же провалилась в глубокий сон. Когда им принесли пищу, Тимоти пришлось будить ее. За едой Тимоти не раз испытывал искушение рассказать ей о шансах на спасение, которые они получили благодаря явному росту его психотехнических возможностей. Ее необходимо было подбод-

ритель, поскольку она пребывала в ужасе и растерянности. Но Тимоти не имел ни малейшего представления о том, прослушивается ли их тюрьма, а ему вовсе не хотелось раньше времени оповестить Братство, что, накачивая его наркотиком, гангстеры губят не его, а самих себя.

Когда они заканчивали еду, Полли первой услышала знакомый шум шагов, приближающихся к двери.

— Маргель со своим подручным? — спросила она.

Тимоти кивнул.

— Две дозы в день.

Она широко раскрыла глаза.

— Но, получая две дозы в день, ты утрачиваешь всякую связь с реальностью. Или находишься в наркотическом опьянении, или отсыпаешься после него.

— Именно так, — сказал Тимоти.

Он не стал сообщать ей о том, что с нетерпением ждет очередного укола, чтобы получить шанс вновь повстречаться с Другим.

Она попыталась побороться с Йоном Маргелем, что обернулось лишь несколькими безжалостными пощечинами и более болезненной инъекцией, чем та, которую она получила бы в случае молчаливой покорности.

Тимоти же был само послушание, и Маргелю это явно пришлось по вкусу. Он улыбнулся своей жертве и постарался сделать укол не причиняя боли. Вновь зацокали по полу две

пары каблуков, вновь захлопнулась дверь, вновь провернулся в замочной скважине ключ. Но сегодня этот ритуал приобрел для Тимоти едва ли не сакральный смысл.

Полли застонала, однако не столько от боли, сколько от удовольствия.

Тимоти закрыл единственный глаз и расслабился. Тут же возникло ощущение легкости, потом — и парения: он взмыл в воздух, не включив гравитационного поля. И вот наркотические галлюцинации выпустили его из темницы и перенесли на луг, поросший пышными цветами...

Другой уже ждал его. Он стоял всего в какой-то дюжине футов, держа руки в карманах и пристально глядя на Идеального Тимоти. Призрак внушал одновременно и страх, и надежду.

Цветы на этот раз не спешили превратиться в женщин.

Они покачивались на ветерке, расточая благоухание, сладкое, с едва уловимым привкусом тления.

Другой двинулся навстречу Идеальному Тимоти.

Идеальный Тимоти даже не попытался шагнуть навстречу, потому что проникся уверенностью, что в этом нет надобности. Встреча состоится все равно, слияние двух половин в одно целое стало неизбежным.

Еще ближе...

— Они пытаются сделать с тобой то же самое, что когда-то хотели сделать военные, —

сказал Другой. В первый раз он заговорил с Идеальным Тимоти. — Тебе это ясно?

— Ясно.

— Но им это не удастся, ни за что не удастся. Теперь, когда мы вместе, — сказал Другой.

— Ясно.

Они сошлись. Они слились воедино.

Цветы закачались сильнее, затрепетали и исчезли.

И вновь Тимоти очутился в темнице, на этот раз — вроде бы окончательно. И почувствовал, какую мощь обрел теперь его разум. Мощь, дающую ему возможность сделать все, что захочется...

Он расширил свое восприятие на все этажи дома, в подвальном помещении которого был заточен, он прошел по бетонным перекрытиям на стальных опорах, прошел сквозь звукопроницаемые стены, сквозь электропроводку, сквозь паркет полов и вторгся в наполненное множеством мыслей сознание Йона Маргеля. Вторгся — зашел с краю вглубь — и воспринял как единое целое путаный клубок чувств, желаний и планов, бившихся подобно тысяче сердец сразу в одном-единственном черепе. Сегодня утром, когда Тимоти впервые вторгся в мозг «крестному отцу», он и сам едва ли не растерялся. Но на этот раз он стремился взять этот мозг под полный контроль, и эта задача оказалась куда более сложной. Конечно, он надеялся на то, что его теперешняя сила безгранична, но стопроцентной гарантии в этом у него не было,

а битва за контроль над человеческим мозгом, проходящая в самом мозгу, могла оказаться невероятно тяжелым испытанием.

Так или иначе, он отворил заветную дверь и вошел...

Его мозг погрузился в непроходимые дебри мозга Йона Маргеля и заставил эти дебри принять очертания чего-то такого, что было бы знакомо или, по меньшей мере, представимо самому Тимоти, а именно — вечеринки в большом доме; мозг Маргеля принял форму этого дома, а его мысли стали как бы гостями на торжестве...

...В первом зале собралось двести богато одетых мужчин и женщин, пляшущих на зеркальном полу, над головами у них сверкали хрустальные люстры, свет которых отражался во множестве полированных поверхностей. На женщинах были шелк и парча всевозможных ярких тонов, платья были глубоко декольтированы, тогда как мужчины щеголяли в бархатных костюмах и почему-то в капюшонах.

Обрывки звонких речей и всплески смеха звучали со всех сторон одновременно, так что Тимоти не удалось разобрать ни единого слова. Стоял общий шум, в котором сливались все голоса присутствующих. Танцующие сновали по паркетному полу с такой стремительностью, что их лица казались не более чем белыми пятнами, а тела в яркой одежде переливались всеми цветами радуги.

Тимоти пересек танцевальный зал, то и дело натываясь на парочки, сконфуженно раскланиваясь, бормоча какие-то извинения. Прошел сквозь арку в гостиную, где участники торжества, сидя в креслах, вели друг с другом церемонную беседу, что представляло собой резкий контраст по сравнению с неистовством танцоров в соседнем помещении. Отсюда Тимоти перебрался в длинный обеденный зал, в котором был накрыт роскошный банкетный стол, а за этим столом сидел в полном одиночестве мужчина в сине-зеленом клоунском наряде и меланхолически пощипывал гроздь черного винограда.

Тимоти заговорил с этим человеком.

Тот ничего не ответил.

Тимоти обратился к нему вновь.

Казалось, он, по наитию, превосходно ориентируется в этом доме: он знает, куда идти, чтобы захватить над ним власть, хотя, разумеется, никогда здесь не был и никогда ничем подобным не занимался.

Он прошел на кухню, сверкающую стерильной белизной и поэтому поразительно похожую на операционную в больнице какого-нибудь мегаполиса. На столе было разложено мясо. Парное мясо, истекающее кровью. И каждый кусок, как увидел Тимоти, представлял собой определенную часть человеческого тела...

Он сразу же отвернулся. На данный момент ему не хотелось думать о природе сознания, в

которое он вторгся, о чудовищных снах и фантазиях, которыми это сознание было одолеваемо.

На кухне он обнаружил черный ход; открыл дверь и осторожно спустился по лестнице в подвал. Стены здесь были из натурального камня, а на стенах, глядя на него большими светящимися глазами, не то висели, не то стояли, прижавшись, какие-то странные создания. Тимоти сразу же понял, что этим созданиям ничего не известно о жизни, протекающей на наземных этажах дома, равно как и людям с этих этажей не известно о существовании внизу этих мерзких тварей.

В последнем отсеке подвального помещения, где приход Тимоти распугал темнокрылых бесствий, ему удалось обнаружить силовой генератор, обслуживающий и обеспечивающий весь дом. Тимоти, изготовив на ровном месте необходимые инструменты, снял замок с генератора, заменил его другим и изготовил к этому замку один-единственный ключ...

И тут же метафора, визуально воздвигнутая им, исчезла, и он получил полный контроль над сознанием Йона Маргеля. И из глубины глаз «крестного отца» окинул взглядом комнату, в которой тот находился. Это был кабинет, устланный толстым зеленым ковром, обшитый дубом и заставленный книжными полками, книги на которых были расположены согласно самому банальному из литературных вкусов, а именно по цвету обложек и по тому, как

они вписывались в общую цветовую гамму всего кабинета. Маргель сидел в тяжелом кресле-вертушке, обитом кожаменителем. В кабинете, кроме него, больше никого не было.

Тимоти спешно прошелся по мыслям Маргеля и обнаружил, что в доме на данный момент находятся еще трое. Бейкер, разумеется. Мужчина по имени Леопольд, приехавший из Чикаго, спит в гостевой спальне дальше по коридору. Проникнув в мысли Маргеля, Тимоти с изумлением понял, что тот на самом деле находится в подчинении у чикагского Леопольда. Однако он отбросил несвоевременные мысли об истинной структуре мафии и вернулся к куда более насущным вопросам. Третьим из посторонних был человек по фамилии Сикколи. Он, подобно Бейкеру, был боевиком и, опять-таки подобно Бейкеру, подвергся по приказу мафии лоботомии.

Тимоти заставил Маргеля вызвать к себе в кабинет Бейкера. Тот, повинуясь, нажал на кнопку вызова в столешнице письменного стола. Во всем доме сработала пульсирующая система светового оповещения. После третьей вспышки со стороны лестницы послышались шаги Бейкера. Когда великан ввалился в кабинет, Тимоти чуть было не утратил контроль над мыслями Маргеля, потому что захлестнувшие его отрицательные эмоции сразу же пригасили его психическую энергию и, соответственно, мощь. С трудом сдержав гнев и ненависть, он заставил Маргеля сказать:

— Приведи сюда Леопольда и Сикколи. Мне нужно отдать кое-какие распоряжения.

Когда Бейкер вышел из кабинета, так и не уразумев, что его хозяин почему-то вздумал делать распоряжения собственному хозяину, Тимоти проник в кладовую памяти Маргеля и обнаружил, что тот держит в левом верхнем ящике письменного стола духовое ружье, стреляющее дротиками несмертельного воздействия. Он достал ружье из ящика и положил его Маргелю на колени, однако так, чтобы этого не было видно со стороны. Пришлось прождать почти полные пять минут, прежде чем трое мужчин вошли в кабинет. Тимоти устами Маргеля предложил им сесть на диван, лицом к письменному столу, но в другом конце комнаты.

— Черт побери, я только что заснул, — рявкнул Леопольд.

Это был смуглый мужчина, уже не в расцвете сил, а в начале духовного да и телесного упадка. Внешне это выражалось в неестественной худобе: в этом человеке, явно рожденном, чтобы быть толстяком, она была куда более удручающей, чем чрезмерная тучность.

Маргель-Тимоти поднял духовое ружье и произвел залп наркодлотиками по троице мужчин, сидящих на диване. Бейкер и Сикколи успели, впрочем, вскочить с места и броситься на обидчика, но свалились на полдороге. Леопольд успел только оторвать задницу от сиденья и, сраженный полудюжиной дротиков, рухнул, как складное кресло, в ко-

тором что-то сломалось. Маргель-Тимоти приставил духовое ружье к собственному животу и выпалил. Через несколько секунд Йон Маргель заснул.

Тимоти покинул притихший дом сознания Йона Маргеля и вернулся в собственное тело, по-прежнему пребывающее в темнице. Прежде чем предпринять еще что-нибудь, ему следовало позаботиться о Полли и проследить за тем, чтобы она безмятежно спала. Подплыв к ней по воздуху, он завис над девушкой. Невидимыми пальцами телепатии он дотянулся до нее и осторожно изгнал наркотик из ее системы кровообращения, восстановил чистоту и здоровье клеток и привел ее в конце концов даже в лучшее состояние, чем то, в котором она была до начала всей этой истории.

Проснувшись, она сразу же обрушила на него целый град вопросов. Он отвечал лишь на те из них, на которые ему хотелось ответить, и только на протяжении того времени, которое потребовалось, чтобы препроводить ее к аэромобилю, припаркованному у дома. Теперь, когда его телепатические способности многократно увеличились, он обнаружил, что она больше не кажется ему самой привлекательной, хрупкой и прекрасной. Он понял, что, пройдя новую стадию собственной эволюции, совершенно разучился симпатизировать другим людям. Из сильных чувств его не покинула только ненависть: с Братством предстояло расправиться, и он уж постарается, чтобы

именно так оно и вышло. Кроме того, сосредоточившись на проблеме обнаружения и разгрома штаб-квартиры мафии, он освободился от каких бы то ни было мыслей о будущем — о будущем, которому предстояло быть бесконечно одиноким и в котором его ждала задача настолько титаническая, что это поневоле несколько страшило его...

— Боюсь, вы навлекаете на себя серьезные неприятности, — сказала Полли, когда он закрыл за ней дверцу машины. — Это могущественные люди.

— А я Бог, — возразил он.

Почувствовав, что ему не хочется продолжать этот разговор и что у нее все равно нет никаких аргументов, способных переубедить его, она завела машину.

— Будьте осторожны, — сказала она.

— В этом нет надобности, — возразил он.

Когда машина скрылась из виду, он вернулся к дому пешком, на своих ногах, но пользоваться и впредь системой передвижения ему было уже не нужно. Распространив психическую энергию на дверь, он велел ей открыться. И она открылась. В доме он подозвал к себе свои механические руки и велел им биться об стену, пока они не расплющились и не стали совершенно бесполезными. Руки ему теперь тоже были уже не нужны.

Он поплыл по лестнице на второй этаж, где в глубоком наркотическом сне дожидалась его возвращения четверка гангстеров.

Глава 11

Четверо гангстеров оставались точно там же и точно в таком же состоянии, в котором Тимоти их покинул, — они лежали на полу в нелепых позах, как дети, свалившиеся с ног от усталости после долгих забав и моментально уснувшие. Маргель сполз со своего тюльпанообразного кресла под письменный стол. Во сне все они дышали глубоко и ровно — и это означало, что им придется проспать еще как минимум пару часиков, прежде чем они полностью оправятся от наркотической дозы и смогут передвигаться, не стучаясь о стены.

Все это как нельзя лучше соответствовало планам Тимоти.

Он приблизился к Йону Маргелю и настойчивыми пальцами мысли проник ему в сознание, однако не стал овладевать его телом, как это сделал в прошлый раз. Для чтения мыслей Маргеля он прибег к уже испытанному методу визуальной метафоры дома. В бальном зале сейчас уже не танцевали, разодетые плясуны и плясуньи куда-то подевались. Там было пусто и неуютно, как это обычно случается в замусоренном помещении на утро после бурной вечеринки. Что, разумеется, объяснялось воздействием наркодротиков на мозг «крестного отца». Злобные твари по-прежнему сидели в подвале. И хотя здесь, в подсознании, не было многого из того, что содержалось в выключенном сейчас

сознании, Тимоти ожидало немало открытий и в подвале.

Уже раньше его изрядно удивило то обстоятельство, что Йон Маргель, как до того и его брат Клаус, были всего лишь марионетками, подставными фигурами, призванными играть роль «крестных отцов», не обладая при этом реальной властью. Братья висели на ниточках, которые держал в руках Внутренний совет, принимавший все мало-мальски ответственные решения. Во Внутренний совет входили Леопольд и еще шестеро, имен которых Йон Маргель даже не знал. Но удивление Тимоти сменилось истинным изумлением, когда, погружившись в подсознание Маргеля, он сделал еще более поразительное открытие: мало того, что мнимый «крестный отец» не знал имен тех, кто входит во Внутренний совет, — он не имел ни малейшего представления о том, откуда берется ПБТ!

Поначалу отказавшись в это поверить, Тимоти еще раз — и самым тщательным образом — обшарил все закоулки подсознания Маргеля, изгоняя из нор и берлог множество мерзких тварей, представлявших собой воплощения подавляемых желаний его ид и тайных фантазий эго. Ему казалось, будто при первом обыске он упустил что-то важное. Но в памяти гангстера не нашлось ничего, что могло бы приблизить к разгадке тайны.

В конце концов Тимоти, озадаченный и раздосадованный, покинул сознание Маргеля. Те-

перь его заинтересовал Леопольд — Тимоти решил проникнуть во временно отуманенный разум члена Внутреннего совета. Наверняка такой важной шишке должно быть известно, кто производит наркотик, где расположена главная лаборатория и каким именно способом синтезируется злополучное вещество.

Проанализировав особенности мышления Леопольда, Тимоти при помощи психотехники сконструировал новую визуальную метафору. Теперь он имел дело не с домом, символизовавшим обитель духа Йона Маргеля, а с гигантским тысячеэтажным небоскребом, стены которого отливали черным агатом. Эта чернота текла, пульсируя, по жилам исполинского здания. Интерьер строения представлял собой исполинский компьютерный центр, стены которого были заставлены шкафами, в которых хранились информационные базы данных. Многие миллиарды битов содержали практически все, даже самые мимолетные, факты из жизни самого Леопольда. Судя по всему, он был из людей, которые никогда ничего не забывают, что конечно же и помогло ему подняться на самый верх иерархической лестницы в такой сложной и взрывоопасной организации, как Братство.

Тимоти перебирался с этажа на этаж, обследовал файл за файлом, но хранившаяся в них информация не имела для него существенного значения. Однако на восемьдесят первом этаже уже через несколько секунд после при-

бытия сюда ему удалось обнаружить нечто интересное.

ПБТ поступал из деревенского дома в штате Айова, поблизости от небольшого городка Чартер-Оук. Этот дом, разумеется, принадлежал Братству. Тимоти узнал, что Чартер-Оук расположен на западе штата недалеко от довольно крупного города Сиукс-Сити. Больше на данную тему в памяти Леопольда ничего не хранилось. Тимоти самым тщательным образом обыскал все девятьсот девятнадцать этажей, но всякий раз, когда он приближался к интересующей его теме, сознание Леопольда начинало источать настолько сильный страх и нежелание раскрыться, что Тимоти так и не удалось добраться до сути. Но что могло быть такого в синтезе наркотика, в чем этот могущественный человек боялся открыться даже самому себе?

Тимоти забрался в базу данных, связанную с деревенским домом в Айове, и увидел его воочию: ослепительно белое, занимающее большую территорию строение, выросшее из небольшого фермерского дома, к которому из поколения в поколение, по мере того, как клан становился все больше и больше, постоянно что-нибудь пристраивали. Посреди ухоженного круглого газона росли три больших дерева (по-видимому, ивы), а вокруг во все стороны простиралось чистое поле и лишь на горизонте здесь и там угадывались очертания других домов. На крыльце у главного входа стояло крес-

ло-качалка. Обстановка дома была самой что ни на есть современной. Там проживала супружеская пара — Ричард и Тельма Боггс. Обоим слегка за тридцать, судя по образу, который сложился в сознании у Леопольда, они были, что называется, типичными провинциалами, представителями среднего класса. Мужчина был строен, худошав, мускулист, с короткими курчавыми волосами и темным загаром. В облике женщины прежде всего бросались в глаза тяжелая, как у кормящей матери, грудь и обиженно вздернутые губы, вообще она выглядела так, словно собственная жизнь вовсе не казалась ей сахаром.

Установив все это, Тимоти нырнул глубже. Он искал источник поставок ПБТ...

И сразу же ужас и отвращение проснулись в сознании Леопольда, заблокировав подходы к соответствующим воспоминаниям. Лишь смутно промелькнуло какое-то помещение на подземном этаже. Здесь витал запах чего-то сладкого и вместе с тем горького; вдыхая его, человек испытывал тошноту. Но на этом все и кончилось. Как ни старался Тимоти проникнуть еще глубже, мозг Леопольда, реагируя испуганно и раздраженно, испускал такие импульсы, вытерпеть которые было невозможно.

Тимоти подумал о том, чтобы прогуляться по подсознанию Леопольда: а вдруг там отыщется еще что-нибудь, связанное с деревенским домом? Но не смог найти дверь, ведущую из сознания в подсознание; во всяком случае, это

оказалось далеко не так просто, как в «доме» у Йона Маргеля. В ходе поисков само это обстоятельство заинтересовало Тимоти, возможно, сильнее всего: неужели он не в состоянии проникнуть в подсознание человека, сознание которого организовано настолько упорядоченно? В конце концов его заинтересовали сами шкафы, в которых хранились базы данных. Из глубины этих шкафов до его слуха донесся невнятный шум, скорее даже гудение, как будто на каком-то другом уровне здесь происходили микроремонтные работы. Проведя мысленными пальцами по внутренним стенкам шкафа, он уловил, что они подрагивают. Однако не смог установить источник этой дрожи или характер производимых работ. Запустив пальцы дальше, он сломал тонкую перемычку...

...и из трещины в эфемерном пластике наружу вырвались сотни тысяч таинственных и зловещих насекомых, похожих на гусениц. У насекомых были крошечные, но острые как бритва не то усики, не то жала. Вырвавшись на волю, они тут же вступили в смертельную схватку друг с другом. В строго организованном сознании Леопольда, где едва ли не все когда-либо случившееся с ним, узнанное или изученное было методически структурировано и разложено по полочкам, для насекомых из подсознания не оставалось иной возможности проявить себя, кроме как пожирать друг друга. Подсознание Леопольда оказалось полной противоположностью его сознанию: оно было

беспорядочно, тошнотворно, поражено гнилью и порчей, которые в несколько секунд уничтожили бы и душевное здоровье самого Тимоти, не отступи он со всей поспешностью... Можно было не сомневаться в том, что когда-нибудь собственное подсознание доведет Леопольда до безумия — и час этот вовсе не за горами.

Тимоти бежал оттуда, потрясенный и даже как будто заболевший. Он отпрянул от спящего Леопольда, словно зловещие насекомые могли вырваться из недр его разума и заполнить весь кабинет, хотя он ни на мгновение не забывал о том, что этих мелких гадин на самом деле нет, что они представляют собой всего лишь метафорическую визуализацию подсознания «крестного отца».

Тимоти решил, что ему вовсе не обязательно связывать этих людей или продлевать им сон новой порцией наркодротиков. На ферме в Айове он окажется раньше, чем они успеют проснуться и известить, кого нужно, об опасности. И даже если люди, живущие в деревенском доме, сумеют подготовиться к его визиту, у них не будет никакой возможности ему помешать. Да, разумеется, никакой... Не так-то просто, думая о себе, применять такие термины, как «всемогущество» и «неуязвимость». Но именно они точнее всего описывали нынешний статус Тимоти, и ему надо было привыкнуть к ним, если он и впрямь собирался использовать свои способности на полную мощь.

Это означало, что ему не следует пользоваться аэромобилем для полета в Чартер-Оук, поскольку он теперь обладает куда более совершенным и стремительным методом перемещения в пространстве, чем все, чего достигло человечество, развивая свои технологии. Он может телепортироваться...

На мгновение Тимоти застыл на месте, чувствуя, как у него засосало под ложечкой. Мысль о том, чтобы — пусть и всего на мгновение — превратиться в разрозненный и неупорядоченный рой молекул, была неприятна. Но чем дольше он медлил, тем больше времени у него оставалось на размышления о другом — а именно о собственном будущем и о той роли, которую ему предстоит сыграть после того, как он окончательно разберется с Братством. А думать об этом сейчас ему не хотелось. Да и едва ли захочется потом. Он сосредоточился, мысленно представил себе деревенский дом, извлеченный из сознания у Леопольда, впечатал его себе в тело. Напрягся... и исчез...

Вокруг паутиною вилась тьма, а он — огненная цепочка молекул — прокладывал себе дорогу подобно раскаленной проволоке, вонзающейся в масло...

До него доносилось какое-то пение, которое он, не обладая сейчас ушами, слышал. Это было одинокое гулкое эхо — голос девы, по-

ющей, стоя на вершине каких-то Альп — но не тех, что на Земле, Альп...

Ему было и жарко, и холодно одновременно, и он чувствовал это, не обладая кожей.

Пахло перцем и лимоном, но Тимоти подозревал, что это не столько запах, сколько иновоплощение той же самой энергии, которая нисходит к нему и в форме девического пения...

Прошли долгие века. Хотя на самом деле все длилось не дольше микросекунды...

Тимоти материализовался под низкой, похожей на плеть, ветвью одной из ив, растущих посередине отлично подстриженного газона перед домом Боггсов. Он стоял лицом к дому — конечной цели его поисков. День клонился к вечеру, и темная гладкая земля, какой она и бывает на полях Среднего Запада, совсем недавно погрузилась в те дымчатые сумерки, которые опускаются только на равнину. За ярко освещенными окнами дома, принадлежащего Братству, в гостиной суетливо двигалась какая-то гонь, но смысл этого беспорядочного движения Тимоти пока еще не мог определить.

Выйдя из своего укрытия под сенью дерева, он пересек двор, подошел к главному входу, поднялся на крыльцо. Прижавшись к стене дома, он затаился во мраке: отсюда он мог спокойно понаблюдать за тем, что происходит в гостиной. Трое мужчин сидели в

мягких креслах, обтянутых черной кожей, и о чем-то беседовали. Снующей туда и сюда тенью оказалась женщина — это была Тельма Боггс. Она подавала напитки, которые, стоя за стойкой бара, смешивал ее муж. Вместо привычного комбинезона на нем сейчас был смокинг, и в такой одежде он чувствовал себя не в своей тарелке.

Тимоти уже хотел было проникнуть в сознание кому-нибудь из троих собеседников, чтобы выудить оттуда информацию, когда услышал тихий, но отчетливый звук совершенно недвусмысленного происхождения: кто-то снял с предохранителя духовое ружье, стреляющее дротиками. Не сдвинувшись с места ни на дюйм и тем самым создав обманчивое впечатление, будто он ничего не услышал, Тимоти послал психотехнический заряд в сторону, откуда раздался характерный щелчок, и почувствовал, что вступил в контакт с каким-то лоботомированным недоумком типа Бейкера или Сикколи. Боевик сидел в кресле-качалке на крыльце, видимо, он занял свой пост, как только стемнело. Удивительно, что он до сих пор не выстрелил в Тимоти.

Соблюдая осторожность, Тимоти послал свои мысленные пальцы в мозг охранника, погрузил их в темное месиво смутных образов, со всех четырех сторон опоясывающее ослепляюще белую пустыню, уже знакомую Тимоти по мозгу Бейкера. Тимоти нашел то, что искал, нервное окончание на затылке, —

и надавил на него. Боевик вырубился, его тело продолжало раскачиваться на плетеном сиденье кресла-качалки. Ружье выпало из обмякших рук и с грохотом ударилось об пол. В тишине, царившей вокруг дома, этот звук и впрямь показался грохотом, но, по счастью, ни гости, ни хозяева ровным счетом ничего не услышали.

Чтобы снова не нарваться на какую-нибудь неожиданность, Тимоти психотехнически обследовал все угодье, в поисках других боевиков, которые, не исключено, патрулировали территорию вокруг дома. И действительно, на задворках он обнаружил часового, задача которого заключалась в том, чтобы не уходить с поста, даже если на округу обрушится ураган. Поскольку Тимоти не собирался пользоваться черным ходом, он оставил часового в покое. Третий зомби прохаживался вдоль невысокой белой ограды, которой была обнесена большая часть газона. Тимоти выждал, пока он не окажется вне поля зрения часового, а потом послал ему парализующий сигнал. Боевик скрючился и рухнул лицом вниз во влажную от вечерней росы траву.

Никаких других охранников здесь не было.

Вечер стоял прохладный, и Тимоти с удовольствием вдыхал чистый, прозрачный воздух. Строго говоря, он еще никогда не чувствовал себя так замечательно. Теперь окончательно отпал вопрос о его ущербности — наоборот, неожиданно для себя, он превратился в сверх-

человека. Нет, он думал не о том, как использовать свою силу и могущество. Ему были чужды властолюбивые амбиции. Но сознание того, что его неполноценности пришел конец, что ему теперь некого бояться, было просто восхитительно!

Тимоти вновь заинтересовался происходящим в гостиной. Он нырнул в сознание высокого седовласого человека, сидевшего в ближайшем к окну кресле. Свой бокал он держал так, будто это был талисман, способный защитить его от сглаза.

Визуальной метафорой сознания этого человека стала находящаяся в отменном порядке старинная частная библиотека, по всем стенам которой от пола до самого потолка тянулись книжные полки. Здесь имелись удобные кресла, симпатичный уголок для курения, письменный стол, несколько торшеров. За считанные секунды Тимоти ознакомился с содержанием книг, находившихся в этой библиотеке. Когда же он обнаружил книгу, которая, судя по названию, была посвящена синтезу ПБТ, выяснилось, что все слова в ней, на каждой странице, были тщательно зачеркнуты. Тимоти понял, что он столкнулся с несколько наивной попыткой забыть нечто неприятное. Он закрыл книгу, поставил ее на полку и покинул сознание седовласого.

Следующим оказался крепкий, пожалуй, даже чересчур грузный коротышка, баюкавший в руке бокал джина с тоником, словно

маленького ребенка. Тимоти нырнул в его сознание и огляделся по сторонам...

И вновь визуальная метафора оказалась связана с домом, хотя дом этого человека куда меньше походил на дворец, при помощи которого Тимоти представил сознание Йона Маргеля. Это были полупрогнившие, полуистлевшие готические развалины, в которых каждая тень и каждый шорох были, казалось, чреваты ужасом и несчастьем. В этом мозгу, по сравнению с другими, в которых уже довелось побывать Тимоти, оказалось на удивление мало мыслей, а те, что имелись, носили какой-то нереальный, параноидальный характер. Это был мозг человека, ежедневно и ежечасно ведущего войну со всем остальным миром. Когда Тимоти начал оглядываться в поисках сведений о синтезе ПБТ, готические развалины огласились душераздирающими воплями, выпускаемыми человеком, явно находящимся на грани безумия.

Примерно так же выглядел визуальный ландшафт и третьего из собеседников. Хотя ему и не в такой мере грозила шизофрения, как его товарищу по Братству, на первую же осторожную попытку выяснить источник синтеза наркотика он отреагировал вспышкой дикого ужаса. Это был уже четвертый, кого Тимоти подвергнул своеобразному «допросу» на эту тему, и каждого из них приводили в ужас даже дальние подходы к проблеме. Каждый из них отчаянно и вполне успешно боролся за то, что-

бы утопить эти знания в глубинах памяти, в подсознании.

«Черт побери, — невольно выругался Тимоти, — что же все-таки кроется в загадке синтеза мощного галлюциногена?»

Он уже собрался было проникнуть в сознание Ричарду Боггсу или его жене, как вдруг ему пришла в голову мысль опробовать на седовласом джентльмене еще один способ, о котором он не подумал во время первого «допроса». Тимоти вернулся в старинную библиотеку и прошелся вдоль книжных полок, представлявших собой визуальную метафору сознания этого человека. И почти сразу же нашел то, что искал: кнопку, вмонтированную в торец одного из стеллажей. Он нажал на кнопку, стеллаж отодвинулся, и за ним открылось потайное помещение значительно меньших размеров.

Эта часть метафоры оказалось этажеркой, на пыльных и обшарпанных полках которой стояло не больше пятидесяти томов. Книги, собранные здесь, трактовали тему сексуальных извращений, садомазохистских и суицидальных фантазий. Таким было подсознание седовласого джентльмена. Но среди этой грязной литературы стоял том, посвященный ПБТ. Тимоти потянулся за ним, открыл его и перелистал несколько пожелтевших от времени страниц. Теперь у него не было сомнений в том, что лаборатория, в которой синтезируется ПБТ, находится в подвале данного дома. Но и эта информация оказалась скуд-

ной, прерывистой и чуть ли не истерической по своему тону.

Разрушив визуальную метафору и возвратившись в реальность, Тимоти вдохнул запах свежевскопанной земли, доносившийся с соседнего поля, позволил ночному ветру омыть свое обливающееся потом тело и успокоить нервы.

Следующим шагом должно было стать временное устранение всех, кто находится в доме, с тем чтобы беспрепятственно проникнуть в лабораторию, расположенную на подземном этаже. Тимоти посмотрел на стойку бара, за которой еще недавно смешивал напитки Ричард Боггс. Для начала он решил вырубить хозяина дома и его жену, потому что они находились ближе всего к выходу из комнаты. За стойкой сейчас стояла Тельма Боггс, готовя какую-то чудовищную смесь не то из пяти, не то из шести различных спиртных напитков — однако ее муж куда-то пропал.

И в тот же миг Тимоти услышал чей-то судорожный вздох. Тимоти развернулся как раз вовремя, чтобы увидеть Боггса в проеме полуоткрытой двери, всего в паре шагов от того места, где находился он сам.

В руках у Боггса было ружье.

Дробь двадцать второго калибра взорвалась в груди у Тимоти и прошла его насквозь, забрызгав кровью белоснежную стену деревенского дома...

Глава 12

На краткий миг Тимоти показалось, будто его затягивает в глубокий омут, где царит крошечная тьма, и он безропотно и беспомощно падает в бездну, а свет у него над головой становится все слабее и слабее. Тьма окружала его со всех сторон. Растопырив несуществующие пальцы, он пытался ухватиться за что-нибудь, чтобы остановить падение. Затем его чувства превозмогли болевой шок, а его вооруженное психотехникой сознание вынырнуло на верхний уровень, где оно должно было оставаться с того самого момента, как он телепортировался на зловещую ферму.

И все же на протяжении нескольких секунд он испытывал странное облегчение при мысли о том, что ему вот-вот предстоит умереть. Более того — он приветствовал смерть как желанный исход! Смерть уничтожила бы будущее, в котором ему предстояло превратиться в бесконечно одинокое сверхсущество в мире неандертальцев. А одиночества он страшился сильнее всего на свете, страшился его всю жизнь. Но сейчас Тимоти приказал себе не думать о том, с какой легкостью он только что чуть было не капитулировал. В конце концов, и смерть означает одиночество, полное и окончательное, так что ему все равно не имело смысла уклоняться от собственного предназначения.

И хотя он превратился в нечто вроде сверхчеловека, смерть угрожала ему ничуть не в

меньшей степени, чем любому другому. Если бы Боггс выстрелил ему не в грудь, а в голову, в которой помещается его обладающий столькими удивительными дарованиями мозг...

Телепатическим пальцем он надавил на соответствующий затылочный нерв Ричарда Боггса и увидел, как хозяин дома скорчился и повалился на крыльцо, ударившись подбородком о ступеньку.

Еще одна пуля, разбив стекло, вылетела из окна и пролетела в нескольких дюймах от лица Тимоти. Это выстрелил один из находившихся в гостиной гангстеров. И хотя пуля прошла мимо, мелкие осколки стекла, словно сотня ядовитых жал, впились в тело Тимоти. Он почувствовал жгучую боль и едва не лишился чувств. Ему становилось все труднее отпихивать цепкие пальцы подсознания, заманивавшие его в беспамятство.

Он распространил свои сверхчувственные способности на гостиную дома, обрушил свой дар и на хозяйку, и на гостей, мгновенно заставив всех четверых потерять сознание. Они сползли на пол и погрузились в безмятежный сон. Стычка закончилась так же стремительно, как и разгорелась, и на ферме снова наступил покой деревенского вечера.

Тимоти нырнул в мозг лоботомированного боевика, стоявшего на посту у черного хода в дом. С тех пор как Тимоти в последний раз проявил к нему интерес, часовой не отошел и на три фута с того места, на котором находил-

ся, но сейчас, когда прогремели выстрелы, он подумывал о том, не пойти ли проверить, что происходит. На всякий случай Тимоти выключил его сознание, и он мягко повалился лицом в сырую траву. Во сне и без того пустое сознание зомби превратилось едва ли не в абсолютный вакуум.

Сейчас на ферме и на прилегающем участке не осталось никого, кто бы сумел очухаться ранее чем через час. Тимоти завис над простреленным окном: ему необходимо было успокоиться и заставить свой перенапрягшийся мозг мыслить рационально. Он проанализировал ущерб, нанесенный его телу, и обнаружил, что все не так катастрофично. Пуля не задела жизненно важные органы, хотя и прошла рядом с сердцем. Он погрузил мысленные пальцы в собственную плоть и принялся соединять разорванные мышцы, сшивая клетку с клеткой, кусочек живой материи с другим кусочком. Через десять минут на нем не осталось даже шрама...

Управившись с пулевым ранением, он удалил мелкие осколки стекла из кожи и залечил ее, добившись того, чтобы она стала здоровой и гладкой. Он обнаружил, что его одежда перепачкана кровью, и, применив психотехнику, расщепил кровавые шарики на молекулы тепловой энергии. Теперь, когда он снова был здоров, следовало приступить к выполнению главной задачи, ради которой он явился в этот дом.

Впервые за все это время Тимоти почувствовал едва заметный укол страха. Четверо мужчин кое-что знали о подвале и о том, что в нем происходит, и всех четверых это привело в такой ужас, что они стерли свои воспоминания, загнали их в подсознание с тем, чтобы поскорее забыть окончательно. А ведь это были крепкие мужики — не из тех, что шарахаются от каждого куста. При мысли о встрече с источником страха Тимоти стало не по себе.

Но времени на колебания у него не было. Он проделал весь этот путь для того, чтобы понять природу наркотика, чтобы выяснить наконец, что это за штука и как ее производят. Этот наркотик породил могущественный мафиозный клан, десятки тысяч людей стали закоренелыми наркоманами, и сотни тысяч других принимали ПБТ более или менее регулярно. Этот наркотик вывел его собственные ограниченные психотехнические способности на абсолютно новый уровень, позволив им разрушить стены его темницы и предстать во всем своем великолепии. Кроме того, ему необходимо было разобраться с этой проблемой хотя бы для того, чтобы хоть ненадолго забыть о том, что у него нет никаких планов на будущее. Да и как может сверхчеловек жить в мире простых людей, не став символом того, чье существование он сам же и отрицает. Как человеку, для которого нет ничего невозможного, найти такую задачу, чтобы, решая ее, избавиться от вечной скуки?

Тимоти вспомнил о последнем свидании с Полли, когда он помогал ей сесть в машину, которая унесла бы ее из ужасного дома в Новой Англии, принадлежащего Братству. Так вот, уже тогда ослепительная красота юной старлетки не пробудила в нем квазисексуальных желаний. Он настолько отделился от остального мира, что обыкновенная земная женщина, пусть даже обладающая поистине небесной красотой, не могла воскресить его изуродованное половое чувство. Он был обречен на одиночество.

Тимоти проплыл по воздуху над телом Ричарда Боггса, сквозь открытую парадную дверь проник в дом и очутился в гостиной, где посреди комнаты лежала на спине Тельма Боггс. Ее рот был широко открыт. Она мирно похрапывала.

Он миновал примыкающую к гостиной курительную, потом столовую и оказался на отлично оборудованной кухне, которую Тельма Боггс поддерживала отнюдь не в идеальном состоянии. В раковине Тимоти увидел стопку грязной посуды — по-настоящему грязной — с комочками объедков и застывшим жиром. Грязная сковорода стояла на плите, а по кухонному столу в беспорядке были разложены и разбросаны всевозможные предметы утвари и банки с полуфабрикатами. В углу стоял столик, заваленный письмами, рецептами, дамскими журналами; там же стояли два немытых стакана, перевернутая пепельница и каталог айовского филиала фирмы «Товары на дом», с

люжиной свисающих из него мохнатых кончиков закладок.

Он подплыл к двери, открыл ее невидимыми руками и щелкнул настенным выключателем. На потолке ярко вспыхнули лампы дневного света. Тимоти заскользил вниз по лестнице, не пользуясь ступеньками.

Опускаясь, он направил пучок психической энергии в глубину подвала. И не заметил никаких признаков ментальной активности. Его никто не ждал.

Тимоти очутился в квадратном помещении с бетонными стенами. Там было все, что нужно хорошему хозяину. У одной стены стояли два верстака. В правом углу стоял сверлильный станок, а рядом с ним — электрические камнедробилка и пресс. Рядом с одним из верстаков находился ящик со всевозможными сувенирами, в том числе и бронзовыми статуэтками, изображающими мексиканских пеонов, ведущих в поводу мулов. Они напомнили ему бронзовую статуэтку из дома Леонарда Тагастера.

Тимоти достал из ящика одну статуэтку, поднял ее, чтобы рассмотреть со всех сторон, и лениво повертел в несуществующих пальцах. Да, у Тагастера он видел точно такую же, однако сейчас Тимоти уже догадался, в чем тут фокус. Он раздвинул крепко сбитые друг с дружкой молекулы бронзы и обнаружил цилиндрическую полость, в которой оказалась спрятана маленькая фляжка, наполненная

ПБТ. Запаса в этой фляжке должно было хватить примерно на тридцать доз.

Здесь, на этих верстаках и при помощи находившихся в этой комнате инструментов, члены Братства выдалбливали фигурки изнутри, вставляли туда фляжки с наркотиком, а затем напавляли бронзу. После этого кто-нибудь приезжал и забирал сувениры, чтобы доставить их адресатам по всей стране, а может, и по всему миру. Процесс мучительный и трудоемкий, зато гарантировавший стопроцентную надежность, а рыночная цена ПБТ и сравнительно малое количество наркотика, требующееся для приготовления одной дозы, с лихвой окупали все затраты. Но главное, безопасность — а для людей из Братства безопасность имела приоритетное значение по сравнению с процентами получаемой прибыли. Они ведь прекрасно понимали, что стоит им допустить малейшую промашку — и правительство Соединенных Штатов с превеликим удовольствием отправит их всех за решетку на пожизненное заключение без права досрочного освобождения.

Этим объясняются трудности, с которыми столкнулись агенты Бюро по борьбе с наркотиками, пытаясь проследить каналы распространения ПБТ. Теперь первая загадка решена. Но способ синтеза ПБТ и природа этого вещества по-прежнему оставались тайной. И как-ва все-таки причина ужаса, охватывавшего высокопоставленных членов Братства при одной только мысли о подвале этого дома? Тимоти

перебрался в соседнюю комнату, где коробки со всевозможными сувенирными фигурками громоздились до самого потолка. Не останавливаясь здесь, он проследовал в третью комнату. В третью — и в последнюю. Это была скорее не комната, а пещера. Грязный пол. Шершавые стены. И никакого освещения, кроме того, что пробивалось из соседних помещений. Но тем не менее Тимоти почувствовал, что вплотную приблизился к разгадке...

Здесь хранился всякий хлам: сломанная сенокосилка, тележные колеса с разбитыми ободами, стопки старых газет и журналов — то есть предметы, которые люди зачастую хранят годами, сами не ведая почему. В середине комнаты прямо на полу валялась груда камней, а за ней виднелась яма, засыпанная негашеной известью. Она, должно быть, образовалась из-за многочисленных перестроек дома.

Тимоти завис над ямой и заглянул в ее крошечно-черную глубину. Используя психотехнику, он самым тщательным образом обшарил все помещение и нашел неприметный выключатель. Нажал на него — и мягкий желтоватый свет залил пещеру. И тут Тимоти понял, что наконец-то обнаружил центр производства галлюциногена.

Заглянув в яму, он понял, почему члены Братства испытывали ужас в связи с этим местом. Он не мог определить, что именно тревожит или пугает его, но отсюда веяло чем-то... сверхъестественным. Идиотское слово, конеч-

но, но как раз оно и было уместно. Тимоти невольно вздрогнул, а затем, сделав глубокий вдох, нырнул...

Шахта, в которой он очутился, уходила в глубину примерно на семьдесят футов. Она едва заметно сворачивала налево, потом — направо, но в целом шла отвесно вниз. Стены ее были сложены из массивных каменных глыб. Здесь и там в расселинах ютились летучие мыши, ослепленные внезапно вспыхнувшим светом; они тесно прижимали крылья к маленьким тельцам, как будто эти перепончатые псевдоконечности могли их защитить. По одной стене шахты были вбиты крючья, которые должны были служить лестницей тому, кто не умел передвигаться с помощью психотехники.

Добравшись до самого дна, Тимоти обнаружил, что ему предстоит пролезть сквозь внезапно сузившийся, словно горлышко бутылки, боковой туннель. Так или иначе, он протиснулся и очутился в просторной пещере, по размерам сопоставимой с бейсбольным полем. Распрямившись, он некоторое время любовался сталактитами и сталагмитами, равно как и гротескными каменными скульптурами, созданными самой природой с помощью падающей воды, как минимум, за несколько столетий. По дну пещеры бежал, петляя, ручей шириной примерно в ярд и, должно быть, глубиной в один-два фута. Ручей журчал и клокотал; эти звуки, напоминавшие детский смех, подхватывало многократное эхо, так что создавалось впечатление,

будто здесь протекают сотни ручьев. Здесь было холодно и стоял неприятных запах, вызывающий клаустрофобию вопреки размерам самой пещеры.

Тимоти устремился в дальний конец пещеры, где она уходила вниз под довольно резким углом. Там Тимоти вновь увидел вбитые в камень крючья и понял, что еще не добрался до цели, каковой бы она ни оказалась, расположенной чуть ли не в самом центре земли.

И тут он увидел...

На дне, под большим откосом, ослепительно сверкал великолепный агатово-черный металлический слиток, выглядевший так, словно его протерли и отполировали всего несколько мгновений назад. Длина слитка или, скорее, бруска составляла примерно сотню футов, и казалось, что одним концом он исчезает в самой толще скалы, словно часть какого-то гигантского космического трубопровода, вмонтированного здесь в расчете на какую-нибудь экстренную — во вселенских масштабах — ситуацию. Однако, по мере приближения к этому предмету, он все менее походил на часть трубопровода — второй конец его оставался открытым. Тимоти показалось, что огромные трубы, каждая примерно двадцати футов в поперечнике, расположенные в загадочном порядке, смутно напоминают пусковые установки ракет, хотя ничего подобного ни по размеру, ни по форме ему раньше видеть не доводилось.

Почувствовав, как в его душе нарастают растерянность и ужас, Тимоти понял, что предмет, который он сейчас осматривал, не мог быть ничем иным, кроме как частью космического корабля пришельцев, рухнувшего на землю и провалившегося в ее недра в незапамятные времена, когда еще не было людей и, соответственно, свидетелей его прибытия и падения. Предок человека был в ту пору жалким пресмыкающимся, недавно выбравшимся на сушу и отчаянно стремящимся обзавестись задними конечностями, достаточно сильными, а главное, достаточно быстрыми, чтобы унести его от всех опасностей, которые обрушивали на эту тварь немилосердные и неукротимые стихии.

Тимоти завис над корпусом инопланетного корабля, поискал вход, потому что теперь он не сомневался в том, что члены Братства черпают ПБТ именно отсюда. Наверное, ПБТ хранится в медицинской части корабля и является чем-то типа антибиотика для пришельцев, а для землян он стал сильнейшим наркотиком. В конце концов Тимоти увидел открытый круглый люк в дальней части корпуса и заглянул в непроглядную тьму.

Он долго всматривался в глубину люка, оставаясь снаружи, но так и не смог ничего разглядеть. Он поискал какой-нибудь источник света. Такового не обнаружилось.

Тимоти подождал, прислушиваясь, но в глубине огромного корабля стояла мертвая тиши-

на. Используя психотехнику, он обследовал корабль на предмет присутствия в нем гангстеров. Но и их там не было. Помедлив еще немного, он наконец отправился в глубину корабля...

Глава 13

Коридор космического корабля представлял собой узкую трубу или туннель, пола не было, стены и потолок плавно перетекали друг в друга. Стоило Тимоти всплыть в этот туннель, как стены озарились синеватым светом. Он попробовал разобраться в том, как функционирует система освещения, однако вскоре его единственный глаз начал слезиться, и Тимоти пришлось отказаться от этого занятия. Он проследовал по коридору, всматриваясь во все, что находилось или чудилось по дороге, и тревожно ожидая, что в любое мгновение может произойти нечто ужасное.

Вскоре туннель подвел Тимоти к двери, расписанной серыми и зелеными спиралями. Сначала ему показалось, будто открыть эту дверь невозможно. Однако, когда он приблизился к ней вплотную, спирали ожили, завертелись, дверь сама собой взмыла вверх, и Тимоти оказался в помещении, более или менее похожем на комнату.

Это была маленькая комната, площадью примерно пятнадцать квадратных ярдов — если

не брать в расчет того, что площади как таковой здесь не было, равно как и не было ничего похожего на углы. Помещение оказалось абсолютно круглым. Это был, судя по всему, склад космических скафандров, или даже скорее не скафандров, а крошечных «автомобильчиков», попав в один из которых человек нормального роста почувствовал бы себя ногой, вставленной в тесный башмак.

Тимоти с интересом обнаружил, что ни в одной из этих капсул не было предусмотрено пространства для нижних конечностей, хотя в остальных отношениях эти скафандры более или менее соответствовали размерам и пропорциям гуманоида. Но пожалуй, еще более загадочным было то обстоятельство, что в самих капсулах не имелось никаких приборов и инструментов, равно как и средств управления «автомобильчиком». Тимоти не обнаружил ни руля, ни пульта, ни измерительных приборов — только сиденье, похожее на блюдо или на плоскую чашку, и мягкая обивка внутренних стенок. Полное отсутствие рычагов, ручек, клавиш и кнопок, присущих любому из изобретенных человеком средств передвижения, свидетельствовало о неземном происхождении этих «автомобильчиков».

Преодолев следующий участок коридора, Тимоти очутился в просторной комнате шириной в сорок, а длиной во все восемьдесят футов. Тимоти понимал, что сейчас находится в той части космического корабля, которая засе-

ла в скале и, соответственно, не видна снаружи. Его изумило то обстоятельство, что внутреннему устройству корабля не был нанесен никакой ущерб. Он подумал, что и снаружи корабль, должно быть, ничуть не пострадал, в чем мог бы убедиться каждый, если бы сначала, разумеется, удалось разомкнуть железную хватку Земли, сжимавшую упавший в ее глубины звездолет.

И в этой комнате не оказалось никаких углов, и единственный глаз Тимоти отдыхал на множестве изящных округлостей, создававших изысканный интерьер. Здесь были кресла, кушетки и откидные лежанки — все круглой или овальной формы. Кроме того, в комнате находилось оборудование неясного назначения, тянувшееся от потолка до каждого из предметов обстановки. Обследовав механизм одного из этих устройств, Тимоти пришел к выводу, что это аналог земного кинопроектора, полного чувственного восприятия, только в сильно усовершенствованной версии. Он невольно подумал о том, какие кинопрограммы должны были развлекать пришельцев во время перелета, однако затем заставил себя отказаться от спекуляций и экстраполяций по поводу каждого из обнаруженных здесь предметов. Если он станет задерживаться на всем, что его интересует, экскурсия по космическому кораблю растянется на всю жизнь.

Он покинул «кинотеатр» и, преодолев еще один короткий отсек коридора, по обе сторо-

ны от которого виднелись двери, ведущие, судя по всему, в личные каюты космонавтов, Тимоти попал в третье большое помещение из числа связанных между собою главным коридором. И здесь он обнаружил то, ради чего и проделал весь этот нелегкий путь, — источник ПБТ.

Комната — тоже совершенно круглая — представляла собой почти полную копию той, что попалась ему первой после проникновения на корабль. Хотя здесь имелись заметные — и заслуживающие внимания — отличия. Стены, потолок и даже пол покрывали платы управления кораблем. Причем каждая плата была снабжена монитором и, судя по всему, замыкалась на центральном компьютере. Воспользовавшись психотехникой, Тимоти обследовал всю систему, напомнившую ему земные электрические и микроэлектронные схемы, и убедился в справедливости своей догадки. Во всем этом лабиринте проводов, клапанов и съемных модулей имелся проход, однако настолько прямой и узкий, что им не смогли бы воспользоваться техники, если возникнет необходимость ремонта, или сами астронавты, если им понадобится изменить курс корабля.

Тимоти приблизился к первой серии плат, на первый взгляд вмонтированных в стену, и не слишком удивился, когда она выдвинулась, а точнее, выкатилась при его приближении. В выдвинувшейся части стены появилась ниша, достаточно большая и глубокая, чтобы он сам

мог в ней поместиться. Более того, она вполне соответствовала контурам человеческого тела, хотя опять-таки, как и в случае с «автомобильчиками», пространства для ног здесь предусмотрено не было. В нише имелись пристежные ремни, которыми можно было закрепить как органический, так и неорганический груз. Приблизившись, Тимоти осмотрел участок стены, открывшийся после выдвижения съемной платы, и обнаружил рисунок с изображением множества человеческих рук с похожими на нити паутины пальцами. Эти руки держали нечто вроде скальпелей и зажимов. Тимоти напрягся, его любопытство разыгралось сильнее, чем раньше. Он открыл ближайший ящик и обнаружил там шприцы и хирургическое оборудование. Он отправился к третьему ящику в надежде, что обнаружит там то, что наконец подскажет ему разгадку всей этой системы и ее предназначения. Ящик выдвинулся — и из него на Тимоти пронзительным взглядом уставился инопланетянин...

Глава 14

Тимоти невольно ахнул и отшатнулся. И тут же заставил взять себя в руки, устыдившись собственной глупости. Спастись бегством ему не удастся — гангстерам наверняка известно, где он находится, и они постараются организовать ему достойную встречу. И если сверх-

человеческие способности откажут ему здесь, то и на земле он никогда не сможет чувствовать себя в безопасности. Если же они не откажут, то ему и вовсе не о чем беспокоиться.

Он также начал осознавать, что существо, увиденное им в нише, не может быть живым, это наверняка труп. Если бы он был живым, мир наверняка давным-давно узнал бы о пришельцах, да и члены Братства оказались бы не в состоянии эксплуатировать чудеса и диковины, хранящиеся на корабле, — их просто-напросто уничтожили бы. Это существо, труп которого покоем в нише, было при жизни наверняка не из тех, кто позволяет собой помыкать. Во всяком случае, любому наглецу, посягнувшему на его покой, не суждено было бы умереть естественной смертью.

Тимоти снова приблизился к выдвинувшемуся ящику.

Бояться было нечего.

И тем не менее он приказал себе соблюдать предельную осторожность.

Пришелец смотрел на него двумя огромными разноцветными глазами, которые нельзя было разделить на зрачок и радужную оболочку. Они были выпуклыми, как у мухи, и каждый размером с добрый кулак. Нос, строго говоря, даже больше походил на человеческий, чем носопырка самого Тимоти, хотя и обладал лишь одной ноздрей. Пришелец был тощ, и его губы казались двумя линиями, проведенными остро заточенным карандашом. В щели между этими

линиями виднелись зубы, похожие на человеческие. Строго говоря, о явно неземном происхождении этого существа свидетельствовали только глаза, тогда как все остальное, включая невероятно высокий и выпуклый лоб, можно было принять всего лишь за аномалию.

Тимоти обнаружил также, что у пришельца нет ни рук, ни ног, хотя, на его взгляд, это уж никак не являлось приметами инопланетной расы. Отсутствие развитых конечностей нельзя было объяснить ни их утратой в ходе несчастного случая, ни ампутацией, потому что тело пришельца было слишком гладким, изящным и совершенным, чтобы принадлежать калеке. С самого рождения у этого существа отсутствовали все четыре конечности — и, судя по всему, по той же самой причине, по которой они отсутствовали и у Тимоти. Эта мысль взволновала его. И он, и этот пришелец явились в мир, наделенные психотехническими способностями, делавшими наличие конечностей излишним...

Тимоти перебрал в памяти все, что он обнаружил с тех пор, как проник в космический корабль, все фрагменты мозаики, которые ему предстояло собрать воедино и исходя из которых он должен был обо всем догадаться заранее, еще до того, как получил подсказку в форме трупа пришельца. Отсутствие строго обозначенных полов (которое не могло послужить помехой существам, способным левитировать и перемещаться в пространстве с помощью пси-

хической энергии и не обладающим ногами); отсутствие пультов управления и каких бы то ни было приборов в «автомобильчиках» (к чему они расе, отказавшейся от рук в процессе эволюции и получившей возможность управлять своими кораблями и машинами при помощи психотехники?); отсутствие верхнего света и наличие круговой иллюминации, сопровождающей тебя повсюду (существа, обладающие столь сильными телепатическими способностями, наверняка не испытывают страха перед темнотой и используют свет лишь для облегчения ориентации в пространстве... хотя нет, они в состоянии «видеть» при помощи психотехники в любой тьме, значит, иллюминация смонтирована в расчете на гостей, поднимающихся на борт корабля, в расчете на разумных существ из других галактик). Тимоти столкнулся с расой, обладающей паранормальными способностями по праву рождения. Он подумал о том, далеко ли эти существа обогнали его самого.

Теперь ему стало более или менее ясно, почему члены Братства пришли в такой ужас от собственного открытия и почему они, все до единого, постарались скрыть смысл своей находки даже от самих себя. Тимоти спокойно относился к любым уродствам и отклонениям от нормы — он ведь и сам выглядел ничуть не краше, чем инопланетянин. Много лет назад он перестал смотреться в зеркало, но ему непонаслышке было известно, что такое подлинное уродство. Он помнил об этом при

каждом вдохе, набирая воздух в легкие, которые были не вполне человеческими легкими, помнил, принимая каждую порцию пищи, которую переваривал его не вполне человеческий желудок. Поэтому его не слишком напугал пришелец, поэтому он ему даже понравился. Однако люди, придающие слишком большое значение красивым лицам и стройным фигурам, наверняка должны трепетать от ужаса и омерзения при одной только мысли о целой расе, состоящей из подобных уродцев. Они неизбежно должны воспринимать эту расу как порождение и воплощение Зла и, чтобы не сойти с ума, стремились упрятать воспоминания об увиденном глубоко в подсознание.

Тимоти прикоснулся к прозрачной оболочке, в которой лежал пришелец, ощупал ее мысленными пальцами. Она показалась ему страшно холодной, хотя в самом помещении вовсе не было холодно.

Ага, значит, это морг...

Да, но если эти существа и впрямь обладали столь высокоразвитыми психотехническими возможностями, то почему этот пришелец позволил себе умереть? Почему не погрузился в глубины собственного тела и не залечил нанесенную ему рану или внезапно поразившую болезнь собственными мысленными руками? Точно так же, как сам Тимоти только что залечил тяжкое огнестрельное ранение и восстановил поврежденную плоть... Он пристально всмотрелся в тело пришельца и понял, почему тот не

смог возродить себя к жизни. На горле инопланетянина зияла страшная рана, под углом уходящая в голову. Тот, кто убил пришельца, сумел поразить его мозг. А это единственный способ умертвить существо, обладающее психотехническими способностями. К тому же делать это необходимо стремительно и совершенно неожиданно для него, иначе он сумел бы предотвратить или отклонить удар.

Тимоти подумал о том, не убили ли инопланетянина члены Братства. Но рана была слишком большой и чересчур рваной для пулевого ранения. А представить себе гангстера с чем-нибудь более мощным, чем пистолет или духовое ружье, он не мог.

Отвернувшись от ящика с телом пришельца, Тимоти окинул взглядом все помещение. Теперь ему стало куда яснее, что именно ему надо искать. Он заметил, что большая часть находящегося здесь оборудования имеет явно медицинское назначение, причем по преимуществу хирургическое. Это не вписывалось в концепцию расы, обладающей психотехническими способностями и, следовательно, умеющей самоисцеляться, не прибегая ни к каким подручным средствам. Тимоти вынужден был напомнить себе о том, что находится на корабле, принадлежащем совершенно иной цивилизации, и о том, что его собственные представления далеко не обязательно должны совпадать с правилами и обычаями инопланетян. Кроме того, логичным казалось предположение о том,

что госпиталь с хирургами-роботами был обустроен здесь для гостей с других планет, а вовсе не для обитателей корабля.

Продолжая исследовать помещение, Тимоти наткнулся на целый склад пластиковых бутылей, в которые по трубкам из нержавеющей стали сочились разноцветные жидкости. Машинально зарегистрировав это открытие, он проследовал было мимо, но тут же обернулся и стремительно вернулся к бутылкам, разволновавшись даже сильнее, чем когда набрел на труп инопланетянина. Бутылей в общей сложности было шесть, и во вторую справа капала жидкость янтарного цвета, поразительно похожая на ПБТ, который Йон Маргель столько раз вкалывал ему в вену в подвальном помещении гангстерского вертепа где-то в Новой Англии.

Тимоти подплыл к бутылки и всмотрелся в нее. На полу, под бутылку, стоял плексигласовый контейнер вроде тех, в которых крестьяне держат сидр или домашнее вино. Контейнер до половины наполнился янтарной жидкостью. Тимоти поднял его, осмотрел, обнаружил, что он изготовлен в городе Фернборсе, штат Нью-Джерси. Значит, контейнер был не из космоса. Судя по скорости, с которой натекает янтарная жидкость в бутылку, гангстеры должны наведываться сюда ежедневно, а то и дважды в день. Они выливают содержимое бутылки в контейнер, а когда он набирается полный, заменяют сам контейнер,

добытый наркотик разливают по маленьким флажкам, а те, в свою очередь, запаивают в бронзовые статуэтки, подготавливая к сбыту. И пока они всем этим занимаются, наполняется доверху следующий контейнер.

Сочетание неземной технологии и пластикового ведерка из-под сидра было едва ли не комическим. Тимоти непременно рассмеялся бы, не подумай он о Леонарде Тагастере и о многих тысячах других людей, жизнь которых погубил этот наркотик.

Что ж, ничего удивительного в том, что химикам из полицейских лабораторий никак не удастся ни синтезировать этот наркотик, ни хотя бы раскрыть тайну его химического состава. ПБТ прибыл сюда с другой планеты, может быть даже из другой галактики. Маловероятно, что в земных лабораториях когда-нибудь удастся раскрыть молекулярную структуру этого вещества. Металлы, вполне возможно, и сохраняют одинаковую структуру в различных частях Вселенной. Но органические вещества в каждом из миров, разумеется, должны быть совершенно особыми. А уж биологические формы жизни и вовсе резко различаются от земной, может быть, даже радикально. А поскольку почти со стопроцентной уверенностью можно допустить, что ПБТ синтезируется из биологического или хотя бы из вегетативного источника, в земных лабораториях, применяя привычные земные стандарты, ученые всякий раз будут наталкиваться на глухую стену.

Кожух агрегата был частично взломан, как будто члены Братства, призвав сюда экспертов, велели им обследовать механизм, по-видимому, в надежде найти способ ускорить процесс получения бесценного препарата, обогащавшего сотни и медленно убивавшего тысячи, десятки тысяч людей. Агрегат представлял собой фантастически миниатюризованную и комплицированную систему, выполняющую гораздо больше разнообразных функций, чем любой прибор, когда-либо изобретенный на Земле — включая Модуль Селективного Уничтожения, изготовленный в лаборатории психотехнического оружия. Не поддающаяся расшифровке мешанина электро- и микросхем, должно быть, отбила у представителей Братства охоту усовершенствовать всю конструкцию, потому что даже возратить снятую плату на место они не удосужились. Но, судя по тому, что знал Тимоти о Братстве, его вожаки едва ли смирились бы с поражением после первой же неудачи. Без сомнения, они пытались увеличить производство ПБТ. Но, судя по всему, случайно отступить их принудило не столько опасение вывести агрегат из строя, сколько суеверный страх. Похоже, они считают, что каждого, кто возьмет на себя дерзость вмешаться в работу машины, изготовленной существами вроде того, которое возлежит на космическом корабле в морозильной камере, ждет смерть.

В конце концов, больше искать здесь было нечего. Тимоти решил вернуться сюда позже и

самым тщательным образом обследовать агрегат с помощью психотехники. Тогда он постарается понять здесь все, что можно понять, и научиться всему, что поддается изучению. Тимоти вернулся в главный коридор.

Ему не терпелось выйти на поверхность земли и очутиться в своем доме на склоне холма, откуда он сможет связаться с федеральным Бюро по борьбе с наркотиками и ошарашить агентов своей историей. После чего он, разумеется, со страниц своей газеты поведает миру обо всем, что узнал. А уж дальше пусть всей этой мутью занимаются те, кому положено. Как ни странно, ему было безразлично даже, сумеет ли «Страна развлечений» сохранить монопольное право на освещение этой истории. Но возможность напечатать раз в жизни нечто настолько взрывоопасное наверняка доставит Джорджу Крили большее удовольствие, чем выпуск тысячи номеров, содержащих второсортные сенсации.

Но до того как покинуть космический корабль, Тимоти решил тщательно его осмотреть. В конце концов, это право первооткрывателя. Передать дело в руки соответствующих инстанций он еще успеет, а прискорбный опыт встреч с полицией подсказал ему, что поступить следует именно так.

В коридоре его, как и на пути сюда, повсюду сопровождал призрачный голубой свет, непостижимым образом испускаемый самими стенами. Тимоти показалось, будто он попал в

один из балаганов ужасов на ярмарке, — в одно из тех кошмарных местечек, за вход в которые публика платит деньги (а ведь большинство стремящихся туда зевак психически нормальны, однако им хочется быть напуганными, потому что слишком уж упорядочена и лишена малейшей доли риска их повседневная жизнь). Есть такие жуткие лабиринты, где с любой стороны и в любое мгновение на вас может наброситься враг, где завывают «привидения», где обитают «гоблины» и «гулы», конечно игрушечные — пластиковые и картонные, — но все равно довольно-таки страшные.

Еще через двадцать футов туннель закончился, упершись в глухую металлическую стену, похожую на ту, которую Тимоти увидел, когда впервые подобрался к космическому кораблю снаружи. Он поискал дверь, но таковой не нашлось. Тимоти понимал, что еще не успел сделать полный круг, хотя расстояние отсюда до люка, сквозь который он проник в звездолет, составляло добрые двести футов. С одной стороны, ему так нигде и не попались ни контрольный пульт, ни центр слежения. Конечно, с учетом психотехнических способностей пришельцев и то, и другое могло оказаться сведено к минимуму, но не отсутствовали же они вовсе! Да и в каютах экипажа, мимо которых он успел проследовать до сих пор, спальных мест хватило бы лишь для двух дюжин инопланетян. Двух дюжин. Учитывая микроминиатюризацию, на-

шедшую такое широкое применение во всех системах космического корабля, было бы просто глупо строить такой огромный звездолет в расчете на столь малое число астронавтов. В одном только «кинотеатре» их могла разместиться добрая сотня. Так что, хотя все и выглядело так, будто он уперся в тупик, на самом деле это был никакой не тупик. Это был барьер, преграда, ложный конец, призванный отпугнуть любого, кто пожелал бы проникнуть в самое сердце корабля.

Гангстеры, судя по всему, пришли к аналогичным выводам: они предприняли несколько попыток пробиться через барьер, преграждавший им доступ ко всем чудесам, которые наверняка еще должны были найтись на космическом корабле. Мощная электродрель валялась здесь на полу, рядом с нею — несколько сломанных сверл. Тимоти увидел, техники Братства воспользовались и промышленным алмазом, но толку от него оказалось не больше, чем от сверл из легированной стали. Здесь же находился и робот, используемый на тяжелых работах, ручные механизмы которого сейчас бессильно болтались. Должно быть, робот применил максимальное или даже запредельное усилие — и сверло сломалось, причем сила противодействия была такова, что она испортила и надежный ручной механизм умной машины. Второго робота, который вместо обычной дрели использовал лазерную, буквально разорвало на части раз-

мером не больше человеческой ладони каждая и раскидало по всему коридору, а это означало, что в результате чрезмерных усилий энергия лазера, не нашедшая выхода, привела к мощному взрыву.

Но на стене от всех этих стараний не появилось и царапины. Как будто о нее билась не совершенная человеческая техника, а жалкая мошкара. С нею равным счетом ничего не произошло.

Но у гангстеров не было и в помине той техники, которой обладал Тимоти, — не было мысленных пальцев, умеющих впиваться, отрывать и раздирать на куски.

И вот он применил эти не существующие в природе пальцы с тою же непринужденностью, с какой он совсем недавно пользовался механическими руками. Протиснул их в зазоры между молекулами безукоризненно гладкой металлической стены.

Удостоверившись в том, что он сумел правильно определить атомарное строение вещества, с которым имел дело, Тимоти перепрограммировал решетки молекул с тем, чтобы возникшее перед ним с виду непреодолимое препятствие просто-напросто рассыпалось во прах.

И вдруг произошел взрыв — но взорвалась не стена, взорвалось его собственное тело, взорвалось, превратившись в ослепительный шар белого пламени, а затем разлетевшись на тысячи сочащихся кровью лоскутьев...

Глава 15

На него нахлынула тьма. нахлынула, поглощающая малейшие признаки света, малейшие признаки жизни.

Возникло ощущение падения и осознание того, что этому падению никогда не будет конца. В бездне, в которую он проваливался, не было дна, ибо название этой бездны — вечность.

Он попробовал дышать, но здесь не было воздуха. Точно так же, как не было звука, света, красок, запахов или осязательных ощущений. А было только ничто. Сплошное ничто...

Затем он собрал разорванные части себя воедино, оперся на мысленные ноги, оттолкнулся от стены. Свернул за угол, изрядно стукнувшись головой обо что-то твердое. Боль, испытанная при ударе, обрадовала его, потому что она служила доказательством того, что он все еще жив и его тело функционирует. Он посмотрел на себя, удивляясь тому, что способен видеть, и обнаружил, что остался точно таким же, как прежде. Чудовищный нырок в смерть, столь непостижимо реальный, что он просто не мог оказаться иллюзией, тем не менее, судя по всему, оказался именно иллюзией.

Его подмывало ощупать себя мысленными руками — и он испустил вздох облегчения, обнаружив, что его жалкое тело мутанта ничуть не пострадало. Он любил жизнь, невзирая на все страдания, которые ему доводилось пре-

терпевать, и на все ограничения, обусловленные его уродством. Но сейчас, пережив смертный миг, испытав микросекундный спазм, растянувшийся, казалось, на целую вечность, без оглядки на реальное время, он почувствовал, что дорожит жизнью сильнее, чем когда-либо.

Теперь Тимоти понял, почему в своих попытках преодолеть барьер гангстеры прибегли к помощи роботов. Импульсы умирания, исходящие от металлической стены всякий раз, когда к ней прикасаешься, должны были свести с ума человека из плоти и крови.

Обеспечивая неприкосновенность своего жилища, пришельцы со звезд вмонтировали в стену своего рода сигнальную систему. Или, скорее, речь должна идти не о сигнальной системе, а о предупредительной. Причем предупреждение было адресовано, разумеется, не исконным обитателям корабля, а нежеланным гостям, которым вздумалось бы потревожить их покой. Это была демонстрация мощи пришельцев. В стене имелся своего рода передатчик, нацеленный на подсознание бесцеремонного гостя; как только целостности и неприкосновенности стены возникала угроза, передатчик нащупывал в мозгу у «взломщика» центры страха и активизировал самый главный из них — страх смерти.

Во всем этом малоприятном происшествии имелась лишь одна положительная сторона: теперь Тимоти знал, что пришельцы, пусть и при-

бывшие из другого и не похожего на Землю мира, обладали фундаментальными страхами, сходными с человеческими. Если, конечно, в представителях разных рас этот передатчик не будил принципиально разные страхи. Откуда же знать, что именно может показаться самым страшным представителю другой цивилизации, пришельцу с другой планеты?

Оптимизм Тимоти, связанный с неожиданно открывшимся сходством между землянами и пришельцами, уменьшился, когда он подумал о том, что сигнально-предупредительная система могла быть встроена инопланетянами в металлическую стену уже после того, как им удалось проанализировать человеческий мозг. Да ведь и впрямь сравнение в муках обретающего себя человеческого интеллекта с разумом тех, кто с легкостью путешествует из одного созвездия в другое, было равнозначно сравнению мыслительных возможностей среднего человека с разумом самого Тимоти — причем взятым в его нынешнем состоянии, когда его психотехнические способности раскрылись в полной мере. Что ж, почти наверняка именно так все и было. Они вмонтировали предупреждающую систему, предварительно изучив человеческий мозг. Но когда это произошло? Десять лет назад? Сто лет назад? Десять тысяч лет назад?

Он еще раз прикоснулся к металлической поверхности стены мысленными пальцами, вливая в молекулы, ее образующие, свою силу.

Возможно, проблема заключалась в том, что его натиск оказался недостаточно стремительным — и вследствие этого он угодил в ловушку, устроенную инопланетянами для людей, в интеллектуальном отношении неизмеримо менее продвинутых. Ведь пришельцы не могли исходить из предположения, что им придется столкнуться с разумом, наделенным психотехническими способностями и в этом отношении напоминающим их собственный, и что именно такой разум вознамерится разрушить воздвигнутую ими стену.

Тимоти вложил еще большую силу в мысленные пальцы, раздвигая плотно жмушиеся друг к другу молекулы.

Сила скопилась в стене, ожидая, пока он придумает для нее какое-нибудь применение.

Он собрался с духом. Ему было страшно.

Предельно сконцентрировавшись, он послал всю свою психотехническую мощь разом, стремясь разорвать стену в клочья...

...И отшатнулся, почувствовав, как в его тело вонзилась дюжина острых и изогнутых наколечников, выскочивших из стены и впившихся в его беззащитную плоть.

Кровь брызнула множеством фонтанчиков, она залила потолок, потекла по стенам, а наконечники меж тем прошли его насквозь, и он заскользил, заскользил, заскользил, погружаясь в чернильную тьму. И почему-то ему казалось, что это скольжение растянется на несколько миллионов лет...

Когда видение схлынуло, Тимоти обнаружил, что его скрючило пополам от невыносимой боли в животе — боль была одновременно и физической, и психической, — он просто-напросто умирал. Сигнально-предупреждающая система сработала куда стремительней, чем его собственная психотехника, наглядно продемонстрировав тем самым, что стену невозможно взять силой. Воображаемые угрозы, испускаемые стеной, и впрямь могли бы убить его, продолжай он упорствовать и далее. А если он — даже на короткое время — сойдет с ума, то навряд ли сможет в таком состоянии заняться самоисцелением. Если уж пришельцам удастся взять под контроль его разум, то точно так же они могут распорядиться и его психотехническими способностями.

Тимоти подплыл поближе к металлической стене и поискал какой-нибудь переключатель, позволяющий поднять ее или сдвинуть в сторону, заранее зная, что ничего подобного, разумеется, не найдет. Перед ним была не запертая на хитрый замок дверь, а сплошная и крепкая стена.

Однако он и не подумал о том, чтобы повернуть назад и возвратиться в свой дом на склоне холма. Нет, об этом сейчас не может быть и речи! Теперь, когда он раскрыл источник ПБТ и тем самым разрушил власть Братства над всем преступным миром и над десятками тысяч приверженцев янтарно-желтого наркотика, ему необходимо было поставить перед собой новую

задачу, более сложную и еще более интересную. Если ему не удастся ответить на вызов, бросаемый неприступной стеной, то ему придется проститься с иллюзиями относительно своей обретенной мощи. Если до сих пор в мире нормальных людей он был всего лишь уродцем, то теперь он окажется не сверхчеловеком, а сверхуродцем. В структуру современного общества он теперь не мог бы вписаться ни за что, не мог бы категорически. Это было совершенно исключено.

До недавнего времени жизнь представляла собой лихорадочную гонку, главным призом в которой было определенное признание со стороны окружающих, ну еще, может быть, дружба с несколькими нормальными людьми (тогда как единственным настоящим другом оставался Леонард Тагастер). «Страна развлечений» давала ему возможность общаться с замечательными людьми — знаменитыми, талантливыми, богатыми. Пусть не в первый, но во второй эшелон высшего общества Тимоти удалось проникнуть. А сейчас он завершил некий цикл и покинул ставший ему родным мир, покинул раз и навсегда, на этот счет не было никаких сомнений. И следовательно, остался в одиночестве.

Тимоти знал, что есть еще один способ попытаться проникнуть за неприступную стену. И хотя замысел этот был опасен, он, в чисто психологическом плане, грозил не столь страшными последствиями, как капитуляция

перед продуктом инопланетной культуры и возвращение во внешний мир. И этот способ был прост и очевиден: телепортироваться через стену...

Проблема заключалась в том, что он имел лишь самое смутное представление о том, что его может ждать за стеной. Картина была недостаточно ясной для того, чтобы собрать ее в единую точку в пространственно-временном континууме. В результате у него не было никаких гарантий того, что, телепортировавшись, он окажется именно там, куда стремится попасть. Не исключено, что он затеряется в молекулярной структуре стены и его собственные молекулы навсегда останутся среди молекул вещества, из которого она изготовлена. Мысль об этом была не слишком приятной — особенно если это произойдет, а он сохранит сознание, как это уже случилось в ходе первой телепортации...

Телепортируясь на ферму в Айове из Новой Англии, он тоже не знал ее точных координат. Ему было известно, как выглядит деревенский дом, и он знал, что тот расположен неподалеку от города Чартер-Оук, и не более того. Возможно, абсолютно точное знание маршрута не является при телепортации чем-то обязательным. Так что прочь все сомнения, только вперед!

Тимоти снова вернулся к стене, тщательно осмотрел ее, попытался наладить нечто вроде рентгеновского излучения, только на психи-

ческом уровне, чтобы получше разглядеть скрывающиеся за стеной помещения.

Тимоти набрал полные легкие воздуха: он показался ему куда холодней, чем всего пару мгновений назад.

И телепортировался...

Время, проведенное в ходе нуль-транспортировки, практически ничем не отличалось от того, которое потребовалось на куда более длинное путешествие в Айову из Новой Англии. Да и контуры призрачной несуществующей вселенной, которую он пересек, были точно такими же, как в тот раз: тьма, безмолвное пение, жар и холод одновременно...

И вот он уже стоял в святой святых огромного космического корабля, преодолев неприступный барьер, воздвигнутый именно затем, чтобы остановить его. На мгновение он возликовал, почувствовав себя существом высшего порядка, но это ощущение тут же прошло, стоило ему оглядеться по сторонам в только что взятой приступом крепости. Он очутился на противоположном конце звездолета, в маленькой комнате, представлявшей собой самый маленький из всех мыслимых пост слежения. Здесь не было ни приборов, ни специального оборудования. Всего-навсего три кресла-вертушки. Ему пришлось пройти из этой рубки назад, в сторону неприступной стены, чтобы увидеть, как выглядят остальные отсеки.

Тимоти дал разгуляться своему любопытству, отбросив все тревожные думы о своем

будущем и о месте, которое ему придется занять в этом будущем.

Когда он скользнул в люк, ведущий из носовой рубки в коридор, откуда открывался путь в следующие отсеки, ему послышался голос инопланетянина, не голос, а шепот: так шелестит песок, осыпавшийся на белоснежный мрамор...

Глава 16

— ...дель эсседа эсседа эсседа... кваль ми о эсседа... эсседа...

Тимоти резко остановился. Подавленный было страх снова всплыл на поверхность, когда в туннеле послышался этот тихий бесстрастный голос. Обернувшись, он оглядел помещение, которое только что покинул. Там вроде бы ничего и никого не было, хотя в такой тьме трудно было судить об этом наверняка. Применяв психотехнику, он тщательно обыскал пост слежения на предмет хоть малейшего признака жизни, отзвука мыслей и чувств, который непременно должен исходить даже от самого чужеродного разума. Но ничего не смог обнаружить.

Вновь устремившись вперед и продолжая поиски, Тимоти вдруг сообразил, что только что прозвучавшие слова не были произнесены вслух, что они прозвучали у него в мозгу, причем даже не вербализуясь. А это означало, что говоривший пользуется телепатичес-

кой связью и вовсе не обязательно должен находиться где-то поблизости.

Пару минут Тимоти простоял неподвижно, ожидая, не повторятся ли только что произнесенные слова снова. Но вокруг царило безмолвие. Кроме того, у него возникло неприятное ощущение, будто за ним наблюдают. Он решил продолжить путь. Но стоило ему начать двигаться вдоль по туннелю, как опять зазвучал тот же самый шепот:

— ...сейси дель эссед а эссед а эссед а... кваль ми о...

Тимоти остановился — и шепот тут же замер. Не без облегчения Тимоти обнаружил, что у него не отсох язык, и ему хватило сил произнести:

— Я вас не понимаю.

Он и не подумал о том, чтобы передать эту фразу телепатически, как это делал тот, другой. Он еще не успел привыкнуть к своим новым способностям. Над возможностью телепатической связи он раньше даже никогда не задумывался и сейчас был поражен тем, что это оказалось так просто.

Еще одна минута прошла в полной тишине. Потом еще одна. В конце концов, когда терпение Тимоти было уже исчерпано и он решил продолжить путь, чтобы выяснить, нет ли чего-нибудь интересного в следующих отсеках, тот же самый тихий эфемерный шепот послышался вновь. На этот раз говоривший воспользовался английским:

— Я думал, ты один из нас.

Хотя это говорилось теперь по-английски, голос звучал по-прежнему призрачно и как будто сдавленно, словно его владелец страдал заболеванием голосовых связок.

— Нет, — ответил Тимоти. — Нет.

И на какое-то жуткое мгновение ему почудилось, будто силы вот-вот покинут его и он окажется способен лишь на бессмысленный и безумный лепет вроде того, каким изъясняются дебилы дети. И произойти это должно было в такое историческое мгновение, во время первой встречи человека с представителем внеземной цивилизации! К нему вернулось вроде бы навсегда забытое ощущение собственной неполноценности. Таким неуверенным и беспомощным он не чувствовал себя с тех пор, как покинул приют и прожил первый год за его стенами. Но все же ему удалось выдавить из себя несколько слов — с трудом, но все же вполне осмысленно. Философствовать он сейчас был не в состоянии, однако несколько разумных слов ему произнести удалось.

— Я из этого мира. А не из вашего.

— Как ты сюда вошел?

— Телепортация, — ответил Тимоти. И это заявление несколько подбодрило его самого. — Той же дорогой, которой вы сами. Из хвоста корабля сюда.

— Тебе известно о нас?

Это прозвучало не то как вопрос, не то как констатация факта. Тимоти ответил:

— Кое-что. Совсем немногое.

— Как?

— Методом умозаключений, — ответил он.

Тимоти перечислил все, что обнаружил и подметил с тех пор, как взошел на борт корабля. Он говорил быстро, стараясь не наскучить дематериализованному голосу рассказом о деталях, которые могли бы показаться тому неприятными. Встреча представителей двух рас, двух миров, двух различных солнечных систем из далеко отстоящих друг от друга созвездий должна была запомниться обоим как триумф и чудо. А вовсе не скукой.

Тимоти почувствовал, что вспотел. Ему показалось, будто он вышел на подмостки перед огромной аудиторией. И хотя из-за ослепительных огней рампы не видно лиц, он знает, что послушать его собрались многие тысячи.

— Ты говоришь о Братстве, — послышалось в ответ. Эфемерный шепот выхватил из потока информации, предоставленной мутантом, именно это слово. — Пожалуйста, объясни.

Тимоти рассказал об иерархической структуре подпольной организации, кратко описал ее деятельность. Конечно, он не был уверен в том, что все его слова доходят до его собеседника, а если и доходят, то способствуют вящей славе человеческого рода. Он старался говорить подробно и внятно скорее из страха перед тем, что, стоит ему замолчать хотя бы на мгновение, пришелец придет к выводу, что узнал уже все, что нужно, и отправит самого

Тимоти восвояси, так и не удовлетворив его собственного любопытства. А может, даже и уничтожит. Этого и следовало ожидать в первую очередь, ведь именно так обычно вели себя пришельцы, судя по научно-фантастической литературе. И Тимоти с удивлением отметил, что предпочел бы смерть от руки инопланетянина бесцеремонному выпроваживанию с борта космического корабля...

Когда он закончил свой рассказ, в разговоре вновь возникла пауза.

— А этот ПБТ, о котором ты рассказал... Откуда взялось такое название?

— Это сокращение. Оно означает: Путешествие Беспредельного Типа. Так окрестили наркотик, когда выяснилось, что у него нет химической формулы... то есть что нам неизвестна химическая формула, по которой его можно было бы назвать.

Теперь Тимоти решил, что настало самое время, не дожидаясь очередного вопроса со стороны пришельца, в свою очередь спросить его кое о чем. Надо же поставить ситуацию хотя бы под частичный контроль человека. Вот он и спросил:

— А что это за наркотик? Из чего его делают?

— Это не наркотик, — зашептали ему в ответ. — Это... плазма... это кровь. Это кровь одной из шести рас Внутренней Галактики, не обладающей телепатическими способностями. Это разумные существа, но сверхчувственное восприятие у них отсутствует. В медицинской

части постоянно содержится значительный запас крови на случай внезапной болезни кого-нибудь из наших гостей. Ее производят наши биомшины.

Тимоти попытался представить себе расу, столь отличающуюся от земной, что ее кровь становится для человека сильным наркотиком и галлюциногеном. Ему хотелось спросить у пришельца, как выглядят эти существа, но воздержался, решив, что такой вопрос свидетельствовал бы лишь о чисто ребяческом любопытстве, тогда как на самом деле следует спрашивать о вещах куда более важных.

— А откуда ты говоришь? — спросил он. — Я тебя не вижу.

Ему не терпелось встретиться с инопланетянином лицом к лицу, увидеть, каков тот, как передвигается, какая у него мимика в ходе разговора, не терпелось узнать тысячу других мелочей.

— Я у себя в боксе. Иди в следующий отсек и меня увидишь. Мы все там.

Тимоти проследовал по коридору и очутился в просторном помещении, размерами ничуть не уступающем «кинотеатру» в хвостовой части корабля. Здесь к свисавшим с потолка медным жгутам толщиной в человеческий палец были прикреплены капсулы из дымчато-зеленого материала. В этих капсулах находились тела примерно двухсот инопланетян, казавшихся жучками, застывшими в янтаре; невидящими глазами пришельцы смотрели в пустоту. Они были не-

подвижны, но ни в коем случае не мертвы. Вне всякого сомнения, эти существа были полны жизни, потому что на их лицах читалось вовсе не умиротворение, а гамма самых разнообразных чувств: страх, волнение и облегчение. Их собрат, находившийся в другой части корабля, был однозначно мертв. А эти — нет.

— А мертвец в нише? — спросил, вспомнив о нем, Тимоти. — Что случилось с ним?

— Чуть больше тысячи лет назад мы вышли поглядеть на ваш мир и проверить, сильно ли он изменился за миллион с четвертью лет, прошедших с тех пор, как мы сюда прибыли. Его убили стрелой, выпущенной из лука. Рана слишком глубока, чтобы вылечить ее с помощью психотехники. Мы поняли, что обитатели этой планеты уже обладают разумом, однако им предстоит развиваться на протяжении нескольких тысячелетий, прежде чем они окажутся способны войти с нами в контакт, мы вернулись в свои боксы и принялись ждать. Нам нужна была помощь, чтобы вызволить и починить этот звездолет.

— Выходит, если не считать этого краткого выхода на поверхность, вы провели на корабле в заточении больше миллиона лет?

Это было невозможно даже представить, и Тимоти невольно почувствовал слабость и страх.

— Не совсем так. Мы заморозили свои тела, но вовсе не свое сознание. Мы поддерживаем тесную духовную связь с мирами, из которых

прибыли, с теми, кого мы любим. Наши супруги, наши родные и близкие, наши друзья — все они, разумеется, давным-давно умерли. Прожили отпущенные нам восемь тысяч лет и умерли. Но мы общаемся со своими потомками; род каждого из нас продолжается в одном из наших миров. Мы поочередно приглядываем за святилищами нашего корабля. Жизнь, знаешь ли, это нечто большее, чем наличие тела с возобновляющимся метаболизмом.

Разумеется, сам Тимоти именно так всегда и думал. Да он просто не выжил бы, если бы вздумал приравнять жизнь к самодовольству и спеси мускулистого самца.

— Но сейчас мы уже можем выйти из боксов? Твои современники помогут нам?

— Нет, — резко возразил Тимоти, осознавая, насколько безжалостным покажется его ответ существу, находящемуся в боксе, проводящему в бессмысленном ожидании столь невообразимо долгое время.

— Объясни!

— Я единственный обладаю психотехническими возможностями, о которых вы говорите. — Тимоти рассказал о том, как появился на свет благодаря безумной идее о создании психотехнического оружия, о том, что расширение его телепатических способностей стало возможным лишь после того, как ему были сделаны инъекции крови инопланетян. — И сейчас я не сомневаюсь в том, что лишь мои латентные и ограниченные психотехнические

способности позволили мне в ходе неожиданной химической реакции набрать такую мощь. Это не имеет никакого отношения к тому, как реагируют на такие инъекции представители моей расы, да и любой земной расы. Всем остальным это сулит лишь зависимость от наркотика, а затем — неминуемую смерть. Вам придется объяснить мне, как остановить процессы распада, как изготовить противоядие, способное уберечь моих соплеменников-наркоманов от гибели.

— Позволь просканировать твоё сознание! Я прошу об этой чести только потому, что хочу получить доступ к первоосновам твоей расы, к ее биологическим первоосновам, с тем чтобы определить, какое именно влияние оказывает инъецируемая кровь наших братьев на ваш организм. Это проще, чем задавать бесчисленные вопросы и получать на них ответы, и скорее приведет к желаемым результатам. Но если ты не хочешь нарушать неприкосновенность своего сознания, я тебя пойму. Однако уверяю тебя, что просканирую лишь то, что имеет отношение к поставленной тобой проблеме.

Поскольку пришелец наверняка мог бы просканировать сознание Тимоти без его согласия и даже без его ведома, он решил, что причины хитрить у инопланетянина просто нет.

— Я согласен, — сказал Тимоти.

Он ничего не почувствовал, когда незримые пальцы опустились в сокровищницу его

познаний, хотя и подумал о том, какого сорта визуальную метафору придется изобрести пришельцу, чтобы прочесть мысли самого Тимоти. И как, интересно, выглядит визуальная метафора его подсознания? Его абсолютно не беспокоило то обстоятельство, что инопланетянин узнает сейчас всю историю его жизни. Тем не менее он испытал явное облегчение, когда голос произнес:

— Я удовлетворен.

— И что же вы нашли?

— Полная абстиненция, — ответил пришелец.

— Но это крайне мучительно! Утверждают, что закоренелого наркомана полная абстиненция может просто убить.

— Это лучший метод и в то же самое время самый надежный. Медикаментов, способных разрушить зависимость, не существует, потому что земные химические соединения не смогут обеспечить такого эффекта, а мы не разработали подобного «противоядия», поскольку у нас не было для этого причины. ПБТ, как вы его называете, воздействует на красные шарики человеческой крови. И каждый соответствующий «шарик» плазмы наших собратьев «оседлывает» и «завоевывает» красный кровяной шарик землянина. Когда человек встанет на путь абстиненции, «оседланные» шарики постепенно будут удалены из организма в ходе нормального обновления крови. «Оседланные» шарики не остаются в организме и не размножаются.

— Так что, отрезав Братство от источника поставок, мы, в чисто теоретическом плане, решим проблему.

— Почему чисто в теоретическом? Решите фактически.

И пока пришелец продолжал уверять его в том, что дело обстоит именно так, Тимоти понял, что настал момент, которого он так боялся. Он решил первоочередную задачу и должен теперь позаботиться о собственном будущем, решить, каким же оно будет. Как ему жить в мире, чувствуя свое бесконечное превосходство надо всеми людьми вместе и каждым человеком в отдельности? Вне всякого сомнения, он обречен на абсолютное одиночество, ему нечего рассчитывать на дружбу даже с умнейшими людьми типа Леонарда Тагастера. Вся человеческая история доказывает, что люди испытывают презрение, сплошь и рядом перерастающее в лютую ненависть, ко всем, кто отличается от других, ко всем, кто не вписывается в рамки установленной (кем?) нормы, касается ли это покроя одежды, длины волос, манеры выражать свои мысли, политических убеждений или физической полноценности. Поэтому нетрудно представить, с какой силой возненавидят они сверхчеловека. Потому что в основе своей ненависть рядового человека ко всякому, кто от него отличается, можно объяснить крайне просто. Рядовой человек ненавидит любого, кто вступил в бой с пресловутыми ограничениями, авторитетами, традициями — кто вступил в бой с

ними и одержал в этом бою победу. И человеку толпы наличие людей выдающихся внушает мысль о собственной незначительности, собственной ничтожности, собственной недостойности. Поэтому реакцией на поведение сверхчеловека, который не только не придерживается правил конформизма, но и может мановением руки их разрушить, станет ненависть слепая и беспощадная.

А раз так, то какая же задача из всех, имеющих на земле, окажется достойной того, чтобы сверхчеловек занялся ее разрешением? Если для психотехники нет ничего невозможного, то это значит, что для него не может найтись дела, по-настоящему интересного. А человеку для полноценной жизни необходима какая-то мотивация, какая-то цель. Иначе он загнивает.

Поскорее, чтобы не заплутать окончательно в лабиринте подстерегающих его со всех сторон проблем, Тимоти спросил:

— А можно мне вернуться и поговорить с вами еще раз, когда я управлюсь с Братством? Я никому не расскажу о вашем присутствии здесь. Если понадобится, я куплю эту ферму и сохраню все связанное с космическим кораблем в секрете.

— Ты уклоняешься от решения, — прошептали ему в ответ сразу несколько голосов, и в этих словах Тимоти почудились обвинительные нотки.

— Не понимаю, о чем вы.

— Прекрасно понимаешь. Ты должен принять решение, стоит ли тебе возвращаться в мир, который тебе хорошо известен, в тот самый мир, где ты окажешься еще большим вырождением, чем раньше. В этом мире физическое уродство превращает человека в изгоя. Но, так сказать, умственное уродство — идет ли речь об отклонениях со знаком минус или об отклонениях со знаком плюс — вызывает точно такое же отвращение, только еще более страстное и еще более мучительное для того, кого все остальные рассматривают в качестве нежелательного элемента.

Тимоти согласно кивнул. Он уже и сам пришел к точно такому же выводу некоторое время назад, пришел к нему даже раньше, чем инъекции ПБТ позволили в полной мере раскрыться его телепатическим способностям. Умственно неполноценные люди становятся всеобщим посмешищем, их запирают в клетушки на подвальных этажах психиатрических лечебниц. Общество игнорирует их, поворачивается к ним спиной. Правда, их уже не сжигают на кострах, как это имело место в былые столетия. Но еще хуже приходится тем, кто достиг высших степеней гениальности, — их презирает толпа, стремясь если не опровергнуть, так хотя бы осмеять их поступки и высказывания при каждом удобном случае. Всегда и всюду торжествует посредственность. Тот, кто оказывается ниже средней черты, вызывает у тяготеющего к норме большинства только презрение. Но тот, кто выше

черты, становится мишенью ревнивого гнева и несправедливых обвинений. Конечно, это дико, оскорбительно, но тем не менее дело обстоит именно так. И против этого он бессилен. Он, со всеми своими экстраординарными и сверхчувственными способностями, бессилен изменить умонстроения всего человеческого общества.

И когда его мозг признал правоту слов, сказанных пришельцем, он обратился мыслями к другим темам и внезапно вспомнил о нескольких словах инопланетянина, которым поначалу не придавал особенного значения: «...стоит ли тебе возвращаться...» Возвращаться или не возвращаться. Здесь подразумевался выбор. Выходит, он мог или вернуться в мир, или остаться на корабле за неприступной стеной.

А почему бы и нет?

А почему, собственно говоря, и нет?..

Тимоти чуть не рассмеялся, услышав эту лаконичную подсказку шепотом. А действительно, почему бы и нет? Но инопланетянин превратил этот выбор в простую альтернативу между черным и белым, тогда как на самом деле существует огромное количество промежуточных и переходных цветов и оттенков! Должен ли человек уходить из мира из-за страха, что в этом мире ему придется трудно? Должен ли человек изменить всему людскому племени, изменить природе собственной души только потому, что это избавит его от значительной части страданий, которые неизбежно ожидают его, если он за-

хочет жить по-прежнему? Следует ли человеку отказаться от привычной роскоши и уюта, на создание которых ушли годы, ради чисто эзотерических и антиматериальных духовных радостей, которые он может обрести взамен? Следует ли человеку проститься с тем, что для него прозрачно и понятно, ради погружения в неизведанное?

Да! Он даже немного испугался, почувствовал, как твердо и осознанно прозвучал его беззвучный ответ на поставленный вопрос. Да, человеку следует уйти из мира, в котором его ждут неисчислимые мучения, даже если природа этих мучений заключена в несовершенстве мира, а вовсе не в его собственном. Да, ему следует отвернуться от человеческого племени, отказаться от всего наследия своей цивилизации, если у него не осталось душевного покоя. Отказаться от всего имущества, от общественного статуса в обмен на нечто нематериальное, если радость сулит ему именно последнее, а вовсе не первое. Да, человек должен ступить на эту тропу, таинственную и пугающую, потому что только так можно испытать удовлетворение от самого себя и от своего личного мира, который он вокруг себя выстроит.

— А вы меня примете? — спросил он.

— Для нас это было бы совсем не трудно. Нам доводилось принимать в свои ряды представителей других рас. Возможно, это тебе будет трудно принять нас. Придется изучить и полюбить наши обычаи, наш язык, базовые ка-

тегории нашего мышления, которые резко отличаются от твоих. Для тебя это будет куда труднее, чем оказалось для меня постигнуть твой язык и свойства вашей культуры. Наша культура неизмеримо более сложна. Может случиться и так, что, соприкоснувшись с ее сложностью, ты сойдешь с ума.

— Но зачем вы принимаете меня? Для чего я вам нужен?

— У нас есть пустые боксы. Ты первый представитель своей расы, у которого развились телепатические способности. Когда придет пора нам встретиться с другими представителями твоей расы, ты послужишь великолепным посредником. Ну, а если посмотреть с другой стороны, то какие могут быть причины не принимать тебя?

Тимоти окинул взглядом сотни подвешенных под потолок капсул, едва заметно покачивающихся на медных жгутах, подобно карусельным лошадкам на деревенской ярмарке. Перспектива провести долгие века в одной из этих капсул не пугала и не отталкивала его, ведь мозг на протяжении всего этого времени будет функционировать в некоем бесконечно далеком и абсолютно нечеловеческом мире.

— Мне бы это понравилось, — сказал он.

— Но есть вещи, о которых тебе следует позаботиться.

— Да, — ответил Тимоти. — Братство. Газета. Но времени у меня на это уйдет немного.

— К твоему возвращению все уже будет готово к твоей инкапсуляции, — сказал инопланетянин.

Зеленоватые капсулы, слабо подсвеченные изнутри, слегка раскачивались: влево — вправо.

— Я скоро. До встречи, — сказал Тимоти.

Когда в ответ не раздалось ни слова, он закрыл глаза и сконцентрировался, готовясь к прыжку в несуществующий континуум, в котором происходит телепортация. Он представил себе деревенский дом, принадлежащий Братству, представил себе темную землю поля вокруг.

И телепортировался.

Ему предстояло еще совершить немало дел на Земле...

Глава 17

Тимоти обнаружил, что стоит под той же самой ивой, что и в первый миг своего прибытия на ферму, когда он телепортировался сюда из гангстерского гнезда в Новой Англии, хотя и не прилагал сознательных усилий к тому, чтобы вернуться именно в эту точку. Он пересек газон, поднялся на крыльцо, где обнаружил по-прежнему погруженные в сон тела Ричарда Боггса и безымянного боевика, в начале вечера сидевшего в кресле-качалке. Он вошел в мозг лоботомированного убийцы и стер память о звездном корабле и о происхождении ПБТ.

Мозг Ричарда Боггса оказался более сложно организованным. Визуальная метафора, которую использовал Тимоти, внедряясь в него, оказалась свалкой, на которой были разбросаны гниющие и разлагающиеся детали жизни этого человека. Ричард Боггс был мечтателем, человеком, строящим тысячу планов одновременно — причем все они были заведомо невыполнимы. И до конца своих дней ему суждено оставаться тем, кем он был сейчас: наемником, мальчиком на побегушках. На свалке среди ржавых раскуроченных железяк Тимоти обнаружил то, что искал, а обнаружив, тут же лишил Боггса воспоминаний не только об источнике ПБТ, но и о самом существовании этого наркотика. Когда Боггс проснется, означенная аббревиатура будет лишена для него малейшего смысла.

Тимоти вплыл в дом и проделал аналогичную процедуру с Тельмой Боггс, устранив из ее памяти воспоминания и о наркотике, и о космическом корабле. Ее сознание напоминало мужнее: розовые надежды, которые она питала, зачастую были внушены ей Ричардом.

Тимоти перешел к трем гангстерам, в сознание которых уже проникал раньше, и удалил соответствующую информацию из памяти у первых двух. Он торопился, потому что ему не терпелось поскорее управиться с этим делом. Тимоти отправился во двор и стер воспоминания о ПБТ и о звездолете из памяти у обоих валявшихся там боевиков — часового и патрульного.

На это у него ушло не более десяти минут. После этого Тимоти вернулся в гостиную к седовласому гангстеру, который стрелял в него через оконное стекло. «Крестный отец» лежал на полу лицом вниз. Сейчас Тимоти нырнул в уже знакомую ему визуальную метафору библиотеки и принялся просматривать тысячи фолиантов, представлявших собой мысли этого человека, а просмотрев, — отшвыривать в сторону, потому что это были не те книги, которые он искал. Со временем ему, однако же, удалось выяснить имена всех членов Братства, которым было известно о существовании космического корабля в толще земли под домом. Таковых оказалось только четверо, и все они входили во Внутренний совет Братства. Одним из них, разумеется, был Леопольд. А наряду с ним — еще трое, совместными усилиями выработывавших политику всей организации. Тимоти запомнил их адреса, официальные и явочные, а затем стер память о звездолете и о ПБТ из сознания седовласого джентльмена.

Тимоти покинул дом, завис над омытым росой газоном, позволив себе насладиться свежестью деревенского воздуха. Ограничения на двигатели внутреннего сгорания начали мало-помалу приносить должный эффект в больших городах, но, конечно, до здешней чистоты городскому воздуху было все равно как до звезд. Набирая полные легкие свежего воздуха, он прекрасно осознавал, что, возможно, оказался на природе в последний раз

на ближайшую пару столетий или на куда больший срок.

Он посмотрел на небо, усеянное звездами. Они не казались ему теперь далекими, холодными и равнодушными; напротив, стали близкими, теплыми и родными. Во тьме они могли послужить прекрасными маяками. И скоро, уже совсем скоро он окажется там, наверху, окажется среди них, пусть и не в физическом смысле, а с помощью телепатических способностей. Глядя на эти крошечные точки света, он понял, почему инопланетяне не могут просто телепортироваться в свои родные миры. Даже полностью развитое и раскрепощенное сознание пасует перед невероятной бесконечностью космоса.

Он закрыл глаза, позабыл о звездах, сосредоточился на завершении земных дел.

Напрягся всем телом.

Ночь становилась прохладной, пора было распрощаться с нею...

Он дематериализовался на газоне в штате Айова...

...И материализовался в кабинете дома в Новой Англии — того самого дома, где совсем недавно его держали в заточении. Четверо мужчин находились в той же комнате и практически в тех же позах, в которых он их оставил, только Леопольд уже очнулся и сидел на диване, уронив голову на руки. Он пытался справиться с туманом, окутывавшим его мозг, и привести наконец свои мысли в по-

рядок. Маргель, постанывая, мотал головой из стороны в сторону, однако он был еще без сознания. Двое боевиков — Бейкер и Сикколи — спали безмятежным сном только что накормленных младенцев.

Тимоти проник в сознание обоих громил и стер воспоминания о ПБТ. Прodelав то же самое с Йоном Маргелем, он затем нажал ему все на ту же точку в затылке, подарив еще несколько часов безмятежного сна.

Затем со всеми мыслимыми предосторожностями, опасаясь тех страшных, похожих на гусениц насекомых, которые вырвались наружу из подсознания «крестного отца», Тимоти проник в сознание Леопольда. Но эти твари или сами вернулись на предназначенные для них места, или были загнаны туда силой. «Подсознание должно бояться сознания и презирать его, — подумал Тимоти, — точно так же, как сознание отказывается признавать свою связь с темными тайнами и стремлениями подсознания». Таким образом, каждый из нас оказывается в некотором роде шизофреником, но благодаря этому человек организует свою жизнь куда лучше, чем если бы ему пришлось бескомпромиссно противостоять ей.

Тимоти прислушался к звукам, доносившимся из-за стены, отделяющей сознание от подсознания.

Ему было слышно жужжание, издаваемое мерзкими тварями, и этот звук не внушал особой радости. Они жужжали, гудели, они набра-

сывались рой на рой и пожирали друг дружку в бездумной, слепой, всепоглощающей и всеуничтожающей ярости.

Тимоти быстро обследовал содержимое всех шкафов с компьютерными базами данных, разыскивая сведения, которые надо было удалить из памяти «крестного отца». Он легко сориентировался в уже знакомой ему визуализированной метафоре; прошелся еще раз, проверяя, не упустил ли он что-нибудь важное. И в конце концов, удовлетворившись результатом своих трудов, покинул сознание Леопольда.

В кабинете было тихо. За окном распевали пробудившиеся птички. Тимоти дотронулся до затылочного нерва Леопольда.

Оставалось еще трое.

Он напрягся, приготовившись к телепортации...

...И прибыл.

Людвиг Штутман, член Внутреннего совета Братства, проживал в огромном собственном доме неподалеку от Балтимора, штат Мэриленд. Каждый клочок земли в его обширных владениях был самым тщательным образом возделан. Деревья, образующие живописную рощу в южном конце поместья, были аккуратно подстрижены, чтобы максимально радовать взгляд эстетствующему хозяину. Под деревьями не лежал ни один упавший листочек, не говоря уж о постороннем соре. На маленьких клумбочках росли яркие оранжевые цветы. Начинаясь за рощей газон был пострижен

столь же тщательно, как голова адмирала военно-морского флота, тем не менее он оказался мягким, словно хороший ковер. «Должно быть, какой-то особый сорт травы, — подумал Тимоти. — В этой части страны такое само по себе не растет. Скорее всего, рассаду завезли из Флориды». Дом стоял на гладкой площадке, явно искусственного происхождения, на вершине невысокого холма трехэтажный особняк из бурого камня. Веранда и белые колонны — все приметы доброго старого плантаторского стиля...

«Преступлениями, — мрачно подумал Тимоти, — можно сколотить неплохое состояние, что бы ни возразили на это люди из ФБР и других спецслужб».

Он поднялся к дому по длинной извилистой, вымощенной камнем дорожке. Ночью здесь было немного прохладней, чем в Айове. В трехстах ярдах от дома Тимоти натолкнулся на первого часового.

Забыв об охране, Тимоти совершил, конечно, большую глупость. Штутман, как любой другой из «крестных отцов» Братства, должен был обзавестись надежной охраной как против властей, так и против представителей других кланов, отказавшихся смириться с подчиненным положением их организаций. Когда высокий мужчина в темной униформе внезапно шагнул навстречу Тимоти из глубокой тени у стены сарая, тот оказался застигнут врасплох.

Тимоти сперва почувствовал, как живот ему залило теплой влагой, а лишь потом услышал звук выстрела. Мир внезапно поплыл у него перед глазами, и тут же вспыхнула боль, острая и рваная, она поднималась снизу, из живота, норovia разорвать ему и грудь.

В чудовищной тишине просвистела вторая пуля, прошедшая в нескольких дюймах от головы, — и Тимоти, собравшись с силами, обрушил всю мощь своей психотехники на боевика, погнав на него нечто вроде ударной волны. От страшного удара невидимого оружия — как будто миллионы раскаленных жгутов разом впились ему в тело — гангстер повалился наземь.

Поняв, что этот человек ему больше не страшен, Тимоти отозвал психическую энергию обратно и позаботился о своей ране. Он харкал кровью, а на животе расплылось алое пятно размером со здорового кролика, причем кровь все хлестала и хлестала. Тимоти запустил телепатические пальцы в глубь собственного тела, остановил кровотечение и самым тщательным образом принялся штопать поврежденные внутренности.

Вторая пуля, откуда-то из другого места, чиркнула его по щеке, сорвав с нее большой клочок кожи. Если б стрелок целился на полдюйма ниже, она застряла бы у него в голове и разрушила мозг, а это означало потерю психотехнических способностей, необходимых для того, чтобы исцелиться и вернуться к жизни...

Третья пуля ударилась в серебряную застешку на бедре у Тимоти, зазвенев насмешливым колокольчиком в холодном ночном воздухе. Эхо выстрела разнеслось по лесу — и наверняка привлекло к Тимоти дополнительное внимание, — а вот во внимании он сейчас как раз нуждался меньше всего.

Такое невезение сильно поколебало самоуверенность Тимоти. Лихорадочно выслав телепатические пальцы на поиски стрелка, он обнаружил второго боевика под деревом, примерно в ста футах от того места, где находился сам. Тимоти выключил его сознание. Затем он метнулся к сараю, за которым укрывался первый страж. Осмотревшись, Тимоти нашел убежище в зарослях молодых елочек.

Раздраженно и с какой-то неохотой он прикоснулся к ране на щеке. Он был чуть ли не на грани обморока, большая потеря крови и пережитый страх изрядно потрясли его. Рана не представляла опасности, кровь из нее не текла, а сочилась, это не шло ни в какое сравнение с недавней раной в животе. Волосы и кожа слиплись в противную корку, послужившую своего рода повязкой, помогая остановить кровотечение. Он осторожно сшил поврежденные волокна с помощью психотехники.

На холме, подобно очнувшемуся от дремоты коршуну, ожил особняк: на всех трех этажах сразу зажглись окна, желтоватая иллюминация чуть ли не призрачным светом залила темную траву, в мгновение ока превратив ее

в фантастический ковер ядовито-зеленого цвета.

Послышались голоса, звучавшие с командной интонацией; несколько десятков стражей пустились в отрететированную ими тысячи раз погоню, которая должна была увенчаться уничтожением нарушителя. Некоторые голоса уже раздавались в опасной близости от того места, где прятался Тимоти, отчаянно пытаюсь восстановить хладнокровие перед встречей с противником лицом к лицу.

На высоких серых башнях вспыхнули прожектора, ослепительно яркий свет залил все поместье, проникнув даже в гущу леса. Лишь несколько участков оставались в тени, и на одном из них как раз и притаился Тимоти. Но через несколько секунд они его непременно найдут.

Он не мог пойти на риск прямого противостояния, особенно сейчас, когда его тело еще не восстановилось полностью. Один-два метких выстрела — и он окажется не в состоянии «защитить» раны при помощи психотехники. И тогда тот факт, что он, бесспорно, является самым могущественным человеком на всей планете Земля, потеряет какое бы то ни было значение.

Проклиная себя за глупость, толкнувшую его пойти на штурм вражеской твердыни без предварительной разведки, практически вслепую, Тимоти принялся в ускоренном темпе сшивать клетку с клеткой. На ходу он изоб-

рел новую технологию, научившись наращивать новые клетки и заменять ими мертвые. Самое неприятное в этой ситуации заключалось в том, что он слишком разволновался, услышав и приняв предложение инопланетянина присоединиться к нему и к его спутникам на ближайшие несколько сотен лет. Впервые в жизни он получил шанс влиться в компанию существ, находящихся на одном уровне развития с ним, существ, с которыми он сможет общаться на равных. И даже если поначалу он окажется по сравнению с ними несколько примитивным, такая перспектива не пугала, а, напротив, даже радовала его. Никогда еще он ни с кем не разговаривал снизу вверх — никогда с тех пор, как в приюте для ущербных детей впервые раскрылись его психотехнические способности. Да и раньше — ощущение собственной неполноценности относилось к сугубо телесной сфере. Наверное, очень интересно — жить с теми, кто превосходит тебя в интеллектуальном плане, у кого можно чему-нибудь научиться. Возможно, ему не хватало родительской опеки, которой он и впрямь никогда не знал. Все это промелькнуло у него в голове, пока он занимался самоисцелением.

Когда Тимоти уже заканчивал, один из участников облавы обнаружил его убежище и открыл огонь. Тимоти отвел от себя пули. Теперь он готов к схватке. Сейчас он был сосредоточен и решителен.

Зарядом психической энергии он погрузил боевика в спячку. Тот зашатался, зацепился одной ногой о другую и повис на кустах, словно пародируя позу распятого, и громко захрапел.

Тимоти вышел на залитый ослепительными лучами прожекторов газон и направился к особняку, протягивая мысленные руки к участникам облавы и «гася» их поочередно, погружая одного за другим в мирный сон, пока телами лоботомированных охранников не оказались усеяны все подступы к дому.

У парадного подъезда он с помощью психотехники открыл замок, сдвинул дверь и просочился внутрь. Он увидел еще одного охранника на лестничной площадке между вторым и третьим этажом и мысленной рукой нашел нерв у него на затылке. Стражник, перегнувшись через перила, упал на лестницу на середине марша и покатился, переворачиваясь на ходу, до самого низу.

Тимоти обезвредил еще двоих и настиг Людвига Штутмана в его кабинете на третьем этаже этого огромного дома. Штутману было на вид лет пятьдесят. Невысокий кряжистый голубоглазый блондин. Даже не забираясь ему в мозг, Тимоти с первого взгляда сумел распознать в Штутмане фанатического приверженца спортивной формы. Мышцы рук и плеч были у него настолько развиты, что он мог претендовать на победу в соревнованиях по культуризму. Шея здоровяка была накача-

на работой со штангой и специальными упражнениями для дыхания. На столе в его кабинете стояли коробки, надписи на которых свидетельствовали о том, что это все мыслимые и немыслимые витамины.

— Кто ты такой? — спросил Штутман.

Он попытался придать своему голосу дерзкие интонации, подходящие человеку с такой физической силой, но охвативший его страх не мог укрыться ни от него самого, ни от Тимоти.

Тимоти не счел нужным отвечать.

— Кто? — повторил Штутман, как будто имя человека, проникшего к нему в дом, имело большее значение, чем то, каким образом он проложил себе дорогу сквозь несколько линий вооруженной охраны.

Тимоти нашел соответствующий нерв у него на затылке.

Штутман повалился обратно в кресло, из которого его подняло неожиданное появление Тимоти. Даже когда он потерял сознание, мышцы его рук продолжали бугриться, жилы на шее вздувались корабельными канатами.

Тимоти проник в сознание Штутмана, одновременно подыскивая метафору, способную визуализировать мозг Штутмана с тем, чтобы найти и стереть информацию об инопланетном происхождении ПБТ.

Сознание этого человека проще всего оказалось представить в форме спортивного зала, в котором тренировалось одновременно около тысячи человек. Они поднимали тяжести, от-

жимались от пола, взбирались по канату, сидели в сауне. Тимоти показалось странным, что в этом зале нет женщин. Нет совсем, ни единой.

Не теряя времени на размышления о сексуальной ориентации Штутмана, Тимоти прошел по спортивному залу. По дороге он расспрашивал то одного, то другого, и скоро ему удалось таким образом стереть всякую память о ПБТ и о источнике этого наркотика. Он нашел дверь в дальнем конце спортивного зала и, отворив ее, спустился в подсознание.

Визуальной метафорой подсознания Штутмана оказалась больница. Не операционная, а больничные палаты, в которых томилось множество умирающих и тяжелобольных. Здесь были раковые больные, там прокаженные — одним словом, носители всех известных человечеству тяжких и позорных болезней. Тимоти сообразил, что человек со столь преувеличенной тягой к телесному здоровью наверняка должен был загнать в подсознание целый эскадрон страхов, связанных с заболеваниями и смертью. Он стер те воспоминания, стереть которые собирался, и быстро покинул больничную палату...

Штутман безмятежно спал, его могучее тело и не догадывалось о том, что во все его святилица самым бесцеремонным образом вломились и в возникшей суматохе похитили у него часть наиболее сокровенных знаний и воспоминаний.

Тимоти решил сосредоточиться на адресе и фамилии, значащихся в его списке под вторым номером. Мысленно он начертил маршрут и представил себе дом, зрительный образ которого был им почерпнут из сознания седовласого джентльмена в деревенском доме в Айове. Тимоти собрался, телетранспортировался...

...И материализовался прямо у входа в дом Артура Лиланда.

Охранник, за спиной у которого возник из небытия Тимоти, ахнул, резко развернулся и тут же рухнул, усыпленный одним телепатическим прикосновением, а его пистолет с грохотом покатился по кирпичным ступенькам. Охранник ударился головой о ступеньку, слышался глухой стук, после чего наступила тишина.

Тимоти отпер дверь и проник внутрь. Дом Артура Лиланда был ультрасовременной конструкции, полы покрывали роскошные ковры, похожие на шкуры экзотических зверей. Мебель необычного дизайна, изготовленная по специальному заказу, гармонировала с домом, подчеркивая его достоинства и индивидуальность, как и сам дом подчеркивал необычность своего внутреннего убранства.

Откуда-то лилась нежная классическая музыка, звучащая в этом суперсовременном пластиково-синтетическом раю едва ли не анахронизмом. Но и в этом противоречии чувствовалась какая-то глубинная гармония.

Тимоти прислушался, но ничего, кроме музыки, не услышал.

Ему подумалось, что его визиты похожи на появления Маски Алой Смерти из рассказа Эдгара По. Хотя люди, к которым он приходит, надежно запираются и, оставшись наедине с собой и себе подобными, предаются роскоши и наслаждениям, Маска Алой Смерти находит их и делает все, что ей заблагорассудится. Аналогия, которую нельзя было признать ни приятной, ни обнадеживающей...

Артура Лиланда Тимоти обнаружил в спальне на втором этаже. Лиланд был с женщиной — со стройной большегрудой негритянкой, гладкая кожа которой цвета эбенового дерева поблескивала на свету, пока красotka изгибалась на простынях, убажывая партнера. Тимоти почувствовал пульсирующее томление, слабость и головокружение, порой испытываемые им в присутствии особенно красивых женщин. Ему казалось, будто волнения последних часов навсегда избавили его от подобных переживаний. Однако оказалось, что это не так. Возможно, такая тоска никогда его не покинет.

Женщина вскрикнула, а Лиланд, разглядев источник ее ужаса, кубарем скатился с кровати и бросился к вороху собственной одежды в поисках пистолета. Тимоти погрузил его в сон, и «крестный отец» в голем виде растянулся на полу.

Негритянка уже успела добежать до дверей, ее изумительное черное тело скользило с ко-

шачьей грацией и стремительностью. Тимоти усыпил и ее.

Артур Лиланд оказался бабником, и Тимоти, проникая в его сознание, выработал визуальную метафору публичного дома. Чуть ли не все мысли этого человека носили эротический характер или, по меньшей мере, имели эротическую подоплеку, — даже те из них, что были связаны с криминальным бизнесом. Но сотни полногрудых длинноногих красоток, какими предстали перед Тимоти мысли Лиланда, заставили его собственную квазисексуальную фантазию разыграться куда сильнее обычного. Он невольно пожалел о том, что его мозг прибег к столь дразнящей визуальной метафоре.

Подсознание Лиланда представляло собой сумасшедший вертеп садомазохистских желаний и тошнотворных фантазий, заставивших Тимоти содрогнуться от омерзения и все от той же неудовлетворенной тоски. Ему хотелось как можно быстрее выбраться из этих сатанинских храмов продажной плоти, но, стиснув зубы, он оставался там до тех пор, пока не управился со своей задачей.

Наконец он покинул мозг «крестного отца» и, вернувшись в собственное тело, очутился в его спальне, безуспешно пытаясь восстановить хладнокровие. Ведь и сейчас его одолевали чувственные видения, экзотические мечты о собственной сексуальной победоносности, половом могуществе и связанном с ним наслаждении. Тимоти прекрасно понимал, что, пока

он не успокоится, не может продолжать реализовывать свой план. Иначе он неизбежно совершит еще одну ошибку, как это уже произошло по его прибытии в дом к Штутману, за что ему пришлось расплатиться пулевыми ранениями.

Не осознавая, что делает, он оказался в другом конце комнаты, где на полу лежало тело чернокожей возлюбленной Лиланда. Мысленными пальцами Тимоти прикоснулся к ней, он провел ими по ее гладкой коже, он впустил эти чувствующие незримые пальцы в заповедные глубины ее тела.

Он предавался этому занятию очень долго. Он и сам не понимал, как долго все это длилось. И в конце концов, выйдя из транса, он отшатнулся от женщины, пристыженный, смущенный и растерянный.

Покинув спальню, Тимоти поплыл по тихому коридору. Обнаружил библиотеку, все полки в которой были заставлены литературой исключительно эротического содержания. Он пулей вылетел оттуда. Эта спешка означала нежелание вновь сталкиваться с самой сокровенной частью того, что таилось под надетой им на себя личиной.

Он заставил себя вернуться. Вновь очутившись в библиотеке, Тимоти методично просмотрел тома прозы и поэзии, альбомы с фотографиями и репродукциями, собранные Лиландом, чтобы насытить свою чуть ли не маниакальную жажду сексуальных впечатлений.

Несколько позже Тимоти пришло в голову, что он, если ему этого захочется, сможет погрузиться и в мир чувственных наслаждений. Ведь наверняка, заручившись знаниями, которыми обладают инопланетяне, можно будет проникнуть и в тайну клонирования — процесса, признанного нынче на Земле принципиально возможным, однако не получившего практического подтверждения из-за примитивного уровня современной науки.

Клонирование. Взять обычную клетку какого-нибудь кролика. В ней содержатся все гены и весь набор хромосом, присущие данному конкретному животному. Исходя из этой клетки, можно восстановить все его базовые характеристики. А исходя из базовых характеристик, можно продублировать и самого кролика. Ученые, таким образом, будут изготавливать точные копии биологических организмов. А если сейчас они еще не могут это сделать, то когда-нибудь непременно научатся. И точно так же, как кролика, они смогут продублировать и человека. Замечательно красивые люди позволяют ученым — за деньги, разумеется, — продублировать себя, пожертвовав ради этого всего лишь одной из своих бесчисленных клеток. А уж затем, по мере развития науки, пересадка человеческого мозга со всеми его воспоминаниями и серым веществом из одного тела в другое станет самой что ни на есть тривиальной операцией.

Так что, возможно, когда-нибудь ему самому будет дано изведать чувственные наслаж-

дения. Нет, слово «возможно» здесь неуместно. Не возможно, а наверняка. Когда-нибудь он обзаведется любовницей, похожей на эту негритянку, да и любой другой любовницей, какую ему только захочется завести. И тогда во всем опыте, накопленном человечеством, для него не останется неизведанных областей. Он станет первым по-настоящему свободным человеком во всей истории рода человеческого.

А сейчас, при всех его сверхчувственных способностях, он еще не свободен. И нечего обманывать самого себя, делая вид, будто это не так.

Тимоти вернул книги на полки, поставив каждую на ее место.

За час, прошедший с тех пор, как Тимоти покинул сознание Лиланда, он в очередной раз столкнулся с собственной ущербностью, но не спасовал перед нею и — пусть всего лишь на какое-то время — сумел ее подавить. Нет смысла желать того, что пока останется для тебя недоступным. За долгие века, которые ему предстоит провести в обществе инопланетян, он забудет о своей ущербной сексуальности. А когда он вернется в свое тело и вновь почувствует дразнящее, несбыточное желание, человечество, наверное, уже изобретет что-нибудь, способное ему помочь.

Боль и тоска рассеялись, теперь Тимоти дышалось куда легче. Он вспомнил о гладком теле негритянки. Однако боль не вернулась.

Улыбнувшись, он вызвал из памяти адрес последнего «крестного отца», представил себе его дом, в котором он должен будет завершить свою миссию. На душе у него было сейчас легко. Тимоти уже прошел через самое худшее — по меньшей мере физически. Но, как выяснилось, его последняя жертва приготовила ему самый страшный сюрприз...

Глава 18

По сравнению с другими «крестными отцами», у которых Тимоти побывал нынешней ночью, Джейкоб Вестхолм жил скромно. Конечно, не совсем скромно по стандартам среднего американца, но с учетом многомиллионного состояния, которое Вестхолм, как и другие «крестные отцы» Братства, сколотил за годы противозаконной деятельности. Его девятикомнатный дом в окрестностях Олбани, под Нью-Йорком, был построен в тюдоровском стиле. Солидная кирпичная кладка, окантованные черным оконные рамы и ставни, стрельчатое окно в гостиной, которое в настоящее время заливал мягкий янтарный свет, струившийся от единственной горящей в комнате лампы.

Тимоти понаблюдав за домом с определенного расстояния, расположившись на улице, застроенной особнячками, подобными тому, в котором жил сам Вестхолм. Дом Вестхолма

стоял на участке площадью примерно в три акра, однако достаточно близко от соседних особняков, чтобы у «крестного отца» не возникло необходимости держать целую армию охранников. Тимоти телепатически обыскал округу, улавливая витающие в воздухе мысли, и обнаружил три странных, практически девственно-чистых мозга, какими обладали только прошедшие через лоботомию боевики. Тимоти «вырубил» всех троих, затем пересек улицу, открыл замок чугунных ворот и оказался на участке, принадлежащем Вестхолму.

Подошел к главному входу, проник в дом, закрыл за собой дверь. С кухни донеслись обрывки какой-то беседы. Протянув в нужном направлении мысленные пальцы, он обнаружил дворецкого, уже снявшего ливрею, и шофера в футболке и джинсах. Они мирно потягивали пиво, сидя за кухонным столом. Тимоти столь же мирно отправил их на боковую.

Он обшарил весь дом, однако больше ничего не обнаружил. Это означало, что Джейкоба Вестхолма нет дома и Тимоти следовало отправиться на одну из явочных квартир, адреса которых он извлек из сознания седовласого джентльмена в штате Айова. За одним из этих адресов скрывался ночной клуб. Два других были ресторанами. Кроме того, он располагал адресом родного брата Джейкоба Вестхолма, и этот, второй, Вестхолм тоже был членом преступной организации. Остальные одиннадцать адресов принадлежали женщинам.

Однако в неожиданной пустоте дома было еще кое-что любопытное и настораживающее. Неужели такой человек, как Вестхолм, довольствуется охраной, состоящей всего из трех постов наружного наблюдения? Разве он не посадил одного-двух боевиков прямо в доме, в порядке, так сказать, последней оборонительной линии? Тимоти просто не мог поверить в то, что Вестхолм подвержен мании преследования в меньшей степени, чем остальные «крестные отцы», или, если угодно, в том, что он не трясется за свою жизнь, — ведь враги, принадлежащие к некогда могущественным мафиозным кланам, были у них наверняка одни и те же.

Тимоти вплыл в кухню, где, приклонив головы на стол, спали шофер и дворецкий. Одна из жестянок пива свалилась на пол, и густой пивной запах тяжело висел в воздухе. Тимоти решил начать с пожилого, начинающего сидеть отлично вышколенного дворецкого. Нырнув ему в сознание, он принялся искать какую-нибудь зацепку, способную подсказать, где находится сейчас хозяин дома.

Через несколько секунд Тимоти выяснил — Вестхолм находится в больнице, куда попал после небольшого кровоизлияния, случившегося как раз нынешним утром.

На мгновение Тимоти захотелось оставить Вестхолма в покое, предоставив болезни самой лишить «крестного отца» памяти, если не жизни. Но он был не вправе полагаться на слепой

случай, особенно если учитывать важность миссии Тимоти не только для тысяч наркоманов, но и для него самого. Он почерпнул адрес больницы и ее внешний вид из памяти дворецкого, сосредоточился, закрыл глаза и телепортировался...

Он материализовался рядом со зданием, представляющим собой гигантское сооружение из желтого кирпича и алюминия. Он стоял прямо на пешеходной дорожке с каучуковым покрытием, две полосы которой сами двигались в противоположных направлениях. Тимоти упрекнул себя в безалаберности — до сих пор он не задумывался о возможности материализоваться прямо на глазах у изумленных сограждан, подняв тем самым изрядный переполох, тогда как ему надо было сохранять полную анонимность. В конце концов, он прибыл в общественное заведение, а вовсе не в ту респектабельную глухомань, которую, как правило, избирают для постоянного проживания «крестные отцы».

Несколько мгновений спустя он уже плыл по главному холлу больницы, не без отвращения вдыхая здешний запах — тошнотворную смесь аромата цветов с дезинфектантами. Он просмотрел больничную книгу в приемном покое и выяснил месторасположение палаты, в которой лежал Вестхолм. Палата находилась на восемнадцатом этаже, однако лифты обслуживались специальными служащими, которые требовали на входе в кабину пропуск, выписы-

ваемый в соответствующем бюро. И Тимоти прекрасно понимал, что никогда не получит такого пропуска. Проникнуть в палату к Вестхолму было труднее, чем на прием к президенту Соединенных Штатов.

Пешеходные лестницы в это время суток были закрыты, тяжелые пожарные двери заперты на замок и на цепь. И хотя Тимоти мог бы отпереть эти замки и снять цепи, сделать это бесшумно было невозможно, а привлекать чье-нибудь внимание ему страшно не хотелось.

По больничному плану он выяснил нужное направление и точное расположение палаты Вестхолма (план лежал на журнальном столике в холле для посетителей). Но из холла, по которому беспрестанно сновали врачи и медсестры, нельзя было телепортироваться, не обратив на себя всеобщее внимание. Тимоти отправился в мужской туалет, заперся в кабинке с ее пованивающим аммиаком оборудованием, сосредоточился на расположении необходимой ему палаты и провалился в несуществующую вселенную нуль-транспортировки.

В палате у Вестхолма находилась сиделка. В ослепительно белом крахмальном халате и поскрипывающих на ходу остроносых туфлях она расхаживала у постели, следя за показаниями на бесчисленных мониторах и в особенности — на мониторе электрокардиографа. Она отступила на пару шагов, протерла глаза, как будто отказываясь верить им... И немудрено: человек или, по крайней мере, не-

что похожее на человека внезапно возникло перед ней на пустом месте.

Она успела открыть рот, собираясь закричать, но Тимоти тут же усыпил ее. Он не позволил ей рухнуть на пол, а выслал вперед мысленные руки, осторожно поддержал ее, закружил и опустил в кресло, в котором она, судя по всему, сидела и раньше, коротая время за чтением любовного романа.

В постели лежал не человек, а живая рухлядь, в тело которой было всажено множество игло-лок, насаженных на трубки, ведущие к бутылочкам с прозрачной жидкостью, выставленным на полку из ослепительно сверкающей стали. Внутривенное вливание продолжалось. Рот лежащего на постели человека был разинут, как у мертвеца, хотя, конечно, в этом старом ублюдке жизни хватило бы и на десятерых.

Тимоти запустил мысленные пальцы ему в сознание. И обнаружил опухоль головного мозга, достаточно, впрочем, незначительную. Непораженные участки мозга взяли на себя функции этой «мертвой зоны» то ли в результате компенсирующих усилий самого организма, то ли под воздействием терапии. Оставить этого человека в покое, положившись на то, что дело забвения совершит сама смерть, было бы слишком опрометчиво.

Тимоти выработал визуальную метафору, соответствующую сознанию старика. Это опять оказалась кладовая данных, размещенная в высоком здании без окон, и в этом отношении на-

личествовало поразительное сходство с сознанием Леопольда (неужели властолюбивые амбиции и безжалостность сами по себе способны сформировать совершенно одинаковых людей?). Тимоти нашел информацию о космическом корабле и о происхождении ПБТ. Она не оказалась стерта в результате поразившего сегодня утром Вестхолма инсульта.

Тимоти проникал в одну базу данных за другой, убирая оттуда имеющую решающее значение информацию. Но стены хранилища внезапно треснули, диски воспоминаний принялись омерзительно пищать, протестуя против бесцеремонного обращения с ними. Тимоти скоро понял, что его поиски тревожат мозг больного, вызывая в нем ощущения тревоги и страха, и что продолжение этих поисков может обусловить еще одно кровоизлияние. А второе кровоизлияние, да еще сразу же после первого, почти наверняка убьет Вестхолма.

Тимоти убрал мысленные пальцы из мозга «крестного отца», вернулся в собственное тело и задумался над возникшей перед ним проблемой.

Если он оставит Вестхолма в покое, тот выживет. Сил у него было еще хоть отбавляй. И сердце в его груди билось ровно. А воля к жизни — Тимоти в этом не сомневался — была просто-напросто несокрушима. Но если он выживет, у него сохранятся остаточные воспоминания о космическом корабле и о наркотике, тем самым сведя на нет все уси-

лия, предпринятые Тимоти во имя проведения операции по тотальной «зачистке». Но если Тимоти вновь запустит в сознание Вестхолма свои мысленные пальцы и пошурует ими столько, сколько потребуется для ликвидации подлежащих уничтожению воспоминаний, он, скорее всего, убьет «крестного отца». Он подумал о том, не форсировать ли этот процесс самому, устроив Вестхолму обширный инсульт... но перспектива сделаться убийцей показалась ему малопривлекательной. Куда ни кинь, всюду клин. К какому решению ни придет Тимоти, оно заранее повергает его в отчаяние.

Тимоти застыл на месте, вслушиваясь в мерное бульканье бутылки с глюкозой и в периодическое похрапывание сиделки. Он убеждал себя в том, что Вестхолм — паразит и преступник, что он язва общества, что он был паразитом, преступником и язвой всю свою жизнь. Вестхолм, должно быть, был связан с прежней мафией, если вообще не являлся одним из ее главарей, прежде чем присоединиться к Братству и занять высокое место в его иерархии. Кушанья и вина, которые он употреблял, одежда, которую он носил, дом в тюдоровском стиле, в котором он жил, и даже лечение, которое он получал в этой роскошной больнице, чтобы продлить свою никчемную жизнь, — все это было куплено ценой мучительной агонии и гибели других людей. Он охотился на слабых, он, по сути дела, убивал и пожирал их.

Бутылка булькала.

Сиделка храпела.

А в остальном в палате все было тихо.

И хотя Тимоти был согласен с собственными доводами на сто процентов, это не могло оправдать хладнокровной расправы над Джейкобом Вестхолмом. Особенно если учесть, что речь идет об убийстве человека, не причинившего самому Тимоти ровным счетом никакого вреда. С Клаусом Маргелем и его подручными все было гораздо проще: они стреляли в него, они пытались его убить. Той ночью он действовал в порядке самообороны, и у него не было времени на колебания. Но ведь именно этим и отличается Тимоти от преступников. Он не может безжалостно убить другого человека, как это делают гангстеры. Умышленное убийство... нет, он на это не способен.

Если не считать того, что...

Мысль, возникшая у него в голове, была весьма дерзкой. И вместе с тем постыдной. Своего рода сделка с собственной совестью. Попытка обмануть себя, попытка обойти этическую проблему, которую ему предстояло решить. Подобное поведение никогда не нравилось ему в других, а уж чтобы решиться на это самому... Но, черт побери, зато это может сработать!

Он запустил мысленные пальцы в сознание Вестхолма, спустился в подсознание, визуальной метафорой которого оказались подвалы и пещеры под исполинским хранилищем данных.

Он прошел по сырым катакомбам, по стенам которых ползали твари, воплощавшие подсознательные желания и мечты; эти твари страшились света, который нес с собой Тимоти.

Они зашипели на него. Они зарычали. Они заскулили. Они попытались задуть свет, который нес с собой Тимоти.

В те мгновения, когда луч или сполох падал на них, они содрогались, тряслись, бились в корчах.

Тимоти позволил ползучим, жалящим, кусающим зубами и хватающим клешнями тварям из подсознания Вестхолма напасть на себя, позволил им наложить на себя мокрые когтистые лапы, позволил запустить ядовитые усики себе в спинной мозг. Но при этом он прислушивался к их голосам, пока, как ему показалось, не начал понимать их язык. Он узнал все самые мерзкие, все самые чудовищные черты характера своей жертвы, заставил себя вникнуть в них и притерпеться к ним до тех пор, пока ему не стало по-настоящему невыносимо.

Тимоти отдавал себе отчет в том, что ни с чьим сознанием и подсознанием нельзя обращаться подобным образом: искушая, провоцируя и в конце концов расчлняя их. Если он не проявит предельной осторожности, это вполне может закончиться его собственным безумием. Накатывающие волны кровосмешения, убийства, садизма, мазохизма, скотоложства, вампиризма, ненависти, страха, властолюбия — вся эта адская смесь пороков и

извращений не предназначена для того, чтобы полоскать в ней мысленные пальцы, чтобы изучить и затем разложить на составные части. Но на помощь Тимоти, как это иногда бывает, пришел случай. Тимоти всколыхнул самые сокровенные глубины сознания и подсознания Джейкоба Вестхолма — жалкого старика, лежащего в палате люкс дорогой частной клиники. Теперь Тимоти познал Вестхолма лучше, чем ему доводилось познавать кого бы то ни было другого. Конечно, и подсознание самого Тимоти наверняка не было безгрешно, в нем тоже обитали подавляемые страсти и желания, да ведь подсознание любого из нас является трясинной, в которую проваливается все, что мы не можем вынести на уровне нашего сознания. Но Тимоти сейчас заставил себя забыть об этом, он превратил свою ненависть в цветущий сад, воздвигнув в его середине монумент и поднимая его все выше и выше, выкладывая один ярус ненависти и презрения вслед за другим. И наконец, очутившись на такой высоте, на которой он мог думать о Вестхолме в точности так, как подсказывало подсознание «крестного отца», когда Вестхолм превратился в его глазах в низкоорганизованное животное, Тимоти вернулся в хранилище данных и обратился к ячейкам, в которых были записаны воспоминания о космическом корабле и о ПБТ.

Он вынул из ниши нужную дискету.

Стены хранилища — белый пластик, точно такой же, как в сознании у Леопольда, — треснули от пола до потолка.

Тимоти сконцентрировался на мысли о том, что Джейкоб Вестхолм — животное, похотливое и одержимое манией величия животное, лишенное человеческих качеств, — именно такое, каким представляют монстров в дешевых комиксах.

На мгновение Тимоти увидел пораженный кровоизлиянием участок мозга, но тут же «вырубил» это видение.

Он приказал дискете самоуничтожиться.

Он попытался сделать это как можно осторожнее, чтобы не повредить мозг и сознание. Ведь Тимоти не собирался убивать Вестхолма, ему нужно было всего лишь стереть из его памяти кое-какую информацию. Если в ходе этого удастся сохранить жизнь «крестному отцу» — что ж, пусть оно так и будет.

Он подумал, что неплохо было бы вылечить Вестхолма, прибегнув к психотехнике. Но нет, мозг — слишком сложное и таинственное устройство, а в искусстве врачевания Тимоти остается еще младенцем. Да и подобная «мертвая зона» в мозгу неизлечима.

Свет померк.

Трещины в стенах стали еще шире.

Тимоти следил за самоуничтожением дискеты, хотя больше всего на свете ему хотелось как можно скорее выбраться из окаянного хранилища. До сих пор ему еще не приходилось

присутствовать в умирающем чужом мозгу, и абсолютный ужас разрушения едва не свел его с ума.

В хранилище с грохотом обрушился участок крыши, все помещения заволочло бурой пылью. Сквозь грохот до слуха Тимоти донеслись слабые отдаленные стенания...

Когда все закончилось и Тимоти покинул мозг мертвеца, уже не заботясь о том, чтобы завершить самоуничтожение дискеты, он понял, что придуманный им трюк — заставить подсознание человека вывернуться наизнанку — помог ему справиться с неизбежным злом, потому что этого человека необходимо было убить, но что этот самообман не позволит ему самому избавиться от угрызений совести в будущем. Поэтому что от этого не спасают никакие трюки.

Электрокардиограф принялся издавать резкие тревожные сигналы.

Сиделка спала.

А в остальном в палате все было как всегда.

Тимоти посмотрел на труп Вестхолма, хотя ему этого и не хотелось. Хотелось ему лишь одного — поскорее выбраться отсюда, избавиться от больничных запахов, от белизны окружавших его стен, от стерильной чистоты халата, в который была одета спящая сиделка, от режущих слух звуков, издаваемых кардиографом, каждый из которых твердил, казалось, единственное слово: смерть, смерть, смерть...

Тимоти увидел, что удар повредил тонкий аристократический профиль старика, свернув

на бок нос. Лицо уже начало темнеть. Рот так и остался разинутым. В последние мгновения агонии рука судорожно сжала простыню, скрутила ее в комок костистыми белыми пальцами, как будто это могло уберечь от смерти.

Тимоти попытался вспомнить образ, вызванный им из подсознания у Вестхолма, все эти пороки и извращения, все чудовищные непристойные желания, которые составляли внутреннюю сущность этого человека. Но у него ничего не вышло.

А вместо всего этого перед его взором возник образ обнаженной негритянки в спальне у Лиланда, на полу. Но он тут же прогнал его.

Потом собрался. Телепортировался...

Глава 19

Теперь собственный дом стал для Тимоти не самым приятным местом на земле, причем причин для этого было несколько. При взгляде на него он вспоминал о прежнем Тимоти — о том человеке, которым он впредь уже никогда не будет. Расцвет его сверхчувственных способностей и предстоящие ему столетия в компании инопланетян уже начали и, вне всякого сомнения, продолжат изменять его до неузнаваемости, по крайней мере в интеллектуальном и эмоциональном планах. И все-таки ему было жаль расставаться с этим домом. Даже если этот дом перестал быть для него вторым

«я», даже если потерял необычайное значение, которое имел еще совсем недавно, — все равно дом оставался для Тимоти важнейшим звеном, связующим его с прошлым, да и не только с прошлым, но и со всем человечеством. Уход из этого дома означал для Тимоти окончательное и безоговорочное прощание со всем современным миром.

Он прошел на первый этаж и уселся в домашнем кинотеатре полного чувственного восприятия в трехмерном пространстве. Заскучав, выключил проектор, даже не досмотрев фильм до конца. В тире он засадил пару дюжин пуль в мишени, но это не принесло ему никакого удовлетворения. Наверху, в библиотеке, он все же остро почувствовал горечь утраты, очутившись среди книг, пластинок, кассет и дискет. Но и к этим сокровищницам знания он уже не испытывал былой привязанности.

Он подсел к видеофону и набрал домашний номер Джорджа Крили. Темнокожий редактор ответил ему через пару секунд.

— Привет, Джордж.

Он увидел удивление на лице Крили. И вспомнил, что исчез уже несколько дней назад. Его похитили, отвезли в этот дом в Новой Англии и в течение трех дней накачивали ПБТ. А ему самому почему-то казалось, что с тех пор минула целая вечность. Но все это сейчас не имело ни малейшего значения. Крили достаточно хорошо владел собой, чтобы не дать своему изумлению вырваться на-

ружу и не обрушиться на Тимоти с градом истерически-восторженных вопросов.

— Ты отсутствовал, — только и сказал он.

Тимоти кивнул.

— И вроде бы дольше, чем мне самому показалось.

— Ты исчез, не известив об этом заранее. А после истории с МСУ, случившейся накануне, я боялся и вообразить, что могло произойти. Так что я связался с полицией. Разумеется, не поднимая шума. Ты ведь не любишь, когда из-за тебя кто-то суетится.

— Ты все сделал, как надо. Но полицию следует успокоить.

Крили кивнул.

— У меня нет времени на объяснения, Джордж. И, кроме того, я пока к этому не готов. Послушай, мне хотелось бы, чтобы ты включил магнитофон. И записал весь наш дальнейший разговор.

Крили удивленно приподнял брови, но не возразил.

— Все готово, — произнес он через пару секунд.

— Джордж, я рассматриваю этот разговор как имеющий юридическую силу и нотариально заверенный. У тебя будет видеозапись и мой текст. Идентичность и аутентичность голоса всегда можно будет доказать в ходе экспертизы. Я передаю тебе контрольный пакет акций «Страны развлечений» и всех дочерних предприятий.

В первый раз за годы знакомства Тимоти вроде бы удалось застигнуть Джорджа Крили врасплох, вызвав у него смущение и растерянность. Темнокожий редактор всегда был тверд как гранит, а сейчас он напомнил Тимоти медузу. Тимоти с интересом проследил за этой метаморфозой, понимая, что через какую-нибудь пару секунд произойдет обратное превращение. Джордж Крили был не из слабаков.

— Не хочешь ли ты сказать...

— Говорить буду я, Джордж. Я передаю все в твои руки, я назначаю тебя президентом компании и единственным начальником, определяющим политику компании в мое отсутствие. Я назначаю тебе жалованье в размере семикратного нынешнего или, на твое усмотрение и по твоему выбору, в размере пятнадцати процентов чистого ежегодного дохода компании. В случае, если я не вернусь или не сообщу о своем местонахождении до твоей кончины, тебе следует подобрать достойного сотрудника и передать ему бразды правления. Относительно того, на кого в этом случае падет твой выбор, я не налагаю на тебя никаких ограничений. Это тебе ясно?

— Но...

Медуза вновь превратилась в гранитный утес. Смущение Крили выдавал сейчас только голос. Лицо его было бесстрастно, руки лежали на месте и не дрожали.

— Это тебе ясно?

— Черт побери, ясно! Но ты же не можешь...

Тимоти, не дав ему договорить, продолжил:

— Компанию следует преобразовать таким образом, чтобы она ни в коем случае не подлежала продаже в ходе законной процедуры, даже исходя из допущения того, что я умер. Не важно, на сколько затянется мое отсутствие. Ясно? Не важно, сколько пройдет лет, может быть даже столетий. Если в данном случае уместно прецедентное право, то озабочь такой задачей наш юридический отдел. Если дело дойдет до суда и он закончится не в нашу пользу, преобразуй компанию в неприбыльную организацию с тем, чтобы после покрытия всех расходов и прочих выплат, включая налоговые, тридцать процентов чистого дохода ежегодно уходили в банк на мое имя и на счет еще одной неприбыльной организации. Шестьдесят процентов, получающиеся в сумме, должны перечисляться на благотворительные нужды. Эти суммы нельзя использовать не по назначению ни при каких обстоятельствах.

Крили быстро записывал основные цифры.

— Что-нибудь еще? — уточнил он.

— Пока все.

— А могу я задать тебе пару вопросов?

— Попробуй.

— Что произошло?

— Сверхчувственные способности, — ответил Тимоти.

Крили кивнул.

— Что-то в этом роде я и предчувствовал. Они раскрылись в полной мере?

— Не могу представить себе, куда им развиваться дальше. Телепортация. Телепатия. Левитация, независимо от веса. И так далее.

Крили ничем не выказал своего удивления.

— Значит, мы с тобой больше не увидимся?

— Похоже, что так.

— Ты будешь брать деньги с этого счета?

— Нет.

Крили просмотрел свои заметки.

— Просто не знаю, что сказать. Спасибо, наверное.

— А ты ничего не говори.

— Я тебе завидую, — произнес Крили.

— Я понимаю.

Крили кивнул:

— Все мои достижения теперь кажутся мне ничтожными. Ты меня переплюнул одним махом. Ты добился всего, что хотел.

— Я восхищаюсь тобой, Джордж. И по той же самой причине.

Они немного помолчали.

— Ну...

Крили отложил в сторону карандаш.

— Прощай, Джордж, — сказал Тимоти.

И — вопреки уже сложившейся традиции — первым прервал связь с Крили.

Он оторвался от экрана видеофона и еще раз прошелся по всему дому. Проплыл по затененным комнатам к раздвижным стеклян-

ным дверям, заставил их открыться, выплыл на террасу, с которой открывался вид на горный склон, поросший густым ельником. Запах хвои подействовал на Тимоти освежающе. Издалека в ночи слышался шум пролетающего аэромобиля, фары сверкнули, описав дугу с востока на запад, а затем исчезли.

Не так уж давно от стоял здесь, наблюдая за тем, как по ветвям дерева рассаживается птичья стая. Тогда он пользовался механическими руками и был довольно жалким растерянным человеком, которому удавалось жить в мире, лишь сознательно закрывая глаза на многое. Но теперь он вырос. Тагастер погиб, а он сумел отомстить его убийцам. Да, он и на самом деле вырос...

Через несколько минут он вспомнил о том, что не отдал Крили распоряжение заколотить в доме двери и окна. Потом улыбнулся, вспомнив о смекалке этого человека. Крили и сам сообразит, что это необходимо сделать.

И вот наконец у него не осталось никаких причин откладывать возвращение на космический корабль. Ему и впрямь не терпелось немедленно начать новую жизнь. Воспоминания можно отбросить или, на худой конец, законсервировать и отложить на потом. Это были воспоминания о другой жизни. Сегодня ночью ему предстоит родиться на свет заново. Он проглотил комок, застрявший у него в горле, и волевым усилием подавил неизвестно почему проснувшуюся ностальгию, кото-

рая грозила отравить все его дальнейшее существование.

Он собрался.

Вдохнул запах хвои.

И телепортировался...

В просторном главном зале космического корабля отливающие зеленым светом капсулы по-прежнему покачивались на медных тросах, напоминая произведения искусства, созданные первобытным человеком или, напротив, ультрасовременным. И вновь Тимоти ощутил свою причастность этому месту и этому обществу — чувство, которого он в иных обстоятельствах не испытывал никогда и нигде, даже в общении с Леонардом Тагастером. Здесь находился его настоящий дом, среди этих пришельцев с другой планеты, — пусть и продлится это лишь до тех пор, пока представители человечества, много веков спустя, не станут такими, какими им и предназначено быть.

— Ты закончил свои дела? Те, которые мы обсуждали? — окликнули его шепотом.

— Закончил, — ответил он.

Ему было так хорошо и спокойно, как никогда в жизни, и его ровный уверенный голос свидетельствовал об этом.

— Бокс для тебя готов.

— Я вижу, — ответил он, глядя на капсулу, опущенную на уровень пола; казалось, ее изумрудно-дымчатая глубина волнуется, ожидая его.

— Ты боишься?

— Чуть-чуть.

Он понял, что произнес это не разжимая губ. Впервые он соскользнул или вышел на телепатический уровень общения, и это оказалось так же просто, как говорить по-английски.

— Не бойся. Бояться стоит только невежества и тьмы. А ты уже оставил их позади. Ты вступаешь в мир знания и света.

Тимоти вошел в пустую капсулу, опущенную на уровень пола, сквозь круглый люк, открывшийся у нее в боку. Затем крышка люка захлопнулась, и бокс начал подниматься на медном тросе к воображаемой срединной линии между полом и потолком — туда, где уже парили обитаемые капсулы.

По мере того как капсула поднималась, воздух в ней начал твердеть, обволакивая Тимоти. Скоро это вещество заполнило весь бокс. На какое-то мгновение атмосфера в боксе достигла плотности воды, он ощущал эту субстанцию, он мог раздвинуть ее, ощупать и подыскать ей название. Затем субстанция стала густой, как сироп...

Тимоти утрачивал сознательное ощущение собственного тела, хотя его мозг функционировал даже более активно, чем всегда. Казалось, будто умственная энергия, освободившись от опеки над своим временным обиталищем, оказалась полностью задействована в процессе мышления.

В конце концов субстанция, заполняющая капсулу, стала такой же твердой, как стенки самой капсулы. Как дымчато-зеленый изумруд, в который он теперь оказался впечатан. Капсула прекратила подъем и застыла на одном уровне с остальными, в каждой из которых находились люди, прибывшие из дали времени и пространства.

— Добро пожаловать, — зашептали все разом, и голос каждого был гладок и бесстрастен, как отполированный лед. Но тем не менее это были дружественные голоса.

Он не знал, что ответить, не знал, как отреагировать. Он родился и прожил жизнь нежеланным и нелюбимым, ощущая себя скорее жертвой неудачного эксперимента, чем живым человеческим существом. Король послал своих ратников убить младенца Тимоти, а добрые люди спасли его в самый последний миг. В ранней юности он вечно устраивал какие-нибудь каверзы — и за это его наказывали. И теперь, как это ни удивительно, он умер — и одновременно воскрес. Теперь, оставив телесную оболочку, он обрел место, где оказался желанным и где его, возможно, со временем полюбят.

— Да, — сказали голоса, бесстрастные голоса, голоса существ, обладающих неограниченными возможностями. — Да, — сказали они, приветствуя его.

— Пойдем, — окликнул его самый знакомый из всех шепотов. — Здесь больше нет ничего интересного.

— Пойдем? Но куда?

— На звезды. Следуй разумом за мною. Я покажу тебе путь.

Вперед, в бесконечность! А позади — прошлое...

...А может, и будущее, когда человечеству придет пора узнать о космическом корабле в глубине земли под деревенским домом в штате Айова, придет пора узнать об обитателях этого корабля, которым пришлось ждать так долго.

Но это произойдет еще очень нескоро — и сначала стоит слетать на звезды.

Кунц Дин
К91 Звездная кровь: Роман / Пер. с англ.
П.В. Рубцова. — М.: ЗАО Изд-во Центр-
полиграф, 2003. — 253 с.

ISBN 5-227-01212-1

Тимоти — мутант, секретное сверхоружие, результат экспериментов военных. Он становится свидетелем убийства своего единственного друга членами Братства — мощной криминальной структуры. Физически беспомощный, но обладающий уникальным интеллектом и телепатическими способностями, Тимоти мстит за смерть друга.

УДК 820(73)-31
ББК 84(7Сое)

Литературно-художественное издание

Дин Кунц
ЗВЕЗДНАЯ КРОВЬ

Роман

Ответственный редактор *В.И. Мельник*
Художественный редактор *И.А. Озеров*
Технический редактор *Л.И. Витушкина*
Ответственный корректор *В.А. Андриянова*

Изд. лиц. ЛР № 065372 от 22.08.1997 г.
Подписано к печати с готовых диапозитивов 24.09.2003
Формат 70х90^{1/32}. Бумага газетная. Гарнитура «Таймс»
Печать офсетная. Усл. печ. л. 9,36. Уч.-изд. л. 8,92
Доп. тираж 9 000 экз. Заказ № 4131

ЗАО «Издательство «Центрполиграф»
111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15
E-MAIL: CNPOL@DOL.RU

WWW.CENTRPOLIGRAF.RU

Отпечатано с готовых диапозитивов
во ФГУП ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ДУН КЛИЩ

Звездная кровь

Во время войны в лабораториях военных в результате генетических экспериментов на свет появилось существо, обладающее сверхчеловеческими способностями, но физически совершенно беспомощное — Тимоти. Мутант становится свидетелем убийства своего единственного друга членами Братства, криминальной структуры будущего. Тимоти решает отомстить за смерть друга, используя свой мощный интеллект и телепатические способности...

ISBN 5-227-01212-1

9 785227 012128

ЦЕНТРОЛИГРАФ®